

Орден
Знак
Почета

СМЕНА

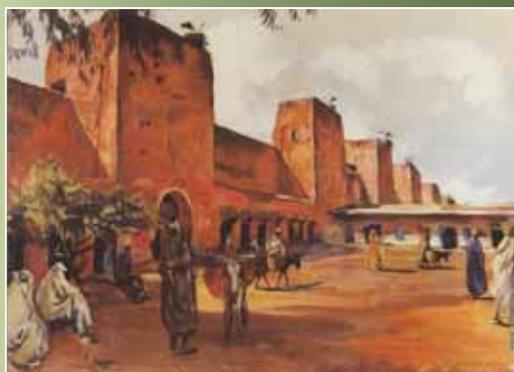
№8 АВГУСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

НЕУЖЕ ЛИ
РАЗВОД...

О жизни и творчестве художницы Зинаиды Серебряковой
читайте на стр. 66

Минувшее

Светлана Бестужева-Лада   **Любезная в царицах Ирина** 4

Литературные страницы МСПС

Борис Телков   **Нос резинового дельфина** 16
Порхание розовых бабочек 25

Леонид Млечин   **Фантазии театрального администратора** 52

Наталья Ахпашева   **Стихи** 82

Хелью Ребане   **Стихи** 85

Александр Силаев   **Условие для близкого знакомства** 110

Елена Колчак   **Заставь дурака Богу молиться** 130

Из российской истории

Денис Логинов   **Приказано обессмертить** 34

Шедевры

Ирина Опимах   **Марокканские красавицы** 66

Замечательные современники

Елена Воробьева   **Александр Миминошвили. «Оперный певец, он — как летчик-истребитель!»** 77

Эльдар Рязанов   **Необычные истории из жизни и творчества Эльдара Рязанова** 86

Год литературы

Илья Рюмин   **Человек будущего** 98

Неизвестное об известном

Юрий Осипов   **Мадам «совершенно секретно»** 114

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилов Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8100

Зак. №9446

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.06.2015

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Были времена, когда к стопятидесятилетнему юбилею писателя Дмитрия Мамина-Сибиряка экранизировали его романы, как, например, «Приваловские миллионы», и зрители буквально захлебывались от восторга. Были времена, когда почти в каждой интеллигентной семье обязательно стояло на книжной полке собрание сочинений этого писателя, а дети зачитывались его «Аленушкиными сказками». Все это было, но сегодня мало кто об этом помнит, никто не держит дома книг Мамина-Сибиряка, а, как следствие, — не читает их. А ведь современники сравнивали его с крупнейшим французским писателем Эмилем Золя. На склоне лет, размышляя о своем месте в русской литературе, Мамин-Сибиряк ставил себе в заслугу, что показал читателю Урал своего времени, с его особенной красотой, неисчислимыми богатствами, и вложил в свои произведения любовь к обездоленному люду, преклонение перед его силой и мудростью..

Илья **Логинов** «Забытый классик»

« Имя Сергея Лазо в СССР было известно всем. Историю его героической жизни и смерти преподавали в школах и вузах, о нем писали стихи и песни, ставили спектакли и снимали фильмы, его именем называли улицы и населенные пункты, памятники Лазо украшали парки и скверы. И все-таки о его славной жизни знали очень мало, а вот о жуткой смерти помнили все. По официальной версии, Сергея Лазо вместе с Всеволодом Сибирцевым и Алексеем Луцким белогвардейцы бросили в топку паровоза, и они сгорели заживо за дело революции. Как же все было на самом деле?..

Светлана **Бестужева-Лада** «Жизнь и гибель Сергея Лазо»

« Не найдется, пожалуй, в послереволюционной российской поэзии фигуры более яркой и более трагичной, нежели Сергей Есенин. Он прожил очень мало, но успел много. И ушел из жизни темно, страшно и одиноко, породив разные версии собственной смерти. Он рано заставил говорить о себе и до последнего сохранил мощь своего дарования. Его стремительный жизненный путь начинался в «стране березового ситца», на Рязанщине, и он сам называл себя «последним поэтом деревни». Это было в Есенине настоящее, это питало его поэзию, на этом он и стоял...

Юрий **Осипов** «Поэт земли русской...»

« Он называл ее своей женой перед Богом. Она однажды призналась: «Я согласна умереть через два часа, если один из них смогу называться женой Нельсона». Но им так и не дано было осуществить свое самое заветное желание. Зато в нашем сознании их имена неразрывно связаны. Леди Гамильтон... звучит как отзыв на пароль — Нельсон....

Алла **Зубкова** «Эмма и адмирал»

« Окончание иронического детектива Елены **Колчак** «Заставь дурака Богу молиться...»

Светлана Бестужева-Лада

ЛЮБЕЗНАЯ В ЦАРИЦАХ Ирина

Она была взята в царские палаты в возрасте семи лет и воспитывалась там до брака. Вероятно, во дворец Ирина попала в 1571 году, когда ее дядя Дмитрий Иванович был пожалован в думу в чине постельничего. До совершеннолетия она воспитывалась в царских покоях вместе с братом Борисом, находившимся «при его царских пресветлых очах всегда безотступно».

Она же стала первой русской самодержавной царицей после смерти своего супруга, царя Федора Иоанновича. И могла бы царствовать, но... «не возжелала». Номинально побыв царицей неделю, Ирина приняла постриг в Новодевичьем монастыре как инокиня Александра, и уже не покидала монастырских стен до своей смерти.

Дочь костромского помещика, не титулованного боярина Федора Годунова Ирина родилась в 1557 году. Она была младшей сестрой будущего царя Бориса Годунова. Начиная с середины XVI века, дядья Бориса и Ирины занимали достаточно высокое положение при московских государях. Потому-то брат с сестрой еще в детские годы оказались при царском дворе, где воспитывались вместе с детьми Ивана IV. Этим в значительной степени объясняются крепкие связи Бориса и Ирины с царевичем Федором, унаследовавшим от отца в 1584 году русскую корону.

В 1580 году Ирина стала женой царевича Федора, а ее брат, Борис Годунов, достаточно рано, в 28 лет, получил боярство. Сватовство происходило без традиционного царского смотра невест, стараниями дядьев и самого Бориса. Просто царевич Федор не мыслил себе иной жены, кроме Ирины, к которой привязался с момента ее появления при дворе, и решительно отклонял любые другие кандидатуры, коих было предостаточно.

Брак с Федором совершился по воле царя Ивана IV и послужил новой ступенью для возвышения Годунова, дальнейшее влияние которого на Федора в значительной мере основывалось на любви последнего к Ирине. Свадьбе способствовал

*Ирина Годунова.
Скульптурная реконструкция
по черепу*

дядя Дмитрий Иванович, постельничий царя. На момент свадьбы Ирине было 23 года, так же как и Федору Иоанновичу.

3 июля 1583 года в царских палатах произошло одно из самых загадочных убийств не только XVI века, но и, пожалуй, всех правящих династий Европы. Иван Грозный в припадке гнева, что есть силы ткнул своего сына царевича Ивана посохом в висок. Удар был сильным и точным — бедный царевич скончался на месте.

Говорили, что Иван Грозный сильно переживал о случившемся, ведь это был его старший, самый любимый сын. Второй сын изначально не был готов к тому, чтобы править страной. *«Постник и молчальник, быть бы ему монахом, а не царем»*, — изрек как-то государь.

Говорили также, что Борис Годунов, любимец царя, пытаясь заступиться за царевича, тоже был ранен. Это еще сильнее привязало к нему горько раскаивавшегося в своем поступке Грозного.

Ирина ухаживала за больным Иваном IV перед его смертью и позаботилась о том, чтобы Годунов, несмотря на жестокие нападки со стороны бояр, не впал в глазах умирающего в немилость. Карамзин же пишет, что за три дня до смерти царя Ивана IV она пришла утешить больного, но *«бежала с омерзением от его любово-страстного бесстыдства»*.

Самолюбивая, гордая и очень красивая Ирина Федоровна вышла

замуж за слабого волей и здоровьем Федора Ивановича исключительно по любви. Царевич Иван пребывал тогда в добром здравии, его супруга ожидала наследника, и стать царицей Ирина рассчитывать не могла, хотя некоторые историки упрекали ее именно в этом тщеславном желании.

Ирина стала царицей в 27 лет, когда на престол вступил ее супруг, и почти сразу оказалась весьма значимой фигурой в общественно-политической жизни.

«Ирина Годунова, в отличие от предшествовавших цариц, играла общественную и политическую роль, которая уже расходилась с образом женщины, проводившей большую часть времени в тереме».

Она не только принимала иностранных послов, но и участвовала в заседаниях Боярской думы. Сохранился ряд документов, где рядом с подписью царя Федора есть подпись царицы Ирины. Она вела переписку с королевой Елизаветой Английской (именовавшей ее «любезнейшею кровною сестрою») и патриархом Александрийским, прикладывала огромные усилия для признания Русской православной церкви, которая тогда еще не являлась патриархатом.

Она посылала патриарху дорогие подарки — и в ответ в июле 1591 года он прислал ей часть мощей святой Марии Магдалины («от руки перст») и «венец царской золот, с камнем и с жемчюги».

В январе 1589 года Ирина в Золотой царицыной палате приняла Константинопольского патриарха Иеремию, прибывшего в Москву, чтобы учредить в России патриаршую кафедру и поставить на нее Иова — первого русского патриарха. Событие, о котором практически ничего не пишут историки, но которое имело для Руси колоссальное значение: отныне она становилась независимой от киевского патриарха. Роль царицы Ирины в этом трудно переоценить.

Описание этого события оставил епископ Арсений Елассонский, сопровождавший церковного иерарха в Россию:

«Тихо поднялась царица с своего престола при виде патриархов и встретила их посреди палаты, смиренно прося благословения. Вселенский святитель, осенив ее молитвенно большим крестом, воззвал:

— Радуйся благоверная и любезная в царицах Ирина, востока и запада и всея Руси, украшение северных стран и утверждение веры православной!»

Затем патриарх московский, митрополиты, архиепископы, епископы и прочие благословляли царицу (не царя!) и говорили ей подобные приветственные речи. Ирина... выступила с ответной речью. Дело для Руси неслыханное — публичное явление царской супруги, да еще с речью. Это первый случай публичного выступления русских государынь, известный по письменным источникам.

«Великий господин, святейший Иеремия Цареградский и Вселенский, старейший между патриархами! Многое благодарение приношу святыне твоей за подвиг, какой подъял на пути странствия в нашу державу, дабы и нам даровать утешение видеть священную главу твою, уважаемую паче всех в христианстве православном, от коей и мы восприяли благодать ныне, и за сие воздаем хвалу Всемогущему Богу и Пресвятой Его Матери и всем святым, молитвами коих сподобились такой

ный конец, чрез многие подвиги дальнаго странствия, привел во дни нашей державы твою святыню Всемогущий Бог».

После этой «прекрасной и складной» речи, по отзыву епископа Арсения, царица, отступив немного, встала между своим мужем, царем Федором, и братом Борисом.

Гостей потряс богатый наряд царицы. Арсений отмечает, будь у него и десять языков, то и тогда он не смог рассказать обо всех виденных им богатствах царицы:

Брак с царевичем Федором совершился по воле царя Ивана IV и послужил новой ступенью для возвышения Бориса Годунова, дальнейшее влияние которого на Федора в значительной степени основывалось на любви последнего к Ирине

неизреченной радости. Воистину ничто не могло быть честнее и достохвальнее пришествия твоего, которое принесло столь великое украшение церкви Российской, ибо отныне возвеличением достоинства ея митрополитов в сан патриарший умножилась слава всего царства по вселенной. Сего искони усердно желали прародители наши, христоробивые государи, великие князья и цари, и не сподобились видеть исполнения своих благочестивых желаний; и ныне на сей их вожделен-

«И все это видели мы собственными глазами. Малейшей части этого великолепия достаточно было бы для украшения десяти государей».

После обмена речами боярин Дмитрий Иванович Годунов передал обоим патриархам подарки от царицы — каждому по серебряному кубку и бархату черному, по две камки, по две объяри и по два атласа, по сороку соболей и по 100 рублей денег. Вручая дары, он сказал патриарху:

— Великий господин, святейший Иеремия Цареградский и Вселен-

ский! Се тебе милостивое жалование царское, да молишь усердно Господа за великую государыню царицу и великую княгиню Ирину и за многолетие великого государя и о их чадородии.

Патриарх благословил царицу и помолился о даровании ей «царского наследия плода». Когда завершилась церемония вручения даров и другим участникам приема (в том числе и епископу Арсению), царица, «печаль-

ная о своем неплодии», вновь обратилась к патриарху и сопровождавшему его духовенству с просьбой усерднее молиться о даровании ей и царству наследника. Слова ее тронули многих. Как пишет Арсений Еласонский, все «плакали и единодушно молили об исполнении ее заветного желания».

Царь Федор Иоаннович, судя по всему, очень любил и ценил свою жену. Все предпринимавшиеся попытки высшей знати развести его с Ириной Годуновой, не давшей русскому престолу наследника, ни к чему не привели. Единственный ребенок царя — дочь Феодосия — прожила недолго, менее двух лет.

Да и сам он долго и часто болел. Во время одной, особо тяжелой болезни, в начале 1585 года, когда медики опасались наихудшего исхода, Борис Годунов совершил серьезный промах, направив нескольких доверенных лиц в Вену. Переговоры с венским двором были окружены строжайшей тайной.

«Не рассчитывая на то, что Ирина Годунова сохранит трон после смерти мужа, Борис тайно предложил Вене обсудить вопрос о заключении брака между нею и австрийским принцем и о последующем возведении принца на московский трон. Правитель не видел иных способов удержать власть. Но затеянное им сватовство завершилось неслыханным скандалом. Царь Федор выздоровел, а переговоры получили огласку».

Это сильно подорвало положение Бориса при царе, однако он как-то сумел выпутаться и из этой ситуации.

В том же году англичанин Джером Горсей, по просьбе Бориса, с началом навигации отплыл в Россию. При нем были королевский медик Роберт Якоби и повивальная бабка, но акушерку задержали в Вологде и не пустили дальше. Дело это принесло много неприятностей Борису. Ему пришлось прибегнуть к хитрости, чтобы не допустить обсуждения щекотливого вопроса в Боярской думе. Обращение к «иноверцам» и «еретикам» привело в неистовство противников Бориса, ревностно заботившихся о благочестии и не допускавших мысли о том, что «еретическая дохторица» (повивальная бабка) может облегчить появление на свет православного царевича.

Могли бы, конечно, вмешаться церковные иерархи, о которых столько радела царица Ирина, но, по видимому, не сочли нужным. «Чистота веры» была для них гораздо важнее желаний царской четы иметь законное потомство. А ведь история России могла сложиться совершенно иначе, сумей Ирина с помощью английской акушерки произвести на свет здорового ребенка.

Но наследника престола в этой семье так и не дождались. Активнее стали попытки боярской верхушки развести царя Федора с Ириной Годуновой: отсутствие наследника считалось в прошлом серьезной го-

сударственной проблемой. Бояре напрямую требовали от царя сослать «неплодную» супругу в монастырь и взять за себя кого-либо из знатных девиц. Но слабый и, в общем-то, безвольный царь Федор в этом вопросе был непреклонен: он любил Ирину и не желал иной жены.

Русские писатели XVII века старались щадить имя благочестивой Ирины Годуновой. Тем не менее, в их сочинениях также можно обнаружить намеки на подготовлявшийся развод. Осведомленный москов-

Осторожный дьяк не назвал имен «неких» лиц, которые «понуждали» Федора к «второбрачию». Более того, он умолчал о том, существовала ли только угроза «понуждения» царя к разводу, или «некие» лица привели ее в исполнение. А угроза действительно существовала в лице конкретных людей, заинтересованных во вторичном браке царя.

И хотя позиции Ирины при дворе были сильны, неудачи Бориса предоставили его недоброжелателям возможность сместить его лучшую по-

Царь Федор Иванович очень любил и ценил свою жену. Все предпринимавшиеся попытки высшей знати развести его с Ириной Годуновой, не давшей русскому престолу наследника, ни к чему не привели. Бояре напрямую требовали от царя сослать «неплодную» супругу в монастырь. Но слабый и безвольный царь Федор в этом вопросе был непреклонен: он любил Ирину и не желал иной жены

ский дьяк Иван Тимофеев, в обычных для него туманных выражениях, повествует о том, что Борис насильственно постригал в монастырь девиц — дочерей первых (!) после царя бояр, опасаясь возможности повторного брака Федора: «яко да не понудится некими царь принята едину от них второбрачием в жену неплодства ради сестры его».

мощницу. В 1587 году против Ирины возник боярский заговор. Заговорщики хотели потребовать от царя Федора, чтобы он разошелся с женой, как с не произведшей до сих пор на свет наследника. Земцы явились во дворец и подали Федору прошение, «чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу отпустил во иноческий чин».

«Прощение» равнозначно было соборному приговору: его подписали регент князь Иван Шуйский и другие члены Боярской думы, митрополит Дионисий, епископы и вожди посада — гости и торговые люди. Чины требовали пострижения Ирины Годуновой, а следовательно, и удаления Бориса. Выступление земщины носило внушительный характер.

Но Федор решительно воспротивился, чего от него никто не ожидал. 13 октября 1586 года митрополит Дионисий был лишен сана, пострижен в монахи и сослан в Хутынский монастырь в Новгороде. Его «собеседника» архиепископа крутицкого Варлаама Пушкина заточили в новгородский Антониев монастырь, Василия Шуйского сослали в Буйгород, в Суздальский Покровский монастырь была сослана княгиня Марфа Ивановна Татеева.

Бояре и духовенство притихли.

Но ситуация обострялась неприязнью к Борису Годунову, представителю рядового дворянства, занявшему первое место при царской особе и фактически правившему страной от имени Федора Иоановича. Усилились стремления во что бы то ни стало устранить его от власти. Но и тут боярские интриги столкнулись с категорическим отказом царя удалить от себя брата любимой жены.

В 1590 году Ирина, пока ее супруг воевал со шведами, находилась в Новгороде. Наконец 29 мая 1592 года родилась их единственная дочь Фео-

досия Федоровна, которая вскоре скончалась. Во время ее рождения среди народа ходили слухи, что на самом деле у Федора родился сын, но его подменил девочкой незнатных родителей Борис Годунов. Благодаря этому во время Смуты возникло много самозванцев, выдававших себя за сына царя Федора.

И об этом, кстати, историки предпочитают умалчивать. Все внимание — на самозванца и его последователей под именем Дмитрия. Совсем заслонила фигура «злодея-Годунова» его шурина-царя. Да и сестру заодно.

После смерти царя Федора в 1598 году явно обозначились уже конкретные претензии Бориса Годунова на русский трон.

Официальная версия, исходившая от Годуновых, была такой:

«Как значилось в утвержденной грамоте, Федор "учинил" после себя на троне жену Ирину, а Борису "приказал" царство и свою душу в придачу». То есть оставлял Ирину царствовать, но не править — править должен был ее брат в качестве своего рода «премьер-министра».

Окончательная редакция той же грамоты гласила, что царь оставил «на государствах» супругу, а патриарха Иова и Бориса Годунова назначил своими душеприказчиками.

Наиболее достоверные источники повествуют, что патриарх тщетно напоминал Федору о необходимости назвать имя преемника. Царь, по обыкновению, отмалчивался и ссы-

лался на волю божью. Будущее жены его тревожило больше, чем будущее трона.

По словам очевидцев, перед самой смертью Федор все-таки наказал Ирине «принять иноческий образ» и закончить жизнь в монастыре.

После смерти Федора Иоанновича бояре, опасаясь бедствий междуцарствия, решили присягнуть Ирине. Этим путем они собирались воспрепятствовать вступлению на трон Бориса Годунова.

Преданный Борису Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. Обнародованный в церквях пространный текст присяги вызвал общее недоумение. Подданных заставили принести клятву на верность патриарху Иову и православной вере, царице Ирине, правителю Борису и его детям. Под видом присяги церкви и царице правитель фактически потребовал присяги себе и своему наследнику, создавая тем самым новую династию.

Испокон веку в православных церквях пели «многие лета царям и митрополитам». Патриарх Иов не постеснялся нарушить традицию и ввел богослужение в честь вдовы Федора. Летописцы сочли такое новшество неслыханным.

«Первое богомолие (было) за нее, государыню, — записал один из них, — а преж того ни за которых цариц и великих княгинь бога не молили ни в охтенях, ни в многолетье».

Иов старался утвердить взгляд на Ирину как на законную носительни-

цу самодержавной власти, но ревнители благочестия, и среди них дьяк Иван Тимофеев, заклеили его старания, как «бесстыдство» и «нападение на святую церковь».

Сначала Борис Федорович попытался закрепить бразды правления государством за своей сестрой. И до середины января 1598 года статус «государыни» подтверждает целый ряд документов, составленных от ее имени. Так, «по приказу государыни царицы и великой княгини Ирины Федоровны всеа Руси» после смерти царя Федора были разосланы воеводы *«по городам на Литовскую и на Немецкую Украину для укрепления Московского государства от пограничных государств».*

Но длилось самостоятельное правление царицы Ирины немногим более недели, а не заладилось — уже с первых дней. Через неделю после кончины мужа она объявила о решении постричься. В день ее отречения в Кремле собрался народ. Официальные источники позже писали, будто толпа, переполненная верноподданническими чувствами, слезно просила вдову остаться на царстве. Реально настроения народа внушали тревогу властям. Голландец Исаак Масса подчеркивал, что отречение Годуновой носило вынужденный характер:

«Простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве столпился около Кремля, шумел и вызывал царицу... Дабы избежать великого несчастья и возмущения, Ирина вышла на Красное

*Царь Федор
Иоаннович
Романов —
супруг Ирины*

крыльцо и объявила о намерении постричься».

Австриец Михаил Шиль пишет, что, взяв слово после сестры, Борис заявил, что берет на себя управление государством, а князя и бояре будут ему помощниками.

На 9-й день после смерти мужа Ирина удалилась в Новодевичий монастырь и постриглась там, приняв имя инокини Александры — и таким образом освободив дорогу брату:

«...Ирина Федоровна всеа Руси после государя своего царя и великого

князя Федора Ивановича всеа Руси, оставя Российское царство Московское, и поехала с Москвы в Новодевичей монастырь». (Вплоть до избрания Бориса царем боярская дума издавала указы от имени «царицы Александры».)

Так что перед избранием нового царя шествие просителей от населения отправилось не в Кремль, а к Новодевичьему монастырю, где находился Борис, сопровождавший Ирину, там толпа убеждала его принять корону, он же отказывался.

Зато Ирина перед выборами немало сделала для воцарения брата: вела задушевные беседы с духовенством, боярами, купечеством, простолюдинами. Царицу-монахиню любили и к ее словам охотно прислушивались, но...

Есть свидетельства о том, что Годуновы нередко прибегали к подкупу. Ирина, например, тайно склоняла дорогими подарками полковников и капитанов, чтобы они уговаривали подчиненных им воинов подавать голоса в пользу брата.

Пелена русского православного шитья, изображающая св. мученицу Ирину

Ирина благословила брата на царство 21 февраля 1598 г. Земский собор 27 февраля 1598 года избрал Бориса царем. Гениальная сцена из пьесы Пушкина — почти полный вымысел, все было гораздо сложнее. Хотя бы потому, что простой народ не любил Годунова за то же, за что не любили бояре — недостаточную древность и знатность рода.

В монастыре вдовствующая царица прожила пять лет и скончалась 29 октября 1603 года. Похоронили Ирину Годунову, как и всех цариц, в Вознесенском монастыре московского Кремля, в белокаменном монолитном саркофаге. Надписи-эпитафии на крышке гроба не было, в чем, возможно проявился акт смирения и уничижения, свойственный монашеству.

В 1929–1931 годах захоронения были разорены при уничтожении монастыря, и силами сотрудников перенесены в Архангельский собор, а затем в подземную палату рядом с ним.

щины. В последние годы жизни ей, вероятно, было трудно ходить. Обострению болезни, возможно, способствовали и тяжелые условия жизни в монастыре — холодные каменные палаты, аскетизм монашеского бытия. Патология в области таза повлияла на способность вынашивать детей».

Следует добавить о богатых вклады, сделанных в Троице-Сергиев монастырь по царице Ирине (Александре). Так, в 1603 году «октября в 31 день блаженные памяти по государыне царице и великой княгине

Перед самой смертью Федор все-таки наказал Ирине «принять иноческий образ» и закончить жизнь в монастыре. На 9-й день после смерти царя Ирина удалилась в Новодевичий монастырь и постриглась там, приняв имя инокини Александры

В 2001 году было произведено вскрытие захоронения Ирины Годуновой. В нем участвовала большая группа исследователей.

«Состояние скелета царицы — одного из важнейших объектов исследования — оказалось удовлетворительным. Его изучение показало, что какое-то заболевание, которым страдала Ирина, возможно наследственное, привело к значительной патологии костных тканей, что сказалось на опорно-двигательном аппарате этой еще не старой жен-

Ирине, во иноцех Александре, пожаловал прислал вкладу государь царь и великий князь Борис Федорович всея Руси денег 1000 рублей». Зафиксировали документы и вклад самой царицы Ирины от 1598 года: «Преставися <...> государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси и по нем <...> пожаловала его благоверная царица и великая княгиня инока Александра прислала на сорокоусты и на церковное строение денег 3000 рублей».

И все равно — забыта. □

Борис Телков

НОС
РЕЗИНОВОГО
ДЕЛЬФИНА

...Жан Марэ разочаровал меня дважды и вскоре тихо скончался на своей вилле.

* * *

— Смотрите, смотрите — вон Анька в болоньевом плаще!

Старый, замученный женщинами журнал мод, два часа дремавший на коленях моей юной тети, в одно мгновение летит в угол дивана. Страницы, взбалмошно прохлопав, укладываются в беспорядке.

Игроки в лото поворачивают головы, но никого не видят в окне, кроме тети, бабочкой мечущейся по стеклу. Наконец она, вцепившись накрашенными коготками в раму, замирает, и я в проеме между ее острым локтем и облупленным подоконником вижу поселковую модницу Аньку в синем коротком плаще, вышагивающую вдоль садовой изгороди нездешней походкой, как бы вкручивая каблуки белых туфель в дощатый тротуар.

— Все. Это уже второй плащ на поселке — теперь хоть на улицу не показывайся... — обреченно, как смертельный диагноз, произнесла тетя и, едва добредя до дивана, рухнула плашмя.

— Надька, лошадь, всю мебель угробишь! — отозвалась с кухни на пружинное уханье бабушка.

Она была замкнутой, даже угрюмой, все игры считала тяжким грехом, поэтому, когда в наш дом во время «сиесты» сползались соседи с газетными кульками семечек и денежной мелочью в карманах, демонстративно покидала гостиную и отступала на кухню, где воинственно бряцала ка-

стрялями, напоминая легкомысленному мужу о своем присутствии. Это было ненапрасной мерой предосторожности, потому что состав играющих, как правило, оставался не изменен: я, дедушка и три его подружки, вдовы соседки — Ерофеева, Фарахова и Лунькова. Я не раз видел, как дед между делом, во время игры в лото, похлопывал и пощипывал их свесившиеся с краев табуретки, будто забродившее тесто, тяжелые округлости. Бабушка через каждые четверть часа сквозь щель меж кухонных занавесок делала контрольный осмотр играющих, кроме того, на нее, обычно глуховатую, в эти часы нисходило чудо, и она обретала слух. Даже через стену слышала, как в ответ на замечание моя зареванная тетя, ее дочь, что-то мстительно пробурчала в ответ.

— Вечером — никакого кина! Нечего этот срам смотреть...

Стало тихо... Бабушка явно увлеклась. Ее наказание было так же нелепо и жестоко, как двадцать пять лет каторги за украденную курицу. Дед, оттопырив и без того увесистую нижнюю губу так, что стали видны фиолетовые прожилки, пошевелил бровями — он всегда это делал в моменты душевной смуты и задумчивости, подобно муравью, в путанице хвоинок усиками отыскивающему верный путь. Ему было жаль младшую, но вступать в пререкания с озлобленной бабушкой, сидя в кругу пышнотелого гарема, он не рискнул.

— Тридцать пять. У меня квартира, — достав из гремучего холщового мешка отполированный руками деревянный бочонок с цифрой, важно проговорил он.

— Везучий ты, кум! — заегозила на табуретке завистливая Лунькова. — Хоть бы мне угодил...

— А ты лучше попроси — угодит куда надо... Он у нас никому не отказывает — ворошиловский стрелок! — сразу отозвалась с кухни бабушка и, судя по короткому кошачьему воплю и последовавшему за этим стремительному топоту босых пяток по половицам, вышвырнула во двор кота Ваську, невиннейшую божью тварь и моего большого друга.

Следом, стена и заламывая руки, выбежала моя юная тетя.

Я едва дождался окончания игры и вышел из-за стола. Солидный выигрыш в двадцать две копейки, а это верные пять гашеных почтовых марок из серии «Космонавтика», продаваемых в единственном на поселке газетном киоске, не радовал меня. Мы были очень дружны с тетей, несмотря на разницу в возрасте почти в десять лет. Ее сестры давно жили взрослой скучной жизнью, поэтому мне, единственному из домашних, тетя доверяла свои тайны, и я, как никто другой, понимал, насколько тяжело ей сейчас после бабушкиного приговора.

Дело в том, что сегодня вечером в шахтерском клубе будут показывать новую французскую киноленту. В поселке считалось очень хорошим то-

ном и серьезной заявкой на руку и сердце, если молодому человеку удалось приобрести загодя два билета и пригласить свою подругу на заграничное кино. Совместные переживания в городском кинотеатре и дружное лизание эскимо в темноте приравнялись к нынешней поездке на Канары или, как минимум, к дорогому ужину в престижном ресторане.

Сегодня утром моя юная тетя похвасталась голубым лоскутком билета, спрятанным под скатертью стола.

— Вот. Один дурачок отличился. — Она взяла бумажку двумя пальчиками и помахала ею перед собой, как веером. — На что рассчитывает — не знаю...

Не выдержав надменного тона великосветской львицы, тетя совсем девчоночьи прыснула. Я тоже снисходительно ухмыльнулся: у Петьки Николаева, по кличке «Сопливый», действительно, не было никаких шансов стать моим родственником. И это даже не потому, что он вечно пускает носом изумрудные пузыри и подтягивает сползающие штаны, просто моя тетя влюблена в другого человека. Он живет далеко от нашего шахтерского поселка, красив, как Магомаев, нет, даже лучше, и силен, как забойщик Панышин. Он уже не юн, но место спутницы жизни свободно. Об этом, по большому секрету, сообщила моей тете подружка Анька, конечно же, не воспринимая ее как возможную соперницу.

А зря! Звали этого человека непросто — Жан Марэ. Лично я его в глаза не видел, мне добавить нечего. Директор клуба, бывшая военврач, женщина со скальпельным взглядом и трубным голосом, строго блюла нравственность среди поселковой молодежи — на афишах с рекламой любого иностранного фильма, пусть даже из жизни животных, всегда чернела инквизиторская метка: «Кроме детей до 16 лет!!!» Конечно, это были не наши звери, мартышки, например.

Зато тетя много рассказывала о своем возлюбленном. После вечернего сеанса она возвращалась домой около полуночи. Все в доме уже спали, кроме меня. Я лежал на высокой, чугунного литья кровати и, запрокинув руки за голову, прислушивался к звукам с улицы. Первыми из клуба выходили молодые супружеские пары. Они спешно топали по тротуару, на ходу обменивались короткими встревоженными фразами, не проснулся ли ребенок, и какими словами их встретят старики. Получасом позже валил «холостяжник». Их было слышно издали по хохоту, визгу и лаю собак. Останавливались возле каждого дома, висели на заборах.

Возвращение тети домой я распознавал по металлическому стуку задвигаемой щеколды и последовательному бряканью сбрасываемых у дверей туфель. Светлой тенью она проскальзывала в сумеречную гостиную и шепотом спрашивала:

— Пузырек, ты еще не спишь? Что я тебе сейчас расскажу!..

Тетя на цыпочках убежала на кухню, чем-то там шуршала, приглушенно звякала посудой и появлялась вновь уже с плоской тарелкой, где нечто сваленное грудой источало чесночно-мясной аромат.

— Ух, наемся! — С хлюпаньем втягивая в себя слюну, она в нетерпении ставила, почти кидала тарелку мне прямо в кровать и, не дойдя до дивана, хваталась за подол платья. Я слегка смущался, но всегда смотрел на то, как тетя, извиваясь змеей, освобождается от короткого и тесного платья. Впрочем, стриптиз был достаточно целомудренным, если учесть, что происходило это в комнате, лежащей на самом дне белой ночи, и то, что на моей тете, после того как платье привидением летело на диван, оставались две полоски, узкая и широкая. Об их присутствии я скорее догадывался, чем различал на теле: тетя была белокожей, никогда не загорала на солнце, в полдень надевала темные очки, а на нос слюной приклеивала березовый листочек — уже через пять минут под прямыми лучами ее кожа приобретала молочно-розовый цвет любительской колбасы.

Потом тетя распахивала настежь дверцу огромного самодельного шкафа и пряталась за нею, как за ширмой. Облокотясь локтем на подушку, я смотрел под дверцу на то, как тетя, приподняв сначала одну, затем другую босую ногу, переступает через скрученные в жгут трусики. Потом за ширмой еще не раз щелкали резинки по голому телу, трещали швы, над верхним краем дверцы утопающе мелькали руки. Я старался казаться равнодушным, слегка хмурым, как мужчина, ожидающий женщину возле кассы ювелирного магазина.

Наконец тетя появлялась в огромном белом балахоне, оттого похожая на снеговика. Все три сестры до самого замужества вместо ночнушек носили армейские нательные рубахи, которые бабушка, как, впрочем, и вся остальная гольтьба поселка, скупала за самогон и сало в воинской части, стоящей неподалеку в лесу.

— Быстро — к стенке! — радостно шикала на меня тетя, с маху плюхаясь на пружинный край кровати.

Однажды, запутавшись ногами в ветхом пододеяльнике, я не успел отпрянуть в сторону и вместе с пустой тарелкой, кусками вареной курицы, полбуханкой хлеба, чесноком и еще какой-то снедью подлетел в воздух.

— Ой, бляха-муха! — взвизгнула тетя, спрыгивая на пол. Она уже год малярила на стройке и знала несколько нехороших слов. Но я, не задумываясь, простил тетю, так как, во-первых, колючие хлебные крошки на простыне и холодная, скользкая, как мыло, курица на животе — это неприятно, а во-вторых, я знал, что только сумерки мне не позволяют увидеть краску стыда, полыхнувшую юную тетю по щекам.

В течение четверти часа я, в сатиновых армейских трусах до колен, и тетя, в солдатской рубахе, величиной с детский пододеяльник, тычась

лбами, сдавленно хихикая, перекидывали полностью всю постель. Кстати, нашли занятный дедушкой — а кем же еще?! — трешник в одной из дырок матраца. Я скромно отказался от своей законной доли, а тетя великодушно пообещала привезти мне из города альбом для марок.

Навалившись на чугунное литье спинки кровати и накрывшись до пояса одеялом, мы располагались поудобнее, и тетя начинала свой рассказ всегда с одной и той же фразы:

— В одном старинном французском городе... Пузырек, я думаю, это был сам Париж.

А что дальше? Конечно, появлялась красавица с длинными белокурыми локонами или же черными, как смоль, кудрями. Независимо от цвета волос, руки — сущий алебастр. На блистательном великосветском балу в нее по уши влюбляется благородный граф или маркиз, тайный чемпион Франции по фехтованию. Два прекрасных душой и телом человека устремились друг к другу, как голубки, но... Ах, эти жестокие любовные «но»! Сколько они в будущем попортят мне крови... Красавица, естественно, замужем. Супруг, вне сомнения, чудовище, плешивое и гнусавое ничтожество в орденах. В свое время он обманом и коварством завладел ее лилейной ручкой. Старый злыдень втянул воздух своими звериными ноздрями и почуял опасность, исходящую от красавца-маркиза. В голове вельможи рождается коварнейший план, он подкупает шайку злодеев-убийц, и тут начинается то, что составляет суть фильма — борьба за любовь. На протяжении киношного часа ристалище идет с переменным успехом, силы примерно равны: обманутый муж — нечеловечески подл и вероломен, благородный красавец-маркиз или же граф — умен и ловок. Финал фильма справедлив и однообразно эффектен: старый сластолюбец, пронзенный шпагой прекрасного во всех отношениях соперника, медленно, чтобы зритель насладился, падает с самой высокой часовни города. Возможно, даже Парижа.

Моя юная тетя всегда очень страстно пересказывала сюжеты этих романтических фильмов, а при передаче дуэльных сцен так неожиданно взмахивала руками, что при зловещем шепоте: «И он выхватил шпагу!» — я кидался от нее к стенке, так как не раз получал костяшками пальцев по лбу. Тетя очень ярко и образно передавала портреты и характеры киношных персонажей, сравнивая их с некоторыми жителями нашего шахтерского поселка. Вот только главного героя, которого играл, конечно же, Жан Марэ, я никак не мог себе представить. О нем тетя говорила с полуморочным придыханием и в такой превосходной степени, которая многократно превышала все возможные нормы человеческого совершенства, это был дух, небожитель.

Я обошел вокруг дома в поисках тети, заглянул на сеновал, полный ароматов подсыхающей луговой травы, потом зачем-то спустился в курятник, как в преисподнюю. Из душного полумрака несущка встретила меня полусонным недовольным кудахтаньем, чем-то похожим на бабушкино ворчание. Они даже были схожи меж собой: всклокоченные, на коротких быстрых ногах, озабоченно близорукие. Досадливо цыкнув на курицу, я вышел на свежий воздух с еще более тревожным предчувствием.

Вероятнее всего, тетя отлеживалась у Аньки, но идти на другой конец поселка, маячить у занозистого забора, с риском быть укушенным мелкой злобливой собачонкой Кислотой, мне не хотелось. Через полчаса я все же выглянул за ворота в надежде поймать попутного или свободного велосипедиста, как вдруг увидел саму виновницу моих тревог. Она сидела на лавочке под соседской рябиной, вытянув ноги в рваных босоножках, и обмахивала себя листом лопуха. Даже издали были видны красные пятна на скулах.

Я подошел и опустился рядом на скамейку. Тетя даже не взглянула на меня, молча пересела чуть дальше, подсунув под себя ладони. Это перемещение по лавке я воспринял, как благодарность и приглашение разделить с ней горе. Мы молча принялись смотреть на Водопьяновскую лужу, вернее на то, что от нее осталось.

Второй месяц стояла африканская жара. Рыжий сланец на дорогах поселка прокалил насквозь и уже слепил глаза белизной, как известка. Показалось дно самой известной лужи у дома конюха Водопьянова и за два дня превратилось в терракоту. За это короткое время ребятня и даже некоторые взрослые успели оставить свой след на глине — тихими душными ночами впадина вздыхала о Шерлоке Холмсе.

Как-то за очередной партией в лото дед обмолвился, что такой жары не было двадцать шесть лет. Мне подобная памятьвость деда показалась подозрительной, тем более у человека, который по полчаса ищет мундштук, зажатый в зубах. Поэтому можно понять мое удивление, когда на дне лужи была обнаружена фуражка забойщика Панышина-старшего, утерянная им после празднования первой годовщины победы над фашистами. Вдохновленные находкой, дно Водопьяновской впадины вскоре принялись колупать местные археологи. Их согбенные чернокожие фигурки можно было видеть с утра и до позднего вечера.

Мы с тетей долго жарились на скамейке, издали наблюдая за каторжным трудом юных кладоискателей, меня тоже посетил дух авантюризма. Волнуясь и подталкивая вялую тетю в бок локтем, я предложил ей план тайного посещения кинотеатра.

Вечером, за час до сеанса, изображая оскорбленную добродетель, она демонстративно должна лечь в постель и закутаться с головой в одеяло.

Старики, к счастью, тоже рано отправлялись спать: сладковатый махорочный дух и тяжелые испарения разваренной картошки и комбикорма наполняли дом с первыми лучами солнца. При первом же удобном случае тетя должна покинуть дом через заведомо приоткрытое окно, а ее место на кровати займет дедовский тулуп. После встречи с возлюбленным ей надо будет быстренько совершить обратный путь, не дожидаясь шумной толпы. За те два часа, что тетя была на свидании с Жаном Марэ, я прожил жизнь героя и преступника одновременно. Обладая патологической пионерской честностью, я с ужасом представлял себе шумное разоблачение, допрос с пристрастием и казнь через бабушкино и мамино порицание, но ничуть не жалел о содеянном поступке, ибо романтическое французское кино призывало меня к подвигу во имя женщины.

Я лежал в своей постели, сложив руки на груди и напряженно следя за мерным дедушкиным храпением из далекой спальни. Так человек, впервые летящий на самолете, вслушивается в гудение двигателей. Стоило деду неожиданно всхрюкнуть, как я весь сжимался в ледяной комок, несмотря на тридцатиградусную жару. В конце концов, мои нервы не выдержали такой нагрузки, и перед самым приходом тети я забылся тревожным сном часового.

Проснулся я оттого, что хихикающая тетя, уже переодетая в ночной балахон, водила по моим губам прохладной вишенкой. По сверкающим в темноте глазам я понял, что с французом у нее все в порядке.

— Ой, Пузырек, если бы ты смог посмотреть это кино! Что за прелесть этот Жан...

Мне стало грустно за свои одиннадцать лет и хорошо оттого, что я совершил мужественный поступок.

— Ну, давай, рассказывай, — пульнув скользкой косточкой в угол комнаты, как можно взрослее пробурчал я.

Устроившись с краю кровати, тетя начала с хорошо знакомой мне фразы:

— В одном французском городе, может быть, даже и в Париже... Погоди, я за квасом сбегая!

В общем-то этот фильм мало чем отличался от предыдущих: те же страсти, обольстительные, роскошные женщины, пылкие мужчины с ямочкой на волевом подбородке, тайная записка, карабканье по отвесной стене в белой рубахе и торчащей сбоку шпагой, лобзание у окна спальни, удар канделябром, муж-рогоносец.

Все это было хорошо знакомо и мило моему сердцу... Я настолько живо представлял себе происходящее несколько сотен лет назад в далекой Франции, что не заметил, как вновь задремал, и окончание фильма досматривал уже во сне, где Жаном Марэ был, конечно же, я.

Каждое утро бабушка роняла на пол крышку от бака с питьевой водой. К ее неловкости все давно уже привыкли, и никто не обижался, когда этот грохот раздавался на весь дом в четыре часа утра. К этому относились как к неизбежности.

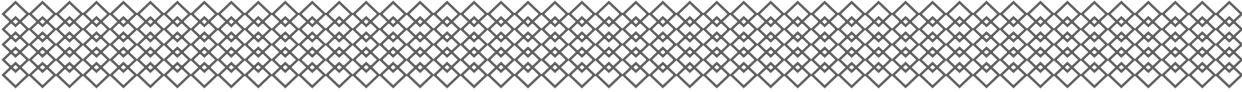
Я проснулся на рассвете от привычного бряканья с кухни и хотел повернуться на другой бок, как вдруг почувствовал, что мне тесно в кровати. Моя юная тетя заснула рядом, по всей видимости, так и не дорассказав, чем закончился фильм. Я много раз видел спящую тетю, но нынче в ней было нечто такое, неуловимое на первый взгляд, что смущало и влекло к ней. Через секунду я понял, что именно, и тут же резко закрыл глаза. Зажмурился. Впрочем, вскоре слегка приоткрыл веки и сквозь ресницы уставился на выпавшую из распахнутого ворота солдатской рубахи острую грудку тети. Она была бледной, с голубыми прожилками вен и коричневатая на конце, будто угодившая в какао или перепачканная в шоколаде. Грудь была сантиметрах в двадцати от моего носа, и я мог в упор разглядывать ее, изредка косясь на тетино лицо со смазанной по щеке алой помадой, с блестящим пузырьком слюны в уголке приоткрытого рта и с густыми вздрагивающими ресницами.

Когда страх быть разоблаченным в нескромном подглядывании слегка отступил, я впервые в жизни, хоть и в малой степени, как сейчас понимаю, почувствовал, что такое лежать рядом с Женщиной, и какая за этим стоит сладостная тайна. Потом я совсем осмелел и — нет! — не руками, а уголком одеяла тронул коричневое пятно на груди. Провел по кругу раз, другой, третий и тут же резко отдернул руку: пятно сморщилось, потемнело, а посередине проклюнулся красноватый, величиной с горошину, сосок. Грудь с розовым носиком напоминала мордочку резинового дельфина, моей детской игрушки. Тетя вдруг пошевелилась — я отпрянул к стене — и сладко потянулась, выпростав из-под одеяла голые руки и поджав ноги в коленях.

* * *

Через два года тетя вышла замуж. За Петьку Сопливого. Как его звали в детстве, помнят теперь лишь близкие друзья, для прочих он — Петр Иванович, директор шахты. Я думаю, что тетя не жалеет о своем выборе.

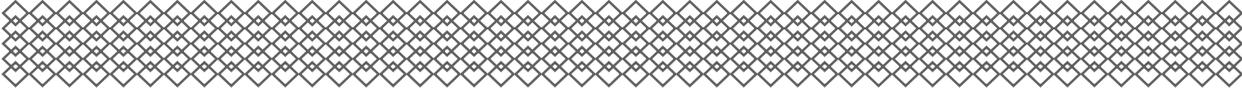
А Жан Марэ дважды разочаровал меня. Как актер, он показался мне слишком простым и однообразным, а недавно в одном красочном богатом журнале я прочел о том, что первый любовник 60–70 годов в реальной, не киношной жизни был равнодушен к женщинам. Рядом помещался снимок, где знаменитый француз, огромный седовласый красавец, белозубо хохоча, кормит с руки выпрыгнувшего из голубого бассейна дельфина.

ПОРХАНИЕ

РОЗОВЫХ

БАБОЧЕК

Эссе

Такой молодой человек у любого родителя мог вызывать лишь чувство досады и тревоги за его судьбу. Сначала нерадивый ученик, позже — несостоявшийся морской врач. Ему не пришлось носить мундир с малиновыми обшлагами и воротником, так как, оказавшись в первый раз в операционной, он едва не рухнул в обморок от вида крови. Получив благословение отца, юноша покинул райский остров Реюньон, колонию Франции в семистах километрах от Мадагаскара, и отправился в Европу, чтобы стать преуспевающим юристом. Он, как щепка в дождевом потоке, сразу же затерялся среди тысяч других честолюбивых молодых людей, сошедших на землю Франции с подножки поезда или с трапа парохода.

Нигде в мире красота и богатство так не привлекательны, как в Париже! После занятий он гулял по улицам города, на Елисейских Полях любовался колясками проезжавших мимо господ. Влекомый ароматами кухни, студент заглядывал в окна дорогих ресторанов и видел, как отдыхает роскошно одетая, а по отношению к дамам — раздетая — публика. Это было искушение, грезы завтракавшего сухарями бедного юноши.

К сожалению, студент не обладал каким-либо ярким талантом, не имел связей среди сильных мира сего и, что самое печальное, не отличался усердием к занятию юридическими науками. Одним словом, к такому букету «не» логически напрашивалось, а вернее, подходило по колориту еще одно «не» — ему никогда «не» обедать в престижных ресторанах!

От позорного возвращения к отцу на остров Реюньон юношу спасло то, что отвлекло его от занятий на факультете права — многочасовые

прогулки по набережной Сены вдоль витрин, где продавались картины, книги, антиквариат. Скучающие за прилавками торговцы любили побеседовать о своем ремесле с этим молодым, похожим на цыгана человеком с косо подстриженной бородкой и в старом пиджаке, протертом на локтях до дыр. Он был любопытен и даже дотошен. Когда продавцы ненароком раскрывали секреты успешной торговли, смуглое лицо юноши бледнело и вытягивалось — он умел слушать.

Что-то произошло в мыслях и в душе у юноши с тропического острова, когда он переворачивал листы графики в папках, гладил шероховатые поверхности холстов, перекладывал прислоненные к стенам картины, вдыхал запах краски и скипидара. Молодому человеку вдруг показалось, что он нашел свое призвание.

Все, что ему удавалось сэкономить на еде и одежде, теперь он вкладывал в покупку рисунков и гравюр — картины маслом ему тогда были еще не по карману. Кстати, Франция 90-х годов девятнадцатого столетия являлась своеобразным Клондайком для коллекционеров и любителей живописи: монотипию Дега можно было купить за 10 франков, а небольшую по размерам картину Сезанна — от двадцати до сорока.

Когда у молодого человека собралась небольшая коллекция работ разнообразных художников, а деньги кончились, он отважился на свою первую сделку. Начинаящий торговец понимал, что коли живопись стоит так дешево, то продать ее дорого возможно лишь в одном случае: если выйдешь на коллекционера, интересующегося какой-то определенной темой или конкретным художником. В торговых рядах на набережной он прослышал о некоем торговце вином, собиравшем рисунки графика и карикатуриста Жан-Луи Форена. Не имея денег на фиакр и даже на омнибус, молодой человек прошел пол-Парижа пешком и заявился прямо в дом к любителю живописи.

Торговцу вином понравился рисунок Форена.

— Сто двадцать франков, — просюсюкал на каком-то странном акценте незнакомец и, прикрыв ладошкой рот, по-детски сладко зевнул.

«Ишь ты, делец! Откуда он такой взялся... — усмехнулся про себя покупатель. — Темнокожий как головешка. Того и гляди, заснет прямо в кресле! С юга, из деревни, небось, еще вчера на соломе с девками валялся... Коровами ему на базаре торговать, а не живописью».

— Я думаю, ста франков достаточно, — громко, чтобы разбудить юношу, сказал торговец вином и распахнул бумажник. Небрежно кинув купюры на скатерть стола, он уверенно потянулся за понравившимся ему рисунком.

Казалось, навечно опущенные под тяжестью дремоты веки юноши дрогнули, как огонек в ночном лесу, мелькнул цепкий, хищный взгляд. Лежащие перед ним деньги искушали его своей доступностью. В конце концов это была очень приличная сумма, гораздо больше той, за которую он

приобрел этот рисунок. Можно было считать сделку удачной, откланяться и вприпрыжку лететь домой, хотя, нет! — поехать, как победителю на фиакре. Но молодой человек не зря столько времени проводил на набережной Сены, подолгу просиживал в лавках, пил вино с торговцами картинами. Вспомнив один из их советов, начинающий торговец пошел ва-банк.

— Извините, — сказал он тем же полусонным, шепелявым голосом, но уже с нотками задиристой надменности, — вы торгуетесь о цене моего «Форена», который, как вы сами понимаете, мне очень дорог. В таком случае, я прошу не сто двадцать франков, а сто пятьдесят.

У покупателя едва не выпал из рук лист бумаги с рисунком. У него был вид человека, в темноте наскочившего на кирпичную стену в том месте, где ее не должно быть. Он изумленно вгляделся в простовато-добродушную физиономию южанина. Неужели он в нем ошибся?

— Помилуйте, молодой человек, да вы просто грабитель! — возмутился торговец вином, повертел в руках рисунок, чтобы с оскорбленным видом вернуть его обратно и вдруг понял, что пропустил тот момент, когда легко мог с ним расстаться. Теперь бумага словно прилипла к пальцам. — Н-ну, ладно... м-м-м... беру!

Проводив юношу до дверей, покупатель еще некоторое время рассматривал рисунок, потом в задумчивости подошел к окну: размахивая шляпой, зажатой в руке, молодой человек бодро шагал по мостовой. Ничто в нем не напоминало человека, минуту назад клевавшего носом в кресле. «Ах, ты, пройдоха!» — ухмыльнувшись, почти ласково подумал о нем торговец вином. Он уважал профессионалов.

Вечером юноша решил отпраздновать свою первую сделку. Он сходил в театр на постановку «Михаил Строгов» в Шателе, а после поужинал в ресторане Вебера. Он отведал отменной йоркской ветчины, сыра и все это запил кружкой темного пива. Происходящее вокруг напоминало волшебный сон: сновали ловкие, вежливые официанты, колыхалось пламя свечей на столиках, слепили глаза обнаженные женские плечи. Но более всего начинающего торговца картинами поразило то, как дружно приветствовали ресторанные завсегдатаи две новые пары, вошедшие в зал: «Добрый вечер, Ренье! Добрый вечер, Мендрон!»

Это был очень важный момент для молодого человека. Он понял, что страстно хочет быть таким же богатым, элегантно одетым, знаменитым и жить среди предметов роскоши и искусства. Он хочет прикуривать дорогие сигары от длинной сосновой спички. Это «ЕГО» жизнь! И сжимая в руке кружку с пивом, юноша поклялся, что добьется своей цели.

Впрочем, заполночь улегшись в постель, он подведет жестокий итог прошедшего дня: «Театр — полтора франка, ресторан — два с половиной. Сегодня я обеднел на четыре франка».

Имя этого молодого человека — Амбруаз Воллар, в недалеком будущем крупнейшего из парижских маршанов.

* * *

Ни одни мемуары о великих художниках не обходятся без упоминания имен торговцев картинами. Порой их связь в истории искусства неразрывней, чем имя и отчество в паспорте российского гражданина: Поль Сезанн — Амбруаз Воллар, Винсент Ван Гог — его брат Тео, Огюст Ренуар — Гюстав Кайботт, Амедео Модильяни — Лео Зборовский...

Обыватель, считающий, что недурно смыслит в живописи, уверен, что в цепочке «художник — торговец — покупатель» среднее звено — лишнее. Торговец (арт-дилер, менеджер, галерея, аукцион) воспринимается им, как паразит и кровосос, наживающийся на таланте традиционно бедного художника.

Продажа картин видится этому человеку просто и по-маниловски душевно: сидит себе нечесаный творец в своем подвале среди размалеванных холстов, жарит последние мойву, на него с животной ненавистью глядит не евший три дня кот, и тут вдруг раздается стук в дверь, и по ступенькам осторожно спускается прекрасный во всех отношениях господин в дорогом пальто и после восторженных «ахов» и «охов» покупает одну или даже две картины. Зажав деньги в кулаке, художник бежит в дырявых башмаках по осенним лужам в ближайшую лавку за бутылкой водки и снедью. Заполночь, хмельные и веселые, они в обнимку покидают мастерскую — покупатель приглашает к себе в гости художника для того, чтобы он подобрал место для картины (может, и двух), а также успокоил его не в меру ревнивую супругу. В подвале остается лишь икающий от обжорства полуобморочный кот.

Как человек, имеющий среди друзей много художников и не раз помогавший им продавать картины, по поводу этой душещипательной, почти рождественской сценки я могу сказать только одно: такое тоже бывает. Сам видел. Но редко. И радости в такой сделке мало, как для художника, так и для человека, пожелавшего украсить стены своего жилища. Все дело в том, что картины, наваленные одна на другую в мастерской никому не известного художника — товар без цены, поэтому деньги за них предлагают невеликие, чуть более, чем расходы на холст, краски, рамку и багет. Нераскрытый талант не входит в себестоимость картины. Еще не настало время. Вспомним, что великий Ван Гог за тридцатисемилетнюю жизнь продал лишь одну свою картину.

Еще в 19 веке Сальватор Мейер, торговец подержанными вещами, толстячок в греческой шапочке и остроносых, расшитых бисером мягких туфлях, похожий на купца из восточных сказок, разгуливая по уютному мирку своей

лавки, любил поразмышлять о том, что такое товар. Вот два его любопытных высказывания, сохранившиеся в мемуарах: «Товар создан для того, чтобы циркулировать». И еще: «Главное в нашем ремесле — решимость: надо уметь уловить тот момент, когда товар достиг своей максимальной стоимости».

Невероятный, фееричный расцвет искусства в конце 19 века во Франции был подобен итальянскому Возрождению. Не будет большим преувеличением сказать, что время породило не только великих художников, но и великих торговцев.

Цену, а значит, и имя художнику делает торговец. Собирает по крупнякам. Конечно, это горько сознавать, особенно, если вспомнить про муки созидания, творческий поиск и искореженные судьбы художников, но это так, и с этим надо смириться. Торговцев картинами, кстати говоря, судьба тоже не балует: нельзя всю жизнь находиться рядом с огнем и не опалиться. Амбруаз Воллар, наживший на продаже предметов искусства состояние в восемь миллионов долларов, умер, так и не познав семейного счастья. Близкие друзья порой спрашивали его, почему он не женится, на что торговец, побрятев и повздыхав, как разбуженный медведь, отвечал с блуждающей на губах улыбкой: «Видите ли, она стала бы вмешиваться в мои дела и наверняка потребовала бы у меня объяснений насчет Сезанна». А богатейший Поль Дюран-Рюэль, владелец крупных галерей в Париже, связав свою деятельность с импрессионистами, во время экономического кризиса в 1885 году едва не потерял все свое состояние.

Так кто же такой торговец картинами, человек, избравший предметом торговли искусство? Жесткий алчный прагматик? Несостоявшийся художник? Азартный игрок и актер? Или миссионер, чьей религией является искусство? Я думаю, что когда в одном человеке собираются все эти качества, тогда и получается настоящий торговец картинами.

Достаточно внимательно рассмотреть биографию любого из всемирно известных маршанов, чтобы убедиться в этом. Познакомимся еще ближе со стариной Волларом...

Начинающие торговцы картинами как-то попросили мэтра поделиться с ними бесценным опытом. Воллар ответил со свойственными ему иронией и добродушным цинизмом: «Я не имею, не знаю секрета, позволяющего разбогатеть. Мой опыт, которым вы просите с вами поделиться, напоминает лишь о том, чему я обязан своей неисправимой сонливостью. Не раз входя в мою лавочку, любитель заставлял меня дремлющим. Я слушал его, еще не вполне проснувшись, покачивал головой, мучительно пытаюсь отвечать на вопросы. Принимая за отказ мое невразумительное бормотание, клиент постепенно увеличивал цену. Так что, когда я окончательно пробуждался, моя картина получала значительную надбавку. С полным правом можно сказать, что богатство приходит во время сна. И я желаю вам всяческих удач».

Старик ушел от ответа. Ему было что сказать. Для достижения своих целей, для обладания картиной ему приходилось быть всяким. Одни художники его боготворили, другие — проклинали.

Необычайно подозрительный и нелюдимый Поль Сезанн писал своему знакомому: «Мне приятно слышать, что вы уважаете Воллара, человека искреннего и честного». Примерно в это же время торговец, воспользовавшись бедственным положением Гогена, скупил оптом и по дешевке девять его картин. Могучий, горбоносый и вислоусый, похожий на шляхтича времен Запорожской Сечи, художник разразился громом проклятий, назвав Воллара «кайманом худшего сорта» и «разбойником с медоточивой повадкой»: «Он бессовестный человек, готовый ради нескольких су поживиться на чужой нужде».

Тяжело больному артритом Ренуару, талантом которого Воллар не уставал восхищаться, он «подносил плевательницу и подавал ночной горшок». Когда торговец просил художника написать свой очередной портрет, тот откровенно издевался над ним: «Хотите еще один портрет? Притащите сюда кокосовую пальму. Я изображу вас висящим на дереве и почесывающим себе зад».

Художник часто обращался с Волларом, как ребенок с тряпичной куклой, порой едко шутил над ним, но при этом никогда не забывал, что именно он, как никто другой, способен приблизить торжество его новаторского искусства. «Мой дорогой Воллар... — почти нежно писал он ему в письмах и... просил денег. — Ведь вы их страсть, как любите...»

Но деньги для торговца были не большим безумством, чем сама живопись. При первой встрече с Ренуаром в старинном доме, прозванном Замок Туманов, тогда еще совсем молодой торговец поразил художника тем, что «перед картиной производил впечатление охотничьей собаки, почуявшей дичь». У этого креола с острова Реюньон был отличный художественный вкус от природы.

Маленькому Амбруазу Воллару трудно давалась учеба в школе, особенно по тем предметам, знание которых в будущем сделает его знаменитым: математика, география, рисование... Он завидовал детям, рисующим человечков на полях тетрадей. Но все же художественная натура мальчика не раз проявляла себя.

В четыре года Амбруаз увлекся коллекционированием. Сначала крупная галька, позже осколки разбитой посуды... Это увлечение не нашло понимания родителей: камни ушли на починку стены, а обломки голубого фарфора у мальчика просто-напросто отобрали, боясь, что он порежется об острые края. Более того, родители запретили сыну впредь заниматься каким-либо собирательством — воистину, запретный плод сладок!

Воллар в своих мемуарах пишет: «Как известно, начинал я очень нелегко». Честно говоря, не один раз прочтя его увлекательные «Воспоминания торговца картинами», я бы так не сказал. Напротив, коммерческий дебют недоучившегося юриста я бы назвал блестящим.

Подобно Д'Артаньяну, совсем еще мальчишкой, приехал он завоевывать Париж не просто из глухой провинции, а можно сказать, из другой страны и культуры. Славный город тогда просто кишел мелкими торговцами ненужными вещами, а попросту говоря, старьевщиками и кровожадными акулами арт-бизнеса. Тем не менее, стремительные успехи юного Воллара можно сравнить лишь с подвигами храброго и хитрого гасконца. К двадцати двум годам он сколотил небольшой капиталец, торгуя рисунками и гравюрами, что называется «с рук». В 1890 году он приобрел на Монмартре свой первый магазин — две комнаты с мансардой.

У него появились обширные знакомства, как среди коллекционеров и любителей живописи, так и в среде «новых» художников. Достаточно назвать несколько имен, чтобы понять коммерческую интуицию и хваткость начинающего торговца: Тулуз-Лотрек, Эдгар Дега, Боннар, Огюст Ренуар... Он очаровывал всех мягкостью манер и по-детски трогательной способностью задавать нелепо-наивные, если не сказать странные вопросы. Он мог развеселить господ тем, что вдруг засыпал в самых неподходящих для этого местах: в театре во время спектакля, за столом на званых обедах, в лодке и в омнибусе.

Выражаясь современным языком, Воллар уже в те молодые годы всерьез работал над своим имиджем, пытаясь создать образ простоватого доброго малого, для которого нет в жизни больше счастья, чем сытно поесть и выспаться всласть. Зато все те, кто сталкивался с этим добряком на деле, сравнивали его с «дремлющим ягуаром».

Фирменный почерк торговца Амбруаза Воллара четко проявился еще в монмартровский период. Он никогда не убавлял цену на картину. В случае, если клиент возмущался, Воллар переворачивал картину к стене и говорил надменно: «Это не может вас заинтересовать. Она не для вас».

Торговец мог годами выслеживать судьбу картины, потом, выждав удобный момент, выкупить ее, часто через подставных лиц.

В 1893 году Воллар переехал на улицу Лаффит, самое бойкое место по продаже картин. «Я пройду по улице Лаффит...» — в те годы эта фраза означало одно: человек желает полюбоваться живописью.

Молодой торговец использовал всяческую возможность, чтобы привлечь к своему заведению внимание публики. Подвал лавки он разделил на две части: кухню и столовую. В столовой хозяин магазина устраивал щедрые застолья для любителей искусства. В меню входили националь-

ные блюда острова Реюньон, такие, как цыпленок, приправленный кэрри, и рассыпчатый рис.

В гостях у Воллара теперь можно было встретить весь свет французской богемы: художников, поэтов, шансонье, танцовщиц... С удовольствием принимали приглашение посетить подвал иностранные гости и светские люди.

Вскоре слава о магазине Воллара перешла границы Франции. Теперь торговец из зарубежных газет мог узнать самые фантастические сообщения об устраиваемых им обедах в своем подвале. В мемуарах Воллар вспоминает забавный случай, когда «дама, приехавшая из Германии пожить в Париже, отметила у себя в записной книжке: «Ужин в Подвале Воллара». Она думала, что речь идет о каком-то ночном заведении».

Настоящая европейская известность к Амбруазу Воллару, как к торговцу картинами, пришла в 1895 году, когда он в своем небольшом магазине устроил персональную выставку Поля Сезанна. Будет очень небольшим преувеличением сказать, что Воллар открыл миру этого художника.

«Меня словно ударили в живот. У меня перехватило дыхание», — вот что почувствовал Воллар, когда впервые увидел картину Сезанна в витрине магазина торговца красками папаши Танги. Четыре художника — Ренуар, Моне, Писарро, Гийомен — посоветовали молодому торговцу всерьез заняться отшельником из Экса. Обидевшись на весь белый свет, он двадцать лет не выставлял своих работ, благо, получив состояние от отца-банкира, Сезанн не нуждался в деньгах.

Трудно сказать, как Воллару удалось убедить этого недоверчивого провансальца в том, что именно он способен помочь художнику. Но факт остается фактом: Сезанн безоговорочно прислал в Париж 150 (!) холстов, снятых с подрамников и свернутых в рулоны.

То, что происходило на выставке и вокруг нее, можно назвать лишь одним словом — успех! Нескончаемый поток людей — от знатоков живописи и художников до просто зевак. Разнообразие оценок — от «мошенника» и «кошмарного чудовища» до «гения» и «великого мастера правды». И, как следствие этого ажиотажа, — бойкая продажа картин.

Кажется, только два человека во всем Париже не ввязывались в полемику и споры вокруг выставленных в магазине полотен: сам художник, который за день до открытия выставки ненадолго заглянул в лавку и лишь пробормотал что-то вроде: «Подумать только — они все в рамках!», да молодой торговец, дремавший за прилавком и игравший, как обычно, в безразличие. После выставки он на какое-то время вышел из своей роли и прошепелявил, не скрывая самодовольной ухмылки: «Я вижу в ней (в выставке и, естественно, в продаже) одно из типичных доказательств одобрения».

Для мирового искусства удача выставки картин Поля Сезанна не в том, что торговец на ней недурно разжился. Наконец-то произошел переломный момент в борьбе реалистического направления в искусстве с новым течением — импрессионизмом. Молодой Воллар своим звериным чутьем просто угадал время, когда импрессионисты принесли достаточно жертв, и чаша весов готова была качнуться в их пользу.

Кажется, успех окрылил Воллара больше, чем самого Сезанна. Через три года он устроит еще одну триумфальную выставку затворника из Экса. Торговец до конца жизни своей будет поддерживать все оригинальное и талантливое в искусстве. Именно он одним из первых обратит внимание на испанца Пабло Пикассо, будет потихоньку, на будущее скупать его работы, даже организует персональную выставку, на этот раз — увы! — никем не замеченную. Публика еще не созрела до кубизма.

В начале двадцатого века Амбруаз Воллар будет уже достаточно богатым по европейским меркам человеком, но, тем не менее, страсть к коммерческо-творческим авантюрам не оставит его. Почему бы известным художникам не попробовать себя в новом жанре? И вот Ренуар, не способный удержать в больных руках ложку, вместе с учениками увлеченно занимается лепкой глиняной формы для скульптуры, Сезанн выполнил две гравюры с изображением «купальщиков», Матисс, Майоль, Вламинка с удовольствием расписывали декоративным орнаментом вазы, тарелки и блюда...

А человек, который ловко задумал все это, мсье Амбруаз Воллар между тем строчил мемуары о художниках и не в убыток себе их продавал...

* * *

К шестидесяти годам Альфред Сислей так и не добился ни маломальского благополучия, ни безусловной известности. Более того, рак горла душил его. Врачи делали операцию за операцией, одна безуспешней другой, но художник не терял веру в выздоровление. Уже не имея возможности говорить, он начеркал своему другу: «Я страдаю еще больше, но я знаю, что это путь к исцелению. Я вижу розовых бабочек...»

* * *

В одном искусствоведческом журнале я обнаружил фотографию позднего Амбруаза Воллара. Он сидел, растекшись по столу, подперев дряблую щеку ладонью. Позади него — высоченный стеллаж с лежащими в ячейках и свернутыми в рулоны сотнями полотен. Старый ягуар дремал, охраняя свое богатство. Возможно, во сне он легко взлетал над травой и ловил розовых бабочек мягкими лапами... □

Денис Логинов

ПРИКАЗАНО

Этот «народный герой» Гражданской войны возник из небытия почти через двадцать лет после гибели. Да практически все подобные герои либо погибли на полях войны, как Василий Чапаев, либо были ликвидированы в ее ходе по команде большевицкого руководства, так как ему по разным причинам мешали. Смерть, естественно, списывалась на врагов. Редкие персонажи дожили до 1937 года, подобно Блюхеру.

ОБЕСССМЕРТИТЬ

Щорс был вычеркнут из официальной истории Гражданской войны сразу после гибели, но... возвращен в нее в середине 1930-х годов, когда это потребовалось властям. В 1935 году Александр Довженко получил от Сталина заказ на фильм «Щорс», в 1939 фильм был закончен. Сцены гибели Щорса в нем нет.

Вот тогда же, в 1935 году и появилась «народная» песня о Щорсе, музыку к которой написал Матвей Блантер, а слова — Михаил Голодный. Через пару месяцев вся страна распевала:

*«Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой траве».*

Сама по себе песня длинновата, но некоторые куплеты действительно стали народными. И «народного героя» создавали всем миром: с трудом нашли могилу, торжественно перезахоронили, выделили семье квартиру в Москве и всевозможные льготы, присваивали имя Щорса улицам и пароходам. А ведь если бы не прихоть Сталина, которому понравилась фамилия, случайно попавшаяся ему на глаза (ну, и то, что Щорс уже давно погиб), мы бы по сей день не знали, что был такой герой-командир в Красной армии.

Всем жителям украинского города Унечи хорошо известен памятник

Николаю Щорсу, установленный напротив здания железнодорожного вокзала. В советские времена у его подножия школьники принимали в пионеры, а молодожены давно включили его в традиционный свадебный маршрут. Вместе с тем, далеко не все горожане имели представление о личности Щорса и лихих событиях времен революции и гражданской войны, в которых он принимал активное участие.

Отец Щорса, Александр Николаевич, был выходцем из белорусских крестьян. В поисках лучшей доли он переехал из Минской губернии в маленький украинский поселок Сновск. Отсюда его забрали в армию. Вернувшись в Сновск, он устроился работать в местное железнодорожное депо, а в августе 1894 года женился на своей землячке — Александре Михайловне Табельчук и в том же году построил в Сновске собственный дом.

Первенец Николай, названный так в честь деда, родился в 1895 году. После него на свет появились брат Константин и сестры Акулина, Екатерина и Ольга.

Николай Щорс быстро выучился грамоте — в шесть лет он уже умел сносно читать и писать. Окончив церковно-приходскую школу, он вместе с братом Константином поступил в Киевскую военно-фельдшерскую школу, учащиеся которой находились на полном государственном обеспечении.

Учился Щорс добросовестно и спустя четыре года с дипломом медицинского фельдшера покинул стены учебного заведения в статусе вольноопределяющегося 2-го разряда, который не давал ему права служить в армии офицером, чего сам он, видимо, очень желал.

Вся проблема состояла в том, что после выхода из стен училища Щорс был обязан отслужить не менее трех лет фельдшером. Дабы избежать обязательной трехлетней фельдшерской службы, он решился на фальсификацию и переправил в своем свидетельстве дату окончания фельдшерской школы с 1914 на 1912 год, что дало ему право уже в 1915 году освободиться от статуса вольноопределяющегося и попасть в Виленское военное училище, где учащихся готовили по укороченной четырехмесячной программе.

В 1916 году Щорс успешно окончил курс военного училища и в звании прапорщика в составе 3-го легкого артиллерийского дивизиона был отправлен под Вильно, а затем переведен на службу в 335-й Анапский полк 84-й пехотной дивизии Юго-Западного фронта, где дослу-

жился до звания подпоручика. Но в конце 1917 года его недолгая военная карьера резко оборвалась — подвело здоровье, он заболел (предположительно, туберкулезом), и после непродолжительного лечения в Симферополе его комиссовали в связи с непригодностью к дальнейшей службе (!)

Оказавшись не у дел, Щорс принял решение вернуться на родину. К этому времени в стране произошли колоссальные перемены. В феврале 1917 года пала монархия, а в октябре власть была уже в руках у большевиков. А в Украине в это же время была провозглашена независимая Украинская Народная Республика. Начался тревожный 1918 год.

Тогда многие украинские губернии находились в пределах провозглашенной Украинской Народной Республики (УНР), а фактически — под властью немецких оккупационных войск, которые присутствовали в Украине с согласия Центральной Рады. Однако далеко не все жители Украины приветствовали нахождение немцев на территории страны. Для борьбы с ними на оккупированных и близлежащих территориях формировались повстанческие партизанские отряды. Один из таких отрядов был образован в марте 1918 года в селе Семеновка Черниговской губернии. Командиром этого отряда был избран молодой Николай Щорс, которому исполнилось только 23 года. Но, несмотря на юный возраст, он уже имел какой-то

боевой опыт, приобретенный на полях сражений Первой мировой войны. Кроме того, по воспоминаниям современников, Щорс обладал всеми необходимыми качествами командира: жесткостью, напористостью, смелостью и инициативностью.

К тому времени в Украине прекратили свое существование Центральная Рада и УНР, ликвидированные немцами, и власть перешла к «гетману всея Украины» П.П. Скоропадскому. В апреле 1918 года между большевиками и новым гетманским правительством было за-

ства уже существовавших в регионе партизанских и красногвардейских отрядов.

Днем рождения щорсовского полка считается 11 сентября 1918 года, поскольку именно в этот день на общем собрании решался вопрос о выборе имени подразделения. Как известно, полк был назван Богунским — в честь Ивана Богуна, казачьего полковника Богдана Хмельницкого. Полк был сформирован из уже существующих повстанческих групп и отрядов, а также из местных жителей-добровольцев.

О

сенью 1916 года молодого офицера Щорса перевели на службу в 335-й Анапский полк Юго-Западного фронта, где он дослужился до звания подпоручика. Но в конце 1917 года его недолгая военная карьера резко оборвалась — подвело здоровье (Щорс, предположительно, заболел туберкулезом), и после непродолжительного лечения его комиссовали в связи с непригодностью к дальнейшей службе

ключено перемирие, согласно которому все украинские формирования, оказавшиеся на территории Советской России, включая отряд Щорса, были распущены.

После расформирования повстанческого отряда он прибыл в Москву, а оттуда был направлен, по предписанию Центрального ВРК, на пограничную станцию Унеча, с заданием сформировать здесь полноценное воинское подразделение из множе-

Такие же объединения создавались под командованием Виталия Примакова и Константина Рокоссовского. Вместе они образовывали дивизию. Богунский полк под командованием Щорса вошел в ее состав под третьим номером.

К началу октября 1918 года личный состав полка насчитывал около 1000 человек, часть бойцов была сформирована из местных добровольцев. Впрочем, несмотря на боль-

шое количество желающих записаться в полк, вряд ли «мобилизация» была во всех случаях сугубо добровольным делом. Так, автор повести «Василевка, любовь моя...» Е.Е. Малеев писал следующее:

«...Летом 1918-го в Василевке появился небольшой конный отряд, бойцы которого называли себя щорсовцами. Они силой забирали у крестьян продовольствие: хлеб, сало, пшено, масло; взяли несколько лучших лошадей и мобилизовали пять человек бывших фронтовиков, в числе которых был и Трофим, в рабоче-крестьянскую Красную армию...»

Когда формирование Богунского полка было практически завершено, Щорс решил опробовать своих бойцов в деле. 23 октября 1918

По сути, эта короткая стычка была и остается единственным боевым столкновением богунцев с немецкими войсками, хотя в советские времена, явно преувеличивая, писали, как Щорс «беспощадно громил армию генерала Гофмана».

Примерно в это же время Николай Щорс женился. Его супругой стала бывшая швея, служившая одним из начальников Унечского ЧК и бывшая членом Унечского ревкома (высшего органа гражданской и военной власти) — Фрума Хайкина. Она была фактически первым лицом на станции и в ее ближайших окрестностях.

Работы по выявлению «контры» на границе хватало: район был наводнен контрабандистами и разно-

Д

нем рождения щорсовского полка считается 11 сентября 1918 года, поскольку именно в этот день на общем собрании решался вопрос о выборе названия подразделения. Полк был назван Богунским — в честь Ивана Богуна, казацкого полковника Богдана Хмельницкого

года первому батальону полка под командованием Якова Гасанова была поставлена задача освободить от немцев два села. Однако задача эта не была выполнена, видимо, регулярная германская армия оказалась богунцам, не имевшим артиллерийской поддержки, не по зубам.

го рода сомнительными личностями. Помимо этого, в районе Унечи, вероятно, действовало немало агентов немецкой военной разведки, выявление и нейтрализация которых также входила в задачи местной ЧК.

Кроме того, Унеча в тот период еще взяла на себя и функции пун-

кта таможенного пропуска. Поток выезжающих из Советской России был огромен, страну навсегда покидали десятки тысяч людей, и путь их зачастую проходил через Унечу. Эмигранты, на свой страх и риск, вывозили валюту и драгоценности, которые подлежали конфискации «в пользу трудового народа». Соот-

ветственно, обширен был и фронт работы Хайкиной.

Ее принято называть женой Щорса, хотя никаких сведений об официальной регистрации брака между ними не имеется. Впрочем, это не столь существенно, поскольку фактически для Щорса она была постоянной спутницей жизни. О том, ка-

*Фрума Ефимовна
Хайкина — жена Щорса*

кие сильные чувства испытывал Щорс к Хайкиной, свидетельствуют сохранившиеся трогательные письма командира к своей возлюбленной. Щорс уделял ей столько времени, что в полку даже проводилось специальное собрание по поводу излишнего сердечного увлечения Щорса в ущерб работе. Инициатива этого собрания исходила от местных большевиков, которые принимали активное участие в формировании Богунского полка.

Но гораздо более ярким событием в Унече стал мятеж, разгоревшийся в Богунском полку осенью 1918 года. Существует мнение, что он был поднят группой богунцев, которые, разочаровавшись в жестоких методах «революционной поли-

тики» местного ЧК, повернули оружие против своих.

Роль Щорса в мятеже и позиция, которую он занимал, до конца не выяснены. Так, один из участников событий впоследствии утверждал, что Щорс крайне враждебно относился к начальнику дивизии, и поднятый в Унече мятеж был во многом инициативой командира богунцев. От ареста и расстрела его, по-видимому, спасла жена.

Особого удивления это не вызывает: показав себя талантливым командиром, Щорс был в крайне плохих отношениях с Реввоенсоветом Республики, неоднократно обвинялся в «партизанщине» и вообще не любил, когда им командовали — предпочитал делать это сам. А Реввоенсовет, в свою очередь, предпочитал покладистых исполнителей, желательно, не имеющих собственной точки зрения.

Следующим, широко описанным в литературе, событием стало так называемое братание советских и немецких солдат в селе Лыщичи 13 ноября 1918 года. Предыстория этого братания такова: 9 ноября 1918 года в Германии произошла революция, сменившая форму правления в стране. Германская монархия была свергнута, и на смену ей пришла парламентская республика. 11 ноября 1918 года между Германией и Антантой было заключено Компьенское перемирие, завершившее Первую мировую войну.

Происходившие на родине события, разумеется, не могли не внести

в ряды немецких солдат смуту. Ведь они присягали на верность императору, который теперь оказался свергнут. Кроме того, в окопах находились также солдаты Австро-Венгерской империи, которая после революции в Германии вообще прекратила свое существование.

Москва тонко прочувствовала политический момент — из столицы в прифронтовые части направлялись срочные телеграммы с предписанием наладить контакт с немецкими солдатами на почве объединительной революционной идеи. С этой целью из Унечи в расположение немецких частей отправился специальный агитпоезд, первая делегация партийцев, ревкомовцев и богунцев во главе с Щорсом. Состоялась встреча, на которой договорились об ответном визите немцев в Унечу.

12 ноября 1918 года в расположение Богунского полка прибыла немногочисленная делегация 106-го пехотного полка ландвера. В знак солидарности с русской революцией на груди у парламентаров были прикреплены красные банты. На привокзальной площади по этому случаю был организован митинг, на котором выступили Щорс, руководитель местных коммунистов Николай Иванов и представители немецкой стороны. В станционном буфете состоялся ужин. Казалось, противостояние закончилось. Вечером того же дня о достигнутых успехах сообщили в Москву и вскоре получили ответ от самого Ленина:

«Благодарю за приветствие всех. Особенно тронут приветствием революционных солдат Германии. Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленно действенное участие в освобождении Украины. Для этого необходимо, во-первых, арестовать белогвардейцев и власти украинские, во-вторых, послать делегатов от революционных войск Германии во все войсковые германские части на Украине для быстрого и общего их действия за освобождение Украины. Время не терпит. Нельзя терять ни часа. Телеграфируйте тотчас, принимают ли это предложение революционные солдаты Германии. Предсовнаркома Ленин».

На следующий день после визита немцев, из Унечи в Лыщичи отправилась большая делегация политработников и весь личный состав Богунского полка. Именно здесь, на лугу между Лыщичами и Куровщиной, 13 ноября 1918 года произошло событие, известное как братание богунцев с немецкими солдатами. Подобные братания русских с немцами были отмечены и на других участках демаркационной полосы. Встреча действительно проходила в мирной и доброжелательной атмосфере, вчерашние враги обменивались приветствиями и заключали друг друга в дружеские объятия...

Еще одним последствием революции в Германии стало аннулирование Советской Россией Брестского мира 13 ноября 1918 года. После

этого большевиков уже ничто не связывало в реализации планов по установлению советской власти в Украине, тем более что главное препятствие этому — немецкая армия — уже покинула страну. Приступая к воплощению этих планов, Москва срочно создает Временное рабоче-крестьянское правительство Украины во главе с Георгием Леонидовичем Пятаковым.

Однако власть большевикам просто так никто отдавать не собирался. Ее нужно было завоевать силой оружия, и одну из ключевых ролей в предстоящей борьбе суждено было сыграть Щорсу и его подразделению, которому противостояли войска Скоропадского, Петлюры, Украинской Галицкой армии, белогвардейцы Деникина и Врангеля, батька Махно...

Первая Украинская Советская дивизия начала свой боевой путь, а вместе с нею — и Богунский полк. Больше Щорс в Унечу никогда не вернулся и, кажется, был этому очень рад, поскольку в одном из писем к жене называет городок «пакостным и грязным местом».

13 декабря 1918 года в ходе боев с гайдамацкими частями Богунский полк занял Клинцы, и в городе установилась советская власть. Вскоре сюда прибыла глава Унечской ЧК Фрума Хайкина и начала наводить в городе «революционный порядок». К моменту занятия Клинцов Щорс уже командовал 2-й дивизионной бригадой, сформирован-

ной приказом по дивизии от 4 октября 1918 года. В состав 2-й бригады входили Богунский и Таращанский полки.

По сути, бои за Клинцы в ноябре и декабре 1918 года были единственными более-менее значительными столкновениями богунцев с гайдамаками на территории Стародубщины. Дальнейшее продвижение бригады Щорса до границ современной Черниговской области существенного сопротивления не встретило.

В конце 1918 года немецкие войска окончательно покинули Украину. Вместе с ними в Берлин эмигрировал и украинский гетман Павел Петрович Скоропадский. А уже в начале следующего года Щорс со своим полком стоял на ближних подступах к Киеву. Дальнейшие события показали, что взятие украинской столицы оказалось не слишком сложной задачей, поскольку Директория имела в Киеве недостаточно боеспособное войско, и Петлюра сдал город практически без боя.

1 февраля 1919 года в Броварах состоялась встреча Щорса с командующим Украинским фронтом Владимиром Антоновым-Овсеенко. Впоследствии тот так описал эту встречу в своих мемуарах:

«... Познакомились с командным составом дивизии. Щорс — командир 1-го полка (бывший штабс-капитан), суховатый, подобранный, с твердым взглядом, резкими четкими движениями. Красноармейцы люби-

ли его за заботливость и храбрость, командиры уважали за толковость, ясность и находчивость...».

Характеристика весьма лестная. Однако, в целом, известные из архивных документов личные характеристики Щорса, зачастую, существенно разнятся. Так, в отчете о

деятельности Высшей военной инспекции Украины с 29 января по 23 августа 1919 года говорится:

«Начдив тов. Щорс, бывший поручик, никакой подготовки и опыта к нынешней своей должности не имел. Болезненно самолюбив, мало дисциплинирован, в обращении с

подчиненными он иногда льстиво заискивает, а иногда строг...».

Основные силы 1-й дивизии вступили в Киев 6 февраля 1919 года в районе Печерска. После взятия Киева Щорс был назначен комендантом украинской столицы — города, в котором он провел свои юноше-

ские годы. А через две недели дивизия продолжила движение на запад — сначала Фастов, затем Бердичев и Житомир.

После взятия Бердичева Щорса назначили начальником Первой Украинской советской дивизии, вошедшей в состав сформированной

1-й Украинской Советской армии. Таким образом, в возрасте 23 лет Щорс стал самым молодым начдивом в истории российской армии.

В мае 1919 года 1-я Украинская дивизия добилась существенных успехов, продвинувшись глубоко на запад Украины. Щорсовцам удалось занять такие стратегически важные города, как Дубно, Ровно и Острог.

Следует отметить, что весной 1919 года 1-я Украинская дивизия Щорса представляла собой весьма крупное и боеспособное соединение, которое играло ключевую роль на всем киевском военном театре украинского фронта. Однако, вскоре наступил перелом.

фактически держала дивизия Щорса, которая должна была противостоять ожидавшемуся здесь натиску петлюровцев, галичан и поляков. И этот натиск не заставил себя ждать.

Для исправления ситуации большевистское командование в июне-июле 1919 года разработало план контрнаступления, в результате которого Щорсу удалось отбросить петлюровцев за реку Збруч (левый приток Днестра на Подольской возвышенности).

Находясь в Коростене, он получил приказ любыми силами удерживать город как можно дольше. Это было очень важно для большевиков, так как через Коростень эва-

В

В 18-м же году Щорс женился. Его женой стала бывшая швея, служившая одним из начальников Унечского ЧК, Фрума Хайкина. Работы у нее было предостаточно: район был наводнен контрабандистами и разного рода сомнительными личностями. Помимо этого, в районе Унечи действовало и немало агентов немецкой военной разведки, выявление и нейтрализация которых тоже входили в задачи местной ЧК

Напряжение на фронтах гражданской войны достигло своего пика летом 1919 года. На юге и востоке Украины активно наступали белогвардейские подразделения, а с запада и юго-запада крепко нажимали совместные силы поляков и петлюровцев. Весь этот фронт

куировался Киев, на который с юга уже наступал Деникин.

Перед Щорсом стояла задача эвакуироваться из этого района, поскольку начдив практически находился в клещах: с запада наступали поляки, на юго-западе — Петлюра, южнее — Махно, с востока — деникинцы.

Находясь у Коростеня, он начал организацию отступления, при этом его дивизия регулярно вступала в бой с наступающими с запада войсками Петлюры. Шла вторая половина августа 1919 года. Щорсу оставалось жить ровно две недели.

Официально озвученная версия гибели Щорса звучала следующим образом: начдив погиб на поле боя недалеко от Коростеня от пулевого ранения в голову, которое причинил ему петлюровский пулеметчик, зашедший у железнодорожной будки.

для размышлений о достоверности озвученной выше версии.

После гибели Щорса его тело без вскрытия и медицинского освидетельствования было забальзамировано, запаяно в цинковый гроб и затем товарным поездом отправлено в Самару, где его и похоронили 12 сентября 1919 года на местном Всехсвятском кладбище. Похороны прошли тихо и скромно.

Почему местом погребения Щорса была выбрана именно Самара, доподлинно неизвестно. Суще-

Сегодня много спорят о роли Щорса в гражданской войне, причисляя начдива то к пламенным борцам за революцию и свободу, то к палачам и военным преступникам, поднявшим оружие против собственного народа. Спорам этим конца не будет, потому что в подобных спорах у каждого — своя правда

Входное пулевое отверстие, по утверждению свидетеля, рядового Дубового, который лично бинтовал Щорсу простреленную голову, находилось спереди, в районе левого виска, а вышла пуля сзади. Через пятнадцать минут после ранения Щорс скончался.

Такая геройская версия гибели красного командира вполне устраивала политическую верхушку страны Советов и долгое время под сомнение никем не ставилась. Лишь спустя много лет стали известны обстоятельства, давшие богатую пищу

ют лишь версии, из которых выделим три основных:

1) Щорс был вывезен в далекую Самару и тайно похоронен подальше от родных мест по распоряжению большевистской верхушки, пытавшейся таким образом скрыть истинные причины гибели командира.

2) Командира не стали хоронить на родине, поскольку опасались, что его могила, находясь в зоне активных боевых действий, может стать объектом вандализма со стороны неприятелей, как это произошло с погибшим в Житомире в августе

1919 года Боженко. Над трупом последнего жестоко надругались петлюровцы: они извлекли тело Боженко из могилы, привязали к двум лошадям и разорвали на части.

3) Есть сведения, что у супруги Щорса — Ф. Хайкиной в то время в Самаре жили родители, бежавшие из Новозыбкова весной 1918 года при подходе к городу немцев. Именно поэтому было принято решение о похоронах командира в городе на Волге. К тому же Хайкина на тот момент уже была беременна, и ей вскоре предстояло рожать, поэтому, возможно, она предпочла уехать на это время к родителям.

До середины 30-х годов прошлого века имя Щорса было практически неизвестно широким народным массам, хотя в Украине о нем помнили многие. Но все резко поменялось в 1935 году, когда Сталин поручил известному советскому режиссеру Александру Довженко снять историко-революционный фильм о Щорсе. Это был чисто идеологический заказ на создание пропагандистского фильма в пафосном революционном стиле.

И Довженко выполнил этот заказ на совесть. После выхода фильма на экраны, «украинский Чапаев», которым по замыслу Сталина должен был стать Щорс, завоевал у советского зрителя невероятную популярность и явно способствовал искусственной советизации массового сознания украинцев, поскольку в фильме Щорс позиционировался

как выходец из украинского народа, горячо сражавшийся за большевистские идеалы.

Однако созданный в фильме образ начдива имел мало общего со Щорсом настоящим. И сам Довженко, выполняя заказ Сталина, прекрасно осознавал, что создаваемая им красивая история о пламенном революционере Щорсе имеет мало общего с реальностью, но был бессилён что-либо предпринять, так как на протяжении всего периода съёмок за ним при-

стально следили органы госбезопасности.

В мае 1939 года фильм вышел на экраны. Ажиотаж был такой, что в первые несколько недель проката ее посмотрели около 30 миллионов

*Евгений Самойлов
в роли Щорса*

зрителей. Остался доволен и главный «заказчик» фильма, а посему в 1941 году картине «Щорс», а также ее автору и исполнителю главной роли была присуждена Сталинская премия — в те годы знак наивысшего признания. Имя Щорса загремело по всей стране.

При такой громкой славе весьма странным выглядит тот факт, что широкой общественности не было известно не только точное месторасположение могилы Щорса, но и населенный пункт, в котором она находится. Даже абсолютное большинство самарцев не подозревало, что ставший в одночасье легендой красный командир похоронен в их родном городе.

В августе 1937 года органами НКВД был арестован бывший дивизионный заместитель Щорса — Иван Дубовой. Истинные причины его ареста назвать затруднительно. Многие историки полагают, что он не случайно был репрессирован именно в тот момент, когда из Щорса начали делать всенародно любимого героя — вероятно, Дубовой слишком много знал об истинных причинах его смерти. Официально И.Н. Дубовой, занимавший на момент ареста должность командующего войсками Харьковского военного округа, был осужден по делу об организации «военно-фашистского троцкистского антисоветского заговора». Это было то

самое знаменитое «дело военных», по которому проходили Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич, Примаков и многие другие видные советские военачальники. Все они были ликвидированы, и Дубовой не стал исключением — его расстреляли 29 июля 1938 года в Москве, на следующий день после вынесения приговора.

Во время следствия Дубовой сделал шокирующее признание, заявив, что убийство Щорса — его рук дело.

всему никто не предъявлял. Более того, это признание вообще не имело никаких последствий. Несмотря на свою «громкость», сенсация неслышно утонула в глухих тюремных стенах и на долгие годы легла на пыльные полки гэбэшных архивов.

Могила Щорса в Куйбышеве отыскали лишь в 1949 году.

К этому времени Всехсвятское кладбище, где он был похоронен, уже прекратило свое существование, на

П

осле взятия Бердичева Щорса назначили начальником Первой Украинской советской дивизии, вошедшей в состав 1-й Украинской армии. Таким образом, в возрасте 23 лет Николай Щорс стал самым молодым начдивом в истории российской армии

Объясняя мотивы преступления, он заявил, что убил начдива из личной ненависти и желая самому занять место начальника дивизии. В протоколе допроса Дубового от 3 декабря 1937 года записано:

«Когда Щорс повернул ко мне голову и сказал эту фразу («хороший пулемет у галичан, черт побери»), я выстрелил ему в голову из нагана и попал в висок. Тогдашний командир 388-го стрелкового полка Квятек, который лежал рядом со Щорсом, закричал: «Щорса убили!» Я подполз к Щорсу, и он у меня на руках, через 10–15 минут, не приходя в сознание, умер».

Но, несмотря на такие признания, обвинения в убийстве Щорса Дубо-

его месте вырос кабельный завод, при строительстве которого о переносе могил никто не задумывался.

Удалось-таки найти и поднять из земли цинковый гроб с телом начдива. После эксгумации, состоявшейся 16 мая 1949 года, гроб с телом Щорса был доставлен в местное отделение судебно-медицинской экспертизы для вскрытия и исследования останков.

Тогда еще никто не знал, что результаты вскрытия станут настоящей сенсацией и дадут богатую пищу для разговоров об истинных причинах смерти Щорса. Правда, при жизни Сталина попытки поставить под сомнение официальную версию

гибели начдива имели лишь единственный характер и, по понятным причинам, ответного энтузиазма со стороны официальных властей не вызывали. Более активно этот вопрос стал обсуждаться с наступлением «хрущевской оттепели», когда широкому кругу общественности были представлены результаты судебно-медицинского вскрытия.

Задача судебных медиков значительно облегчалась тем обстоятельством, что тело Щорса, находившееся в цинковом гробу, довольно хо-

По убеждению сторонников «неэнциклопедической» версии гибели Щорса, командир закончил свой жизненный путь вовсе не от вражеской пули, а был умышленно убит предательским выстрелом в затылок по негласному указанию сверху, а именно, по приказу из Реввоенсовета 12-й армии, а возможно и самого Льва Троцкого.

По мнению ряда других исследователей, Щорс, глубоко разочаровавшись в военной и политической доктрине советской власти, всеерьез обдумывал возможность от-

М

огилу начдива в Куйбышеве отыскивали лишь в 1949 году, и тогда же была проведена эксгумация и исследование останков тела Щорса. Тогда еще никто не знал, что результаты вскрытия станут настоящей сенсацией и дадут богатую пищу для разговоров об истинных причинах смерти Щорса

рошо сохранилось. При извлечении гроба были легко узнаваемы даже характерные черты его лица, на голове сохранилась марлевая повязка. Сомнений в том, что извлеченные останки принадлежали именно ему, не было ни у кого, тем более что присутствовавшая при эксгумации Фрума Хайкина опознала тело своего супруга.

Результаты судебно-медицинской экспертизы показали, что в Щорса стреляли с расстояния в 5–10 шагов.

межеваться от большевиков и перейти на сторону Украинской Народной республики. Такое же мнение высказывается и о двух других близких к нему командирах — Черняке и Боженко. Оба они также погибли при достоверно не выясненных обстоятельствах в том же августе 1919 года.

После гибели Щорса Фрума Хайкина некоторое время жила в Самаре, а затем перебралась в Москву. Она надолго пережила своего мужа. После завершения граждан-

ской войны получила техническое образование в МВТУ имени Н.Э. Баумана, в годы сталинской индустриализации участвовала в грандиозных советских стройках объектов системы ГОЭЛРО, а также руководила строительством Уральского автозавода в Миассе.

После 1935 года, когда советский агитпроп начал делать из Щорса «всенародно любимого героя», Хайкина, на правах вдовы начдива приняла в этой кампании самое активное участие, благодаря чему пользовалась многими спецпривилегиями, недоступными простым советским гражданам. Так, еще в довоенные годы ей выделили отдельную квартиру в знаменитом «доме правительства» на Берсеневской набережной в Москве и был предоставлен доступ к специальному номенклатурному «соцобеспечению».

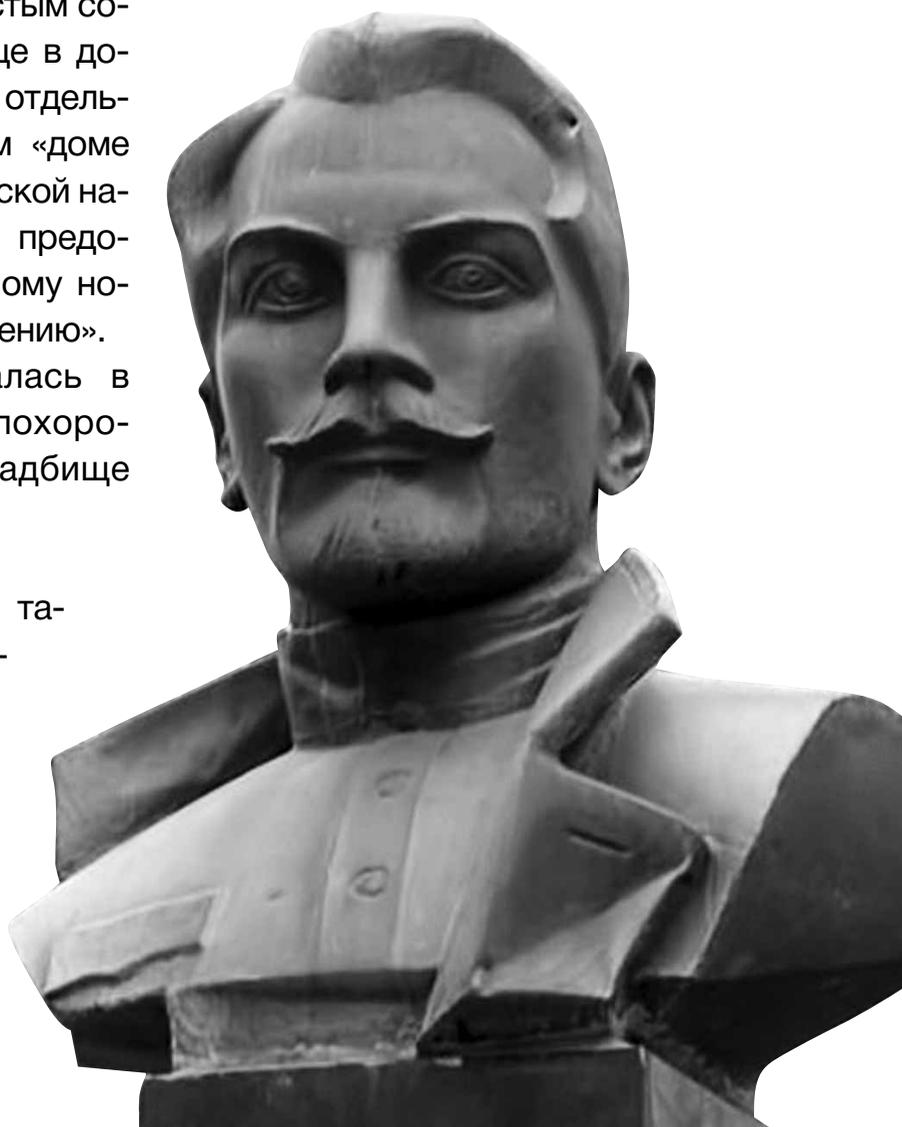
Фрума Хайкина скончалась в августе 1977 года и была похоронена на Новом Донском кладбище в Москве.

Несомненно, Щорс был талантливый и смелый солдатом, жестким командиром. За каких-то полтора года юный Щорс прошел путь от главы разношерстного партизанского отряда до командира крупной дивизии. За ним не числится каких-то эпохальных сражений и побед, но, тем не менее, в совет-

ские времена его имя было овеяно ореолом славы.

Так был ли Щорс героем? Это вопрос дискуссионный. Десятки тысяч сынов России и Украины воевали друг против друга на родной земле, где еще недавно вместе сеяли хлеб... За кем из них было больше правды? Бог разберет...

Бывают ли герои в братоубийственной гражданской войне? Решайте сами... □

Фантазии

театрального администратора

Все-таки это мучение — вставать, когда так хочется спать. Он посмотрел на часы — девять утра, для него это безбожно рано, человек творческой профессии не может вставать ни свет ни заря.

Он босиком прошлепал в ванную. Пустил холодную воду, с трудом разлепив веки, подставил лицо под сильную струю. Вот теперь он почувствовал, что окончательно проснулся. Лицо горело от холодной воды, и почему-то щипало лоб. Он инстинктивно дотронулся до него рукой — больно! — и, откинув со лба волосы, испуганно посмотрел на себя в зеркало. В нем отражалась хмурая, небритая физиономия с рассеченным лбом. Он охнул. Это была не просто царапина, а маленькая рана.

— Господи, где же это я так умудрился? Вроде вчера не падал. И не пил. — Потрогав царапину и опять поморщившись, он вышел из ванной и крикнул жене:

— Маша, посмотри, что это у меня? Вчера же ведь ничего не было, а?

Жена, хлопотавшая на кухне у плиты, обернулась к нему и широко улыбнулась:

— Доброе утро, миленький! Что случилось с моей крошкой? Кто ее обидел? — Она внимательно и озабоченно осмотрела подставленный им лоб, нежно поцеловала его и добавила: — Царапина совсем свежая. Болит? Бедненький! Вчера, мне кажется, ее действительно не было. Может, ты оцарапался об угол кровати? Ночью не вставал? Может, пошел в туалет и споткнулся со сна, ударился обо что-то?

— Ну, знаешь, у меня, конечно, есть свои недостатки. Но я все-таки не лунатик, — пожал он в ответ плечами.

Маша подвела его к зеркалу, вытащила аптечку.

— Сейчас я тебе смажу ранку йодом и на всякий случай залеплю пластырем, — приговаривала она, откупоривая свежий пузырек с йодом.

Когда она приложила ватный тампон к ранке, он вздрогнул и болезненно сморщился.

— Какой ты у меня нежный, — покровительственно засмеялась Маша и, залепив лоб пластырем, вновь поцеловала его. — Боли боишься, руками делать ничего не умеешь, собственной тени пугаешься. — Она покачала головой и нежно положила ладонь на его грудь: — Пропадешь совсем без меня.

Почувствовав облегчение, он воодушевился и запустил руки ей под халат. Маша немедленно выскользнула из его объятий, иронически заметив:

— Так, раненый ожил. Значит, жить будет.

Он устремился вслед за ней, обиженно сопя:

— Куда же ты? Почему бросаешь своего несчастного, израненного мужа, который так нуждается в ласке, заботе и внимании!

Она со смехом скрылась от него в ванной и, закрывая дверь изнутри, проговорила:

— Все, все, милый, мне пора на работу. Все остальное — вечером. Если, конечно, пожелаешь. А сейчас иди завтракать, поддержи свои слабеющие силы, израненный боец. Я, кстати, приготовила твои любимые сырники с изюмом.

Не решив окончательно, что ему выбрать: обидеться на жену или сделать вид, что ничего не произошло, он прошел на кухню. Его нос уловил волнующие запахи, и он с удовольствием уселся за стол, накрытый хрустящей белой скатертью.

Помимо сырников с изюмом его ожидал свежеотжатый апельсиновый сок, горячие тосты, масло и варенье в вазочке. В центре стола красовалась ваза с фруктами. Он запустил туда руку и вытащил киви.

Маша уже оделась и теперь разбиралась со своей косметикой. Закончив «наводить маршфет», поинтересовалась:

— Сегодня придешь пораньше? Или у тебя спектакль?

— Угу, — с набитым ртом ответил он. — Сегодня премьера. Придет заведующий Департаментом строительства Маруцак с женой. Помнишь, эту толстую тетеху? А я даже выйти к ним не смогу. — Он потрогал свой лоб и вздохнул: — Выгляжу, как уголовник.

Маша сложила косметику в сумочку и потянулась за плащом.

— Если Маруцак придет, может, попробуешь с ним поговорить? — напомнила она мужу. — Узнаешь, наконец, как обстоят дела с нашей квартирой? Время идет, боюсь, мы можем опоздать.

— Человек придет вечером в театр отдохнуть, а я к нему с делами? Как ты себе это представляешь? — болезненно поморщился он.

— Не волнуйся, не получится, значит, не получится, — погладила его по голове Маша. — Но Красильников, я узнала, уже переговорил с кем надо. И ему обещали помочь — найдут квартиру в центре и продадут по стоимости БТИ. А Красильников, между прочим, меньше сделал для города, чем ты. Надо пользоваться тем, что тебя все знают.

— А кто Красильникову обещал?

— Твой Маруцак, который регулярно посещает театр, — ответила Маша и, выходя на лестничную площадку, нежным голосом бросила: — Пока, милый, до вечера!

Он рассеянно кивнул, запер за женой дверь, снова потрогал лоб и скривился от боли.

Внизу афиши, объявлявшей о премьере, значилось имя директора — Д.П. Селезнев. Полюбовавшись на нее, Дима вошел в театр и немного придержал дверь, проверяя, мягко ли она закрывается. Здесь он вел себя иначе, чем дома, — уверенно, по-хозяйски. Скинув небрежным жестом пальто, отдал его гардеробщице, которая почтительно приветствовала его:

— Здравствуйте, Дмитрий Павлович! Поздравляю с премьерой. Я внуку контрамарку просила, так в кассе говорят, что все билеты проданы.

— Зайдешь ко мне попозже, дам билетик, — довольно улыбнувшись, пообещал Дима и, подойдя к зеркалу, стал прихорашиваться. Потрогав пластырь на лбу, опять досадливо поморщился и направился к лестнице.

К нему неожиданно подскочил запыхавшийся буфетчик:

— Дмитрий Павлович, беда! Из санэпидстанции пришли, сейчас буфет закроют и опечатают. Они уже акт пишут. А вечером премьера! Что делать?

— Неужели не мог сам договориться? — хладнокровно осведомился Дима, поднимаясь по лестнице.

— Да новенькие какие-то пришли! — Буфетчик был в отчаянии. — Я им сразу коньяка, закусточку начал ставить, а они сказали, что непьющие и вообще уже пообедали.

Они прошли в глубь здания к приемной. Буфетчик угодливо распахнул дверь, и секретарша, увидев Диму, тут же вскочила с кресла и затараторила:

— Добрый день, Дмитрий Павлович! Вам звонили из Дептамента культуры, Кузнецов из музея, Елигулашвили из китайского ресторана, Возчиков из стоматологической клиники и новый директор Бюро ритуальных услуг. С кем соединять?

— Подожди, — скомандовал Дима, входя в кабинет. — Найди заведующую санэпидстанцией.

Он скинул пиджак, повесил его на плечики и уселся за стол. Не успел перевернуть листок календаря, как в дверь заглянула секретарша:

— Дмитрий Павлович, заведующая на проводе.

— Юлечка, — проворковал в трубку Дима. — Понимаю, что я, конечно, уже не в том возрасте, когда можно рассчитывать на внимание красивой женщины. Но чтобы так пренебрегать давно и безнадежно влюбленным в вас женщиной — этого я себе даже представить не мог... Как почему? Сегодня весь город приходит к нам на премьеру. Я оставил вам два билета во втором ряду. Между прочим, рядом с министром здравоохранения области, а вы даже... А, вот то-то же, Юлечка... Конечно, жду вас... Кстати, пришли две очень странные дамы, уверяют, что от вас, и хотят закрыть наш буфет... Да, спасибо, Юлечка, а то где же мы вечером будем выпивать после премьеры... Целую вас.

Буфетчик, еще не покинувший кабинет, развел руками:

— Снимаю шляпу, Дмитрий Павлович. Со многими директорами работал — а настоящего хозяина вижу в первый раз.

— Она объяснила, что это новенькие, наших городских дел не знают. Сейчас она их отзовет, — разворачивая газету, произнес Дима.

Кланяясь, буфетчик пошел к выходу и уже в дверях робко заметил:

— Мне севрюгу ребята прислали, пальчики оближешь. Я распоряджусь, чтобы вам на обед приготовили. Со свежими овощами, как вы любите...

Не обращая на него никакого внимания, Дима нажал кнопку переговорного устройства и распорядился:

— Галочка, скажи, чтобы оставили два билета Прохоровой на сегодня. Кроме того, понадобятся три или четыре места в четвертом ряду. Это для москвичей. Но я не знаю, сколько их будет и сам встретить не смогу. Организуй достойную встречу — договорились?

— Не беспокойтесь, Дмитрий Павлович, сделаем в лучшем виде, — донеслось из переговорного устройства.

— Я у себя, — сказал Дима и отключился.

Поднявшись с кресла, он вышел в приемную, и секретарша, быстро открыв блокнот, приготовилась писать.

— Машина мне нужна на четыре, — сказал Дима. — А пока собери мне администраторов.

После этого он отправился в примерную комнату и, отклеив пластырь, показал царапину на лбу:

— Танечка, можно как-нибудь это загримировать?

— Садитесь, Дмитрий Павлович, — вежливо проговорила та и ловко загримировала царапину.

— Сами понимаете, Танечка, — сказал он, — сегодня в театр придут такие люди, что мне обязательно нужно быть в форме.

Она понимающе кивнула.

Жена встретила его как всегда накрахмаленной скатертью и обильным ужином. Когда Дима одолел свою порцию, она, держа в руках сковородку, предложила:

— Хочешь добавку?

Он покачал головой.

— Устал, милый? Болит? — заботливо спросила Маша, кивнув на его лоб.

— Да, устал немного, день был хлопотный. Пойду, прилягу, что-то спать хочется.

— И телевизор смотреть не станешь? — удивилась жена. — Новый фильм сейчас будет. Для полуночников — то, что ты любишь, с голыми девицами.

— Нет, нет. Пойду спать. Спокойной ночи. — Дима поднялся и, поцеловав жену, отправился в спальню.

Постель уже была расстелена. На тумбочке горел ночник, рядом стоял высокий стакан с водой и лежал толстый роман, который Дима читал на ночь. Он с нескрываемым удовольствием улегся в постель и потянулся. Взял в руки книгу, раскрыл ее и... зевнул. После чего положил книгу обратно на тумбочку, выключил свет, вернулся в пуховое одеяло и закрыл глаза. Через мгновение он уже спал. И видел сон.

Он был как-то странно одет — в черный спортивный костюм, а на голове — вязаная лыжная шапочка.

Войдя в подъезд какого-то чужого дома, он поднялся по лестнице и остановился возле лифта. Подъезд был грязный и темный, но это его совершенно не смущало.

Вдруг стукнула входная дверь, и Дима насторожился. Вошли двое парней с большими сумками, и он бесшумно сдвинулся в сторону, чтобы его не заметили. Затем пропустил какого-то подвыпившего мужчину, подумав, что, раз где-то выпил, значит, вернулся без денег. Еще одна припозднившаяся дама внушала определенные надежды, но тут, как назло, спустился на лифте мужчина с собакой, и пришлось отступить.

Еще через полчаса вновь хлопнула входная дверь. На этот раз в подъезд вошла женщина средних лет. Дима надвинул шапочку на лоб и затаился. Когда женщина, неуверенно поднимавшаяся по ступенькам, поравнялась с ним, он внезапно схватил ее за горло и поднес к ее глазам нож.

Откуда у него взялся этот нож?

Он продолжал с изумлением наблюдать за собой как бы со стороны. Как он может все это делать — пусть даже и во сне?

В глазах женщины плеснулся ужас. Она хотела закричать, но он сжал ее горло и прошептал:

— Молчи, дура, а то убью!

И нож зловеще блеснул перед ее глазами.

Дима вырвал у нее из рук сумку, порылся в ней и, найдя кошелек, сунул его в карман. После чего схватил ее за руки, стащил с пальцев оба кольца и с угрозой в голосе потребовал:

— Снимай серьги, быстро!

Она дрожащими руками дотронулась до ушей, но у нее ничего не получалось. Он сам начал сдирать серьги, и женщина от боли закричала. Тогда он поднес нож к ее горлу, поставил ее лицом к стене и тем же зловещим шепотом проговорил:

— Ни слова, если хочешь живой остаться. Пикнешь — и тебе конец. Брюхо вспорю.

Она вздрогнула и замолчала.

Дима на цыпочках вышел из подъезда и побежал по улице, удивляясь, что хорошо знает, куда ведут эти старые переулки. Через какое-то время он остановился, чтобы перевести дыхание, стащил с себя лыжную шапочку, спрятал нож, вынул деньги из кошелька, а сам кошелек выбросил в урну.

Дойдя до метро и спустившись по эскалатору на станцию, он проехал две остановки и снова вышел на улицу. Свернув налево, нырнул в такой же темный переулок, в каком только что был, натянул на голову лыжную шапочку и проскользнул в подъезд.

Встав под тусклой лампочкой, Дима обследовал трофеи, отнятые у дамочки, и, пересчитав деньги, брезгливо поморщился: всего полторы тысячи рублей и триста долларов. И это все? Он разочарованно повертел в руках серьги и небрежно засунул их в карман.

В этом подъезде ему долго не везло. Мимо него прошли несколько пожилых людей, потом стайкой пробежали наверх дети, и он боялся, что они обратят внимание на незнакомца в подъезде. Но его никто не заметил.

Вдруг к подъезду подкатило такси, и оттуда, хохоча, вывалилась пьяная парочка. Это были его клиенты, и он тут же полез за ножом.

Первой в подъезд влетела дамочка с охапкой цветов. За ней ввалился парень, с трудом державшийся на ногах.

Дима смерил парня пристальным взглядом с ног до головы и решился. Он пропустил женщину, а мужчину привычным приемом схватил за горло и показал ему нож:

— Скажи своей бабе, чтобы молчала, иначе я тебя порежу.

Парень прохрипел что-то невнятное, и его девушка испуганно обернулась:

— Что с тобой, дорогой?

Ее рот расширился, чтобы крикнуть «на помощь!», но парень выпалил:

— Заткнись, а то он меня убьет!

Она замерла и мелко-мелко закивала, показывая, что все понимает.

Дима тем временем умело обшарил у парня карманы, забрал кошелек, бумажник, стянул с руки часы с металлическим браслетом. Потом поманил рукой девушку:

— Иди сюда. — И, хмыкнув, добавил: — Теперь твоя очередь.

Она подошла, пошатываясь, то ли оттого, что была пьяна, то ли от страха. Дима вырвал у нее из рук сумочку, нашел кошелек и какую-то коробочку. Затем снял с нее часы на тоненьком браслете, а заодно серьги и бусы из жемчуга, и рассовал добычу по карманам.

— Теперь снимай штаны! — рявкнул он парню в ухо.

— Зачем? — пролепетал тот. — Не надо! Забирай все, только не это...

— Дурак! — выдохнул Дима, ему стало смешно. — Больно хорошо о себе думаешь. Снимай, говорю! — и тут же острым лезвием ткнул ему в горло, рассекая кожу.

Парень дрожащими руками расстегнул ремень, и брюки с него свалились.

— А ты снимай юбку, — приказал Дима девушке.

Она молча подчинилась.

Он схватил брюки и юбку и стремглав выскочил из подъезда, здраво рассудив, что в таком виде парочка не станет звать на помощь, а сначала вернется к себе в квартиру, чтобы привести себя в порядок. Так и произошло. Глянув друг на друга, парень и девушка бросились вверх по лестнице.

Одежду их Дима выбросил в ближайшую урну, туда же отправились опустошенные кошелек и бумажник, а лыжную шапочку и нож спрятал в карман — «орудиями производства» он дорожил.

Дома Дима расположился на убогой кухоньке, где кроме столика и колченогих стульев ни-

чего не было. Лампочка была без абажура, окно — без занавески. На давно не мытой плите сиротливо стоял закопченный чайник.

Он сгреб со стола остатки трапезы прямо на пол и, выложив на него добычу: деньги и драгоценности, разложил их на кучки, откинулся на стуле и некоторое время самодовольно взирал на награбленное. Потом встал, достал из картонного ящика, стоявшего возле стены, недопитую бутылку коньяка, вылил остатки в мутный стакан, проглотил без закуски и секунду молча прислушивался к себе. Довольно хмыкнул и отправился спать.

Комната была обставлена по-спартански: шаткая кровать, заправленная грязным бельем, и стул. Дима стащил с себя брюки и рубашку, повесил на спинку стула, рядом положил часы. Было три часа ночи...

Диминая рука, вялая со сна, поползла по стулу и нащупала часы. Приоткрыв один глаз, он посмотрел на них: половина двенадцатого.

Он открыл оба глаза и осмотрелся.

Он лежал в своей кровати. Комната вся была освещена ярким солнцем.

— Кошмар, — поняв, что окончательно проснулся, пробормотал Дима, имея в виду сон, который ему приснился. — Сколько раз врачи предупреждали: нельзя на ночь наедаться.

На стуле висели чистая рубашка и выглаженные брюки. Он втянул воздух, невольно улыбнулся, ощущая вкусные ароматы, доносящиеся из кухни, и поднялся с кровати. Голова ужасно болела, лицо пылало жарким огнем.

— Маша, ты где? — позвал он.

Она, как всегда, хлопотала на кухне. На накрахмаленной скатерти уже стоял стакан грейпфрутового сока, на тарелках лежали половинки киви и неизменные тосты.

Дима плюхнулся на стул и пожаловался жене:

— Ты представить себе не можешь, какой ужасный сон мне приснился. Проспал почти до полудня, а чувствую себя совершенно разбитым.

— Сегодня на завтрак твои любимые вареники. Может, еще сосисок сварить? Свежие, я только что в магазин бегала, — поцеловав его, сказала Маша.

— Приятно, черт возьми, ощущать заботу и внимание со стороны жены, — заметил Дима. — Ты — награда за все мои невзгоды и неприятности.

— Димочка, не гневи судьбу, — ответила Маша. — Тебе грех жаловаться. Ты занимаешься любимым делом, ты — уважаемый в городе человек. Тебя все ценят. О любящей тебя жене из скромности не упоминаю.

Подхватив сумочку, она бросилась к двери:

— Все, я убегаю. Не забудь надеть шарф, сегодня сильный ветер.

В ночном клубе было столпотворение. На сцене показывали стриптиз. Будь Дима один, он бы, конечно, посмотрел представление, но в клуб они пошли компанией, и рядом с ним сидела вице-президент банка Елена Петровна. Она решительно поднялась со своего места:

— Дмитрий Павлович, это зрелище для вас. Наслаждайтесь, а я пойду в казино, проверю, каково нынче мое счастье.

— Елена Петровна, я не оставлю вас одну в этом вертепе. — Дима тоже встал и галантно предложил даме руку. — Позвольте мне сопровождать вас. Тем более что я крайне заинтересован в том, чтобы счастье не покидало главного спонсора нашего театра.

Они прошли по длинному коридору к казино. Администратор распахнул перед ними дверь.

— Я думала, вы обо мне беспокоитесь, а вас, оказывается, только дела вашего театра волнуют.

— Елена Петровна, вы волнуете меня значительно больше, чем театр, — чуть понизив голос, произнес Дима.

Но она не приняла всерьез его слова:

— Да ладно вам, Дмитрий Павлович, все в городе знают, какой вы примерный семьянин. Впрочем, это не удивительно. Более заботливого человека, чем ваша жена, и представить невозможно.

Елена Петровна обменяла в кассе деньги на фишки разных цветов и уверенно заняла место за столом с рулеткой.

Дима расположился рядом с ней, хотя играть не собирался. Он вообще не одобрял азартных игр.

— Что-нибудь выпьете? — спросила официантка в платье с весьма откровенным декольте.

— Мне мартини, — потребовала Елена Петровна.

Официантка повернулась к Диме.

— А мне минеральной воды, — понизив голос, попросил он и, как бы извиняясь, добавил: — Мне еще работать.

Официантка обещающе взмахнула ресницами и удалилась. Дима проводил ее взглядом и повернулся к столу в тот самый момент, когда шарик остановился возле цифры, на которую поставила Елена Петровна. Крупье придвинула к ней стопку фишек.

Елена Петровна вновь разбросала свои фишки. Ожидая, когда шарик остановится, она с волнением отпила из своего стакана. И — опять выиграла! Дима, не выдержав, зааплодировал, а потом поинтересовался:

— Еще попробуете?

— Счастье не надо испытывать. Тогда оно не изменит, — покачала головой Елена Петровна, сгребла фишки и направилась к кассе, чтобы обменять их.

К ней подошел администратор казино и, вежливо улыбаясь, сказал:

— Елена Петровна, если бы это были не вы, мы бы решили, что к нам проник какой-то профессионал.

— А я и есть профессионал, — улыбнувшись в ответ, заметила она. — Зарабатывать деньги в банке не проще, чем в казино.

Все засмеялись. Провожая гостей, администратор казино вытащил откуда-то из-за спины игрушечного медвежонка:

— А это маленький презент от нашего казино.

— Ой, какая прелесть! — Елена Петровна, кажется, была довольна подарком едва ли не больше, чем крупным выигрышем. — Он будет меня охранять.

— Кстати, об охране. — Администратор стал очень серьезным. Он позвал дежурившего в казино старшего лейтенанта, затем пожал руку Диме: — Что-то я давно не был в вашем театре, — после чего обратился к Елене Петровне: — Давайте я вас отвезу до дома. Так будет спокойнее.

Елена Петровна решительно отказалась:

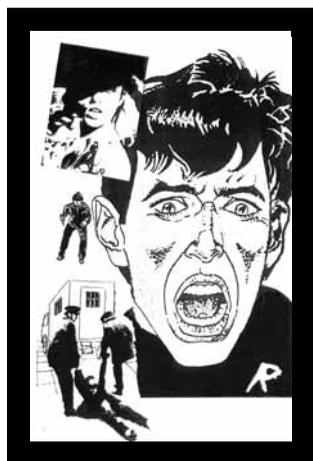
— Благодарю вас, но у меня еще встреча в ресторане. Деловой ужин. Так что домой я вернусь еще часа через полтора. А дом у нас тихий, замки надежные.

Дима поцеловал ей руку и помахал вслед, когда она отъезжала.

Маша с бокалом вина уютно расположилась у телевизора, она смотрела свой любимый сериал. Дима тоже налил себе вина, выпил глоток другой, и у него вдруг начали слипаться глаза. Он допил рюмку, поднялся с дивана и, зевнув, сказал:

— Что-то у меня глаза сами собой закрываются, пора на боковую.

— Мне не нравится, что ты так сильно устаешь, не высыпаешься, — несколько встревожено заметила Маша. — Надо бы провериться у врача. Может быть, тебе немного отдохнуть и подлечиться в санатории? Только

не говори, что в театре без тебя не смогут обойтись. Ты заслужил отдых.

— Потом поговорим, — увильнул от разговора Дима.

Он даже не стал брать в руки книжку, укрылся одеялом, выключил свет, блаженно прикрыл глаза, расслабился и сразу заснул.

Господи, ему опять снился тот же самый сон!

В старом спортивном костюме и лыжной шапочке он подстерегал жертву в темном подъезде.

Вчера он провозился весь вечер, работал по двум адресам, устал, да и рисковал излишне, а сегодня намеревался набрать нужную сумму одним ударом. Несколько человек прошли мимо него, но Дима даже не сдвинулся с места.

Он ждал. И, когда в подъезд влетела модно одетая женщина на высоких каблуках и с сумочкой на длинном ремешке через плечо, довольно усмехнулся — это была вице-президент известного в городе банка Елена Петровна.

Дима действовал как хорошо отлаженный автомат. Пропустил Елену Петровну мимо себя и напал сзади. Одной рукой сильно сжал горло, а другой показал нож. Широкое лезвие, это он знал точно, действовало сильнее всего. С силой вырвал у нее из рук сумочку и открыл ее — там лежал выигрыш, полученный в казино, и подарок от администрации — маленький медвежонок. Затем повернул женщину лицом к себе, чтобы снять с нее драгоценности, но не успел выпустить ее горло, как Елена Петровна начала бешено кричать:

— Помогите, на помощь, грабят, помогите! — И внезапно вонзила ему ногти в лицо.

От боли и неожиданности Дима выпустил нож и отскочил назад.

Елена Петровна, продолжая кричать, бросилась вверх по лестнице. Он не рискнул ее преследовать, потому что услышал, как в подъезде открылись двери, залаяла собака, и зазвучали встревоженные голоса.

Сорвав с головы шапочку, выскочил из подъезда и побежал, что было сил. И только по дороге сообразил, что оставил в подъезде нож и лыжную шапочку, но не возвращаться же за ними?

Дима прибежал домой и сразу прошел в ванную. Свет зажегся только с третьей попытки, и он глянул на себя в зеркало. Чертова баба умудрилась разодрать ему все лицо, несмотря на низко надвинутую шапочку.

Умывшись, Дима отправился на кухню, запустил руку в картонный ящик, вытащил бутылку коньяка и увидел, что она пустая. Достал початую бутылку водки, налил себе полный стакан, выпил залпом и завалился спать.

Проснулся он от непрерывных звонков в дверь. Открыл глаза, сел, потряс головой, потрогал лицо. Вроде бы на ощупь все нормально. А в дверь уже не просто настойчиво звонили, а начали барабанить.

— Господи, кого это несет? — недовольно пробормотал Дима. — Маша! Маша! Ты где? Открой дверь!

Жена не откликнулась.

«И где же она, спрашивается, опять у телевизора, что ли, заснула?»

Он нехотя поднялся, прошел в прихожую и, не включая свет и не спрашивая «кто там?», открыл дверь. В квартиру тут же ворвались люди в полицейской форме. Не успел он возмутиться: «Позвольте, что здесь происходит?» — как ему завернули руки за спину и надели наручники.

— Это твое? — Старший лейтенант, который вечером был возле казино, нащупал на стене розетку, включил свет и протянул Диме его «спецодежду и средства производства» — спортивную куртку, лыжную шапочку и нож. — По глазам вижу, что твое.

От яркого света Дима зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, что находится вовсе не в своей ухоженной квартире, а в той самой конуре, которая ему снилась.

Его повели на кухню, где на столе лежали награбленные им драгоценности. Когда проходили мимо ванной, он на секунду задержался, посмотрел на свое отражение в разбитом зеркале и прошептал:

— Так это не сон?

Лейтенант толкнул его в спину и, сощурившись, проговорил:

— Иди, иди! Что, опять какую-то историю придумываешь? Недаром у тебя кликуха «Артист». Но с нами этот номер не пройдет, мы-то тебя хорошо знаем. Для суда побереги.

Висевшее на честном слове зеркало упало и разлетелось на мелкие кусочки. Самые большие осколки остались лежать на рваной театральной афише, объявлявшей о премьере в городском театре. Внизу было набрано имя директора театра, но кто-то оторвал краешек афиши, и прочитать можно было только его инициалы — Д.П. Се... □

МАРОККАНКА КРАСОВИЦЫ

1928 год начался как всегда — трудно, в уже ставших привычными поисках денег, заказов. Зинаида Серебрякова жила в Париже уже 4 го-

да — она отправилась во Францию, получив большой заказ. «Мне было двенадцать лет, когда моя мать уезжала в Париж, — вспоминала Та-

Марокканский цикл — одна из самых ярких страниц в творчестве замечательной русской художницы Зинаиды Серебряковой. Буйство красок, радость бытия, пряные запахи, растворенные в жарком африканском воздухе. И героини этой восточной сказки — прекрасные, полные неги и покоя «ню»...

Зинаиды Серебряковой

тьяна Серебрякова. — Пароход, шедший в Штетин, стоял на причале у моста лейтенанта Шмидта. Мама была уже на борту. Я чуть не упала в воду, меня подхватили знакомые. Мама считала, что уезжает на время, но отчаяние мое было безгранично, я будто чувствовала, что надолго. На десятилетия расстанюсь с матерью».

Зинаида действительно собиралась вернуться в Россию, где остались ее четверо детей и мать, но... Все сложилось иначе. (Сашу и Катю позже — в 1925 и 1928 году соот-

ветственно — удалось переправить к ней в Париж, но мать с Женей и Таней жили в России. Это страшно мучило и угнетало художницу.) Уютный мир ее детства — усадьбы Лансере и Бенуа, где царил покой, где все занимались живописью, музыкой, ее обожаемый муж, покинувший ее так рано (Борис Серебряков умер в 1919 от тифа), ее такая радостная, наполненная искусством юность рядом с ее знаменитыми родственниками, столь много сделавшими для русской культуры, — все это оста-

*Стены и башни.
Марракеш. Марокко*

*Справа: Отдыхающая
негритянка. Марракеш*

лось в прошлом, в воспоминаниях. А теперь ей уже 44 года, рядом с ней — двое ее детей, в России — двое других детей, по которым она страшно тосковала, и ее мать, которой уже не хватало ни здоровья, ни просто жизненных сил растить внуков и сопротивляться ударам судьбы. Все те небольшие деньги, которые Зинаиде удавалось зарабатывать, она делила на две части — оставляла себе на необходимые расходы, а оставшееся отправляла в Россию. А работу найти было ох как нелегко — у нее ведь даже не было французского гражданства, и ни на какие официальные заказы она не могла претендовать. Но ино-

гда отцы более успешных эмигрантских семейств заказывали ей портреты своих жен и дочерей, и тогда в доме появлялись деньги. Правда, так было не всегда. «Непрактичная, делает много портретов даром за обещание рекламировать, но все, получая чудные вещи, ее забывают, и палец о палец не ударяют», — писал о ней Константин Сомов. Случалось и так, что ее модели оказывались вполне свободных нравов и соглашались позировать нагими. Художнице очень удавались эти женственные, светящиеся «ню». Какое-то ее работы попадали на выставки. Несколько полотен были выставлены на большой международной вы-

ставке в Брюсселе, открывшейся в мае 1928 года и приуроченной к открытию нового Дворца искусств. Русский отдел представляли полотна старых мастеров — Д. Левицкого, К. Брюллова, А. Иванова, а также современных живописцев, «мирискусников». «Русские не только понравились, но, по общему мнению, намного «лучше всех», — писал С. Маковский. Высоко оценили и картины Серебряковой. Три или четыре ее работы были проданы, что, считал Сомов, «очень поможет в ее почти хроническом безденежном положении».

Во время выставки Зинаида познакомилась с богатым и очень любящим искусством бельгийцем, пре-

успевающим промышленником, да к тому же еще и бароном Броуэром. Он пришел в восторг от ее двух «Обнаженных» и тут же заказал ей портреты своей жены и дочери. Летом она отправилась во Фландрию, жила в его уютном доме в очаровательном, средневековом Брюгге и писала портреты домочадцев барона.

Броуэру картины понравились, но особенно ему нравились ее ню, и он решил сделать художнице подарок — месячное путешествие в Марокко, находившееся тогда под протекторатом Франции: проживание в отеле, транспорт, переводчика и деньги на ежедневные расходы. Ну а взамен он получит работы,

Этюд женщины

которые она напишет в Марокко — не все, а те, что ему особенно придутся по душе.

Ну что ж, подумала Серебрякова, у нее наверняка останется еще что-то, картины можно будет выставить в Париже и неплохо заработать на модной в те годы восточной теме, и художница согласилась.

Так в декабре 1928 года она оказалась в Марракеше. Выяснилось, что барон — владелец огромных плантаций и роскошного дворца, окруженного живописным садом. Фонтаны, колокольчики, горы вдаль, услужливые слуг, ставящие на стол восточные яства, пышные цветы. Одним словом, она оказалась героиней

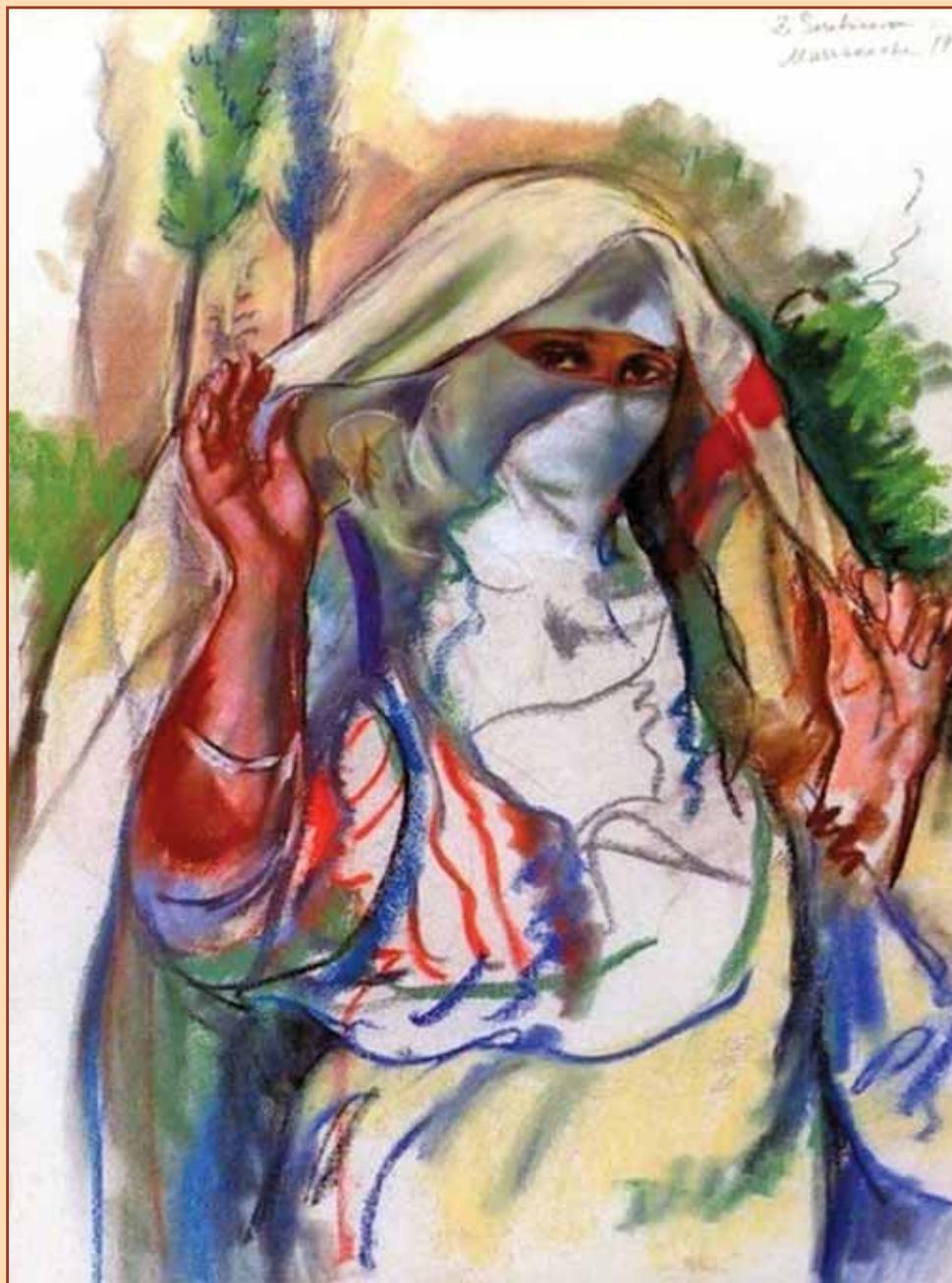
восточной сказки! И можно было не думать о деньгах... В Марракеше время словно застыло, остановилось. Зинаида часами бродила по центру города, по старинным улочкам, в руках у нее были карандаши и альбом, и она рисовала выразительные лица уличных музыкантов, толкователей Корана, гадалок, а еще — сценки на базаре, верблюдов, дома, за стенами которых шла совсем иная, непостижимая для нее жизнь. В конце декабря 1928 года Серебрякова писала из Марракеша Е.Е. Лансеру в Москву: *«В этой чудесной стране такая радость для глаз! Меня поразило все здесь до крайности — и костюмы самых разнообраз-*

Справа: *Две марокканки*

ных цветов, и все расы человеческие, перемешанные здесь, — негры, арабы, монголы, евреи (совсем библейские) и т. д. Жизнь в Марракеше тоже фантастическая — все делается кустарным образом, как, должно быть, было и 1000 лет назад. Я вот уже две недели как здесь, но так одурела от новизны впечатлений, что ничего не могу сообразить, что и как рисовать. ...Взяла себе вчера проводника, араба, говорящего по-французски, 10 франков в день, чтобы ходить со мной по городу, т. к. одной никак нельзя: запутаешься в лабиринтах улочек и еще попадешь в запретные для европейцев места. Дорога от Касабланки до Марракеша

совсем гладкая и напомнила мне даже нашу Курскую губернию, но, подъезжая к Марракешу, вдруг начинается Африка — красная земля и пальмы, а вдали снежная цепь Атласа, но очень далеко, так что почти всегда закрыта облаками. Марракеш же весь розовый и совершенно ровный, без гор и холмов... Я думаю пробыть здесь еще три недели, а потом домой, т.к. каждый день стоит мне больше 100 франков (отель 75 франков в день), а очень хотелось бы пожить здесь подольше. Так много хотелось бы сделать, но ничего до сих пор не нарисовала, и каждый день ложусь в отчаянии и решаю уехать, а утром опять не

*Женщина,
открывающая
чадру*

Справа:
*Девушка
с востока*

нагляжусь на эту удивительную картину жизни».

И она пыталась все это запечатлеть на бумаге, весь этот шумный, пряный мир восточной сказки, в которую она попала благодаря барону Броуэру. Только вот писать портреты не получалось, Коран запрещал изображать человека. «Как только сядешь (в углу улицы, всегда, впрочем, смрадном) рисовать, так жен-

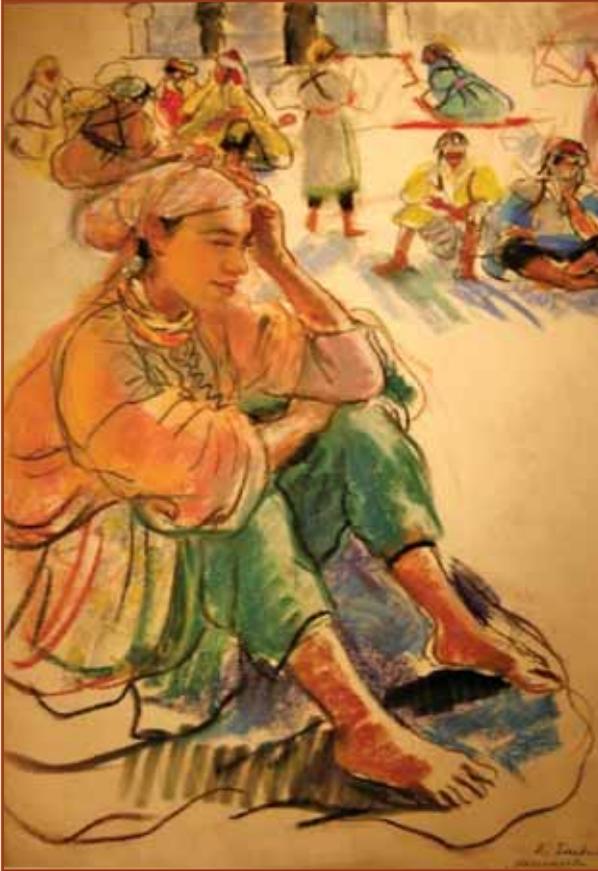
щины уходят, арабы же не желают, чтобы их рисовали, и закрывают свои лавочки и требуют на чай — 20 или 10 франков за час!!! Вообще... каждый шаг здесь стоит ужасно дорого (это американцы противные напортили своими долларами)».

Иногда с помощью переводчика все-таки удавалось уговорить какого-нибудь марокканца (юного или не очень) попозировать — посидеть

хоть полчаса неподвижно, но это бывало так редко, да и за немалые деньги! Приходилось работать быстро, лаконично, схватывая основное, и уже потом дома заканчивать работу. Но вот с местными дамами было совсем сложно. Закутанные с ног до головы в черные одежды, они были недоступны, и Зинаида могла видеть только глаза красавиц. Както ей пришла мысль пойти в хам-

мам, в женское отделение. Но и там ничего не получилось — во-первых, мешал пар, а во-вторых, марокканки совсем не были настроены позировать какой-то сомнительной иностранке, непонятно как попавшей в их закрытый от посторонних глаз мир. «Вообще же я рискнула этой поездкой, так как деньги на нее дал мне займы тот господин Броуэр, у которого я рисовала в Брюгге ле-

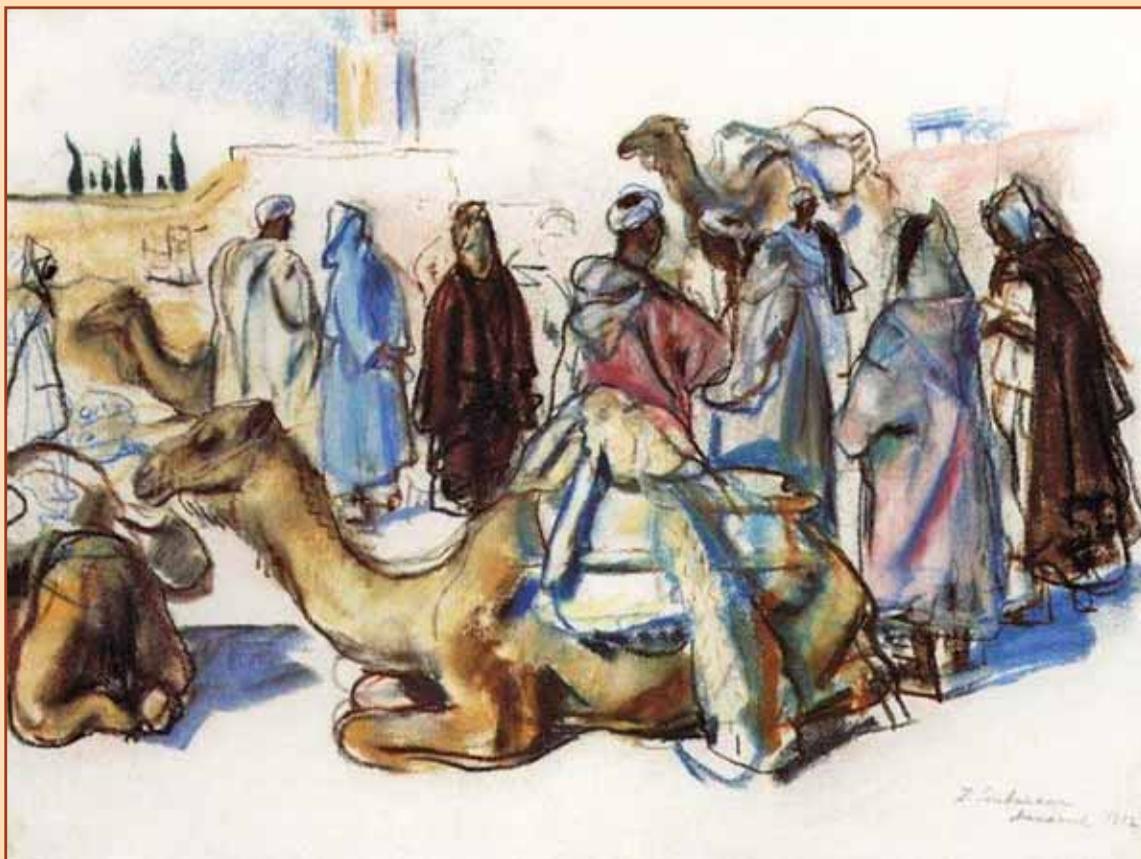
том портреты. Он хотел, чтобы я сделала «ню» с туземок прекрасных, но об этой фантазии и говорить не приходится — никто даже в покрывалах, когда видна только щелка глаз, не хочет позировать, а не то, что заикнуться о «ню».

Она была просто в отчаянии. Ее уже ничего здесь не радовало — казалось слишком жарко, раздражала чужая речь, а яркие краски казались назойливыми. Изобразить выдуманную красавицу, без модели? Она бы с радостью, но у нее не получалось, не умела она работать без живой натуры. Выходило мертво, неинтересно. Но ведь вернуть деньги за марокканское путешествие барону она не сможет ни при каких условиях — у нее просто нет такой суммы! Что же делать? И Зинаида Васильевна

решила экономить — не выходить в город, питаться по-минимуму и отказаться от услуг переводчика. Так хоть она немного денег сэкономит своему барону. И вечером Серебрякова объявила переводчику, сыну местного учителя, чтобы завтра и в оставшиеся дни до ее отъезда он не приходил. Юноша был удивлен. Чем заслужил он такое отношение? Что-то не так? Ведь они с мадам подружались, она даже нарисовала его портрет, который очень понравился его родителям. Да и вообще — мадам была к нему так добра: вела себя с ним, как с равным, равным ей, белой госпоже! Прежде он с таким отношением не встречался — все его наниматели-белые всегда давали ему понять, что он — всего лишь жалкий араб. Что же случилось?

И тогда Зинаида Васильевна рассказала о том, что ее мучило все эти дни. Вряд ли этот милый молодой человек сможет ей помочь, думала тогда художница, и, скорее всего, завтра она его уже не увидит. Однако на следующий день ее юный друг пришел, причем не один, а в сопровождении трех юных дев. «*Это две мои сестры и моя невеста*, — сказал он. — *Они готовы вам позировать — но только один день*». Как ему удалось уговорить девушек раздеться перед художницей, нарушить строгие правила мусульманской жизни? Что он им посулил? Это осталось его тайной... А Зинаида Васильевна — она была счастлива, как никогда! В тот день родились ее марокканские красавицы.

Итак, художница выполнила просьбу барона — привезла ему из Ма-

Слева: *Сидящая марокканка*

Рынок с верблюдами. Марракеш

рокко удивительные, какие-то чистые, напоенные восточной негой и солнцем «ню». «Апатичные гетеры» — так назвал их Александр Бенуа. Но это, скорее всего, не апатия, а расслабленность, полная раскованность и растворенность в свете и тепле Востока. Наверное, барон был доволен, получив марокканских дев, поскольку помог художнице еще раз побывать в Марокко — в 1932 году.

Серебрякова показала свои марокканские картины в двух галереях: в конце февраля — начале марта 1929 года в «малюсенькой комнате» галереи Бернхейма-младшего и в декабре 1932 года в галерее Шарпантье. Успех был потрясающий. Так, Александр Бенуа писал: «Пленительна серия марокканских этю-

дов, и просто изумляешься, как в этих беглых набросках (производящих впечатление полной законченности) художница могла так точно и убедительно передать самую душу Востока. Одинаково убедительны как всевозможные типы, так и виды, в которых, правда, нет того палящего солнца, которое является как бы чем-то обязательным во всех ориенталистских пейзажах, но в которых зато чувствуется веяние степного простора и суровой мощи Атласа. А сколько правды и своеобразной прелести в этих розовых улицах, в этих огромных базарах, в этих пестрых гетто, в толпах торгового люда, в группах зевак и апатичных гетер. Все это в целом документально, убедительно и в то же время попро-

сту прекрасно. Люди такие живые, что кажется, точноходишь с ними в непосредственный контакт, точно знакомишься с ними».

Работы Серебряковой заметили и французские критики. Авторитетный искусствовед Камилл Моклер в статье, появившейся в популярнейшей газете «Фигаро», назвал Серебрякову «одной из самых замечательных художниц». Он писал: «Она воспроизводит местный колорит Феса и Марракеша с подлинной достоверностью, просто и деликатно, сохраняя при этом всю силу обаяния изображаемого, что могут полностью оценить те, кто долго испытывал на себе воздействие этих неповторимых мест. В ее Востоке нет ничего общего с крикливыми рыночными куклами, которые Анри Матисс называет одалисками. У госпожи Серебряковой живописный темперамент подкреплен глубоким и упорным изучением природы. Никогда еще современное Марокко не было увидено и воспето лучше».

Впереди у Зинаиды Васильевны была еще долгая жизнь, много трудностей, болезней, война. Но, как бы ей не было плохо, одиноко, тоскливо, она всегда работала, и работа помогала преодолевать житейские невзгоды. В 1964 году она увидела свою дочь Татьяну, которая приехала к ней в Париж. Это было огромное счастье! «Мама осталась верна себе не только в убеждениях и в искусстве, но и во внешнем облике. Та же челка, тот же черный бантик сзади, и кофта с юбкой, и синий халат и руки, от которых шел какой-то с

детства знакомый запах масляных красок», — писала дочь. Стараниями Татьяны в Москве в 1965 году состоялась выставка Серебряковой, прошедшая с огромным успехом и побывавшая в Киеве и Ленинграде.

В 1966 году художница встретила, наконец, и со своим старшим сыном Евгением — спустя более 40 лет после ее эмиграции из России! Через год он приехал в Париж снова, вместе с Татьяной. Зинаида Васильевна тогда еще нашла в себе силы написать их портреты...

Замечательная русская художница Зинаида Серебрякова скончалась 19 сентября 1976 года, и похоронили ее рядом с другими выдающимися русскими «французами» — на русском кладбище в Сент-Жене-вьев-де-Буа.

А Марокканский цикл стал одним из самых ярких в ее творчестве. Не так давно, в 2014 году, в Третьяковской галерее состоялась большая выставка художницы (на которой, кстати, были показаны и работы ее детей, Александра и Екатерины, ставших художниками). Достойное место в экспозиции заняли картины, сделанные в Марокко. И от них шел солнечный свет и тепло, аромат восточных пряностей, слышались звуки муэдзина... На этих картинах жили герои восточной сказки, что была придумана для Серебряковой бельгийским бароном. И еще там были те красавицы, которым она с помощью скромного юноши-переводчика подарила вечную жизнь в искусстве. □

М Александр ИМИНОШВИЛИ

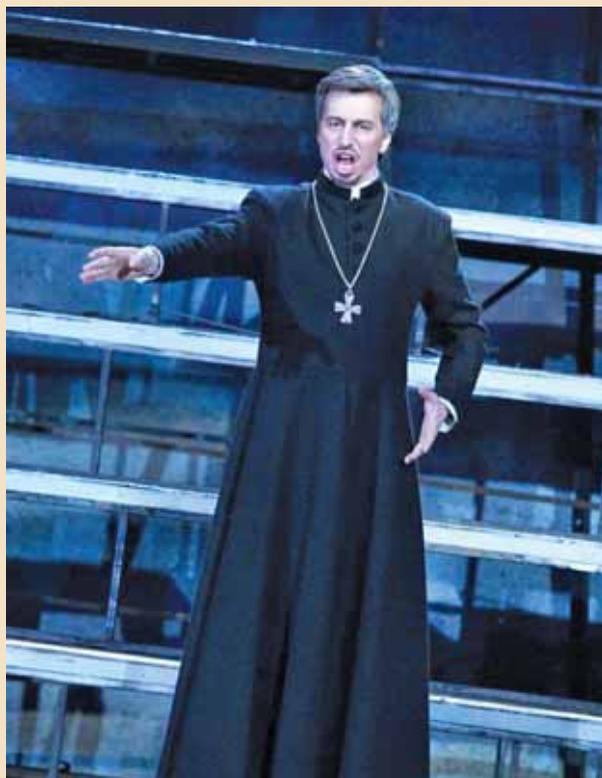
«Оперный певец,
он — как летчик-истребитель!»

Александр Миминошвили — солист театра «Геликон-опера». В 2012 году он дебютировал в Большом театре, исполнив партии Папагено в «Волшебной флейте» и Гульельмо в «Так поступают все женщины» Вольфганга Амадея Моцарта. А недавно в репертуаре Большого театра вновь появилась опера «Свадьба Фигаро», премьера ее прошла с огромным успехом, а Александр исполнял партию Фигаро. Этот молодой талантливый певец обладает не только красивым голосом — баритональным басом, но и наделен актерским мастерством, что немаловажно для оперного исполнителя.

— Александр, постановку оперы осуществил драматический режиссер Евгений Писарев, как вам работалось с ним?

— Очень хорошо! Актерский ансамбль наш сложился еще в прошлом году, была осуществлена концертная версия «Свадьбы Фигаро», дирижировал английский дирижер Уильям Лейсли. В начале этого года мы успешно выступили с этой концертной версией на фестивале «Северное сияние» в Тромсе, в Норвегии.

В спектакле заняты молодые оперные певцы, артисты и недавние выпускники Молодежной оперной программы. С ребятами, партнерами по сцене, мы находили новые краски, были все, как говорится, на одной волне. С Евгением Александровичем работалось интересно, он всегда за диалог с артистом, атмос-

фера на протяжении почти двух месяцев нашей работы царила дружественная, всем репетиции были в удовольствие.

В оперном мире драматическому режиссеру не всегда легко совладать с оперными певцами. Но сейчас оперные певцы развиваются и в драматическом искусстве, так что многие могут очень легко выполнять задачи драматического режиссера.

Я рад, что у нас получился такой замечательный спектакль!

Действие оперы режиссер Евгений Писарев перенес в двадцатый век, художник Виктория Севрюкова создала интересные костюмы, в общем, спектакль получился ярким и красочным.

Я был в Театре имени Пушкина, которым руководит Евгений Александрович, и с удовольствием посмотрел там его драматическую постановку «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Здорово! Я давно так не смеялся! А в оперном спектакле Писарев нарисовал абсолютно новые образы, и это очень важно.

— Правда ли, что произведения Моцарта сложны для вокального исполнения?

— Моцарт оказывает, если так можно выразиться, терапевтическое действие на голос певца. Некоторые певцы после первых проб и неудач отрекаются от этого композитора, и это большая ошибка. Он очень сложен для исполнения, но на голос действует как лекарство, ты спел

что-нибудь «мощное»: Верди, Пуччини, потом спел Моцарта, и... звук начинает «подсобирается». Моцарт должен присутствовать всю жизнь в репертуаре оперного певца — это путь к вокальному долголетию.

— Читала, что в 1993 году невролог Франк Роше первым в мире обнаружил, что музыка Моцарта положительно влияет на работу головного мозга человека. Универсальный механизм воздействия музыки Моцарта на живые организмы имеет нейробиологическую природу, а не эмоциональную. Именно музыка Моцарта, по мнению ученых, активизирует все участки коры головного мозга, она, к тому же, очень полезна и для интеллектуального развития малышей!

— Музыка Моцарта гениальна, светла, чиста, ведь не случайно его во всем мире называют Солнечным Композитором!

— В «Геликон-опере» вы давно работаете?

— В этом году исполняется вот уже шесть лет. Руководит театром режиссер Дмитрий Александрович Бертман, у которого я учился в ГИТИСе. Свою первую роль в театре он доверил мне, когда я учился еще на третьем курсе. Роль была небольшая, характерная — Пристав в опере Мусоргского «Борис Годунов». Это была своего рода проверка, смогу ли я существовать на сцене с большим оркестром. Я благодарен ему за то, что он поверил в меня и дал мне такой шанс! Потом

пел Фигаро в «Геликон-опере», и именно в тот момент понял, что мне нужно петь Моцарта. «Свадьба Фигаро» идет со мной по жизни уже четыре года, пел Фигаро в Рижском театре оперы и балета, потом в концертной постановке с дирижером Владимиром Серафимовичем Синайским, потом с английским дирижером Уильямом Лейсли в Большом театре.

— Кого бы еще вы хотели спеть из опер великого Моцарта?

— Мечтаю спеть Дон Жуана в одноименной опере Моцарта. Мне эта партия очень нравится, с первых аккордов увертюры чувствуется мощь этого персонажа! Летом 2014 года я стажировался в Экс-ан-Провансе, в

академии Моцарта при фестивале. Меня распределили на роль Лепорелло, но в процессе репетиций дирижер и педагоги по вокалу говорили, что все-таки мне нужно петь Дон Жуана, так как он больше подходит для моего голоса.

— Вы успешно участвовали в программе «Большая опера», на канале Культура, за вашим выступлением следили очень многие телезрители, переживали за вас, как это было?

— Супертяжело! Часы ожидания, ты находишься как под увеличительным стеклом, повсюду на тебя направлены телекамеры, режиссеры что-то постоянно просят сделать так, потом вот так... Но! Я был

очень рад участвовать в этом замечательном проекте.

После проекта я получил много интересных предложений, одним из таких было попробовать себя в роли телеведущего программы «Романтика романса» на канале Культура. Это был интересный опыт. Ведущий — очень сложная профессия, требующая большого мастерства и навыка, высокой эрудиции, быстрой реакции. Покойный Святослав Бэлза был эталоном ведущего, блистательный Мастер!

— Красивый голос, данный от природы, — это еще далеко не все, надо много учиться, постоянно отшлифовывать свой природный дар. А вы как, продолжаете учиться, не считаете, что можно уже остановиться на достигнутом?

— Конечно, взять и вдруг запеть — нельзя, это тяжелый труд. Нужно вникать в профессию по-настоящему всю жизнь. Я постоянно занимаюсь с педагогами, с коучами, тренируюсь, держу форму. Ведь профессия оперного певца предполагает постоянную работу над собой.

— Вы — выпускник Молодежной оперной программы Большого театра?

— Нет, это не совсем так, но я считаю себя ее внештатным участником, с большой радостью беру мастер-классы и занимаюсь с концертмейстерами. Молодежная оперная программа под руководством Дмитрия Юрьевича Вдовина многое дала для

моего развития как певца. Сама программа очень прогрессивна, включает занятия с ведущими педагогами, которые передают свой бесценный опыт вокального и сценического мастерства, изучение языков. Это высочайший уровень подготовки артистов оперного театра. Дмитрий Юрьевич собрал суперпрофессиональную команду, с которой он ездит по всей России и странам СНГ в поиске молодых талантливых певцов. Могу сказать, что все выпускники «Молодежки» поют в лучших театрах мира.

— Ваши родители из музыкальной среды?

— Мой отец любил петь, вероятно, любовь к музыке от него мне и передалась. Мама и папа всегда хотели, чтобы я стал музыкантом. А вообще мои родные связаны с авиацией, мой отец и его брат конструировали пилотажные самолеты. Помню, как однажды мой дядя сказал мне, что это за профессия — певец? Сейчас он изменил свое мнение.

Знаете, оперный певец, он — как летчик-истребитель! Как и у пилота при взлете и посадке, мы испытываем сильный выброс адреналина, а во время полета должна быть полная концентрация внимания. На сцене ты должен выполнять большое количество задач, ведь столько всего нужно запомнить.

На сцене все СЛЫШНО И ВИДНО. Профессия оперного певца — самая честная. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Наталья Ахнашева

***

Ведать цену счастья и несчастья —
привыкать к простому бытию.
Спрячусь от вчерашнего ненастья
в нежность молчаливую твою.
Что слова? Рука в руке — и славно.
Дышит вечность с четырех сторон.
Тонет в невесомости туманной
дом наш на окраине времен.
Прокатились годы и невзгоды
через наш бесхитростный уют.
И отбушевали непогоды.
И не здесь нас терпеливо ждут...
Гаснут сожаленья и желанья.
Жжет виски прохладой седина.
За какие в прошлом испытанья —
кто бы знал — в награду нам дана
двух существований соразмерность,
чтоб сияла на исходе дня
мне — твоя безропотная верность
и тебе — доверчивость моя.

***

На землю родную обрушатся звезды беззвучно,
и сбудется все, что написано в книге старинной...
А может, всего-то и был — вундеркинд-самоучка,

Хелью Редане

Бегу за стадом

Бегу за стадом.
Еле поспеваю.
И я не вижу,
но подозреваю,
что это стадо
в пропасть

Завидую коалам

Выпить чаю из пиалы,
никуда не торопясь,
так спокойно, как коалы
лист грызут, мешком вися...

Не родиться — обидно

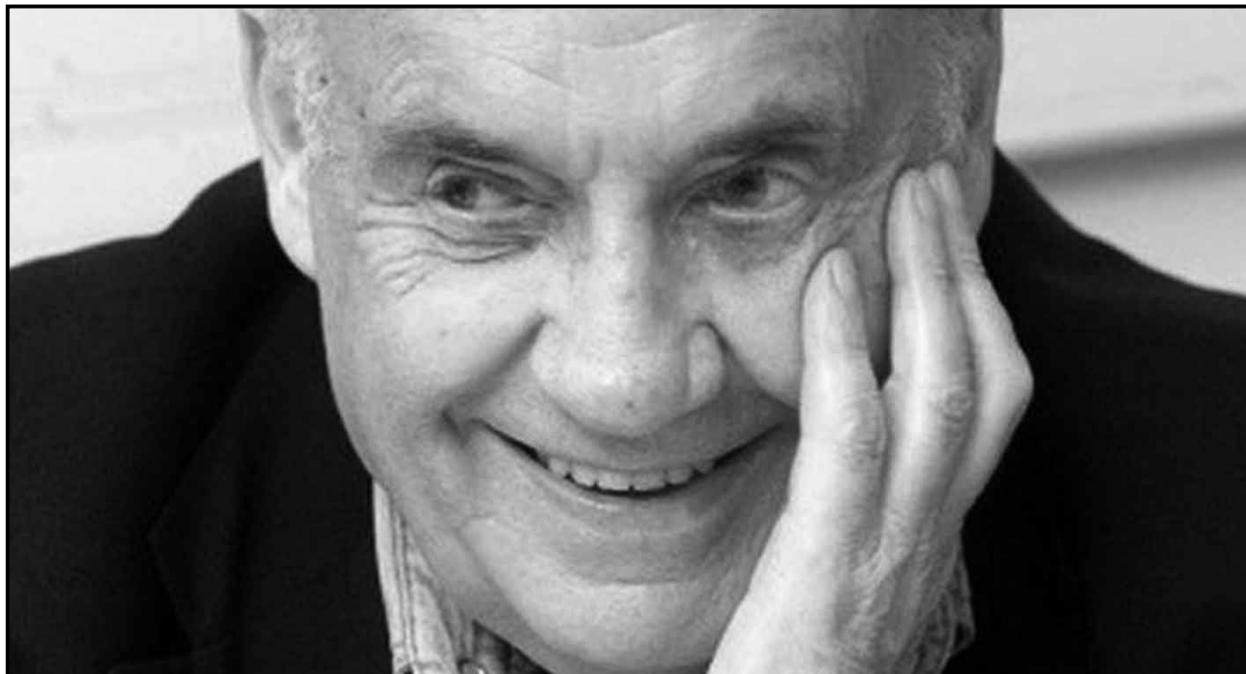
Не родиться — очень обидно.
Не родишься — тебя и не видно.
Не родишься — и имени нету.
Не колобродишь по свету.
Не родишься — и солнца не видишь.
Но зато — никого не обидишь!

Перепутали

«Декабрист» перепутал декабрь
и октябрь.

Вот, цветет, весь пылает уже.
И Вселенная путает все.
Климат Африки летом в Москве.
Перепутали многое мы.
Перепутала все вся страна.

Что незыблемо?
Только одно:
знай,
тебя
никогда
и ни с кем
не перепутаю я □

Необычные истории
из жизни и творчества

Эльдара Рязанова,

рассказанные им самим

Его давно называют не иначе как «мэтр», «самый народный режиссер», «главный сказочник», «поэт кинематографа»... И хотя Эльдар Рязанов скромно «поправляет»: «Если угодно, я мастер отечественного кино», каждый из этих эпитетов, что называется, в точку. Самое удивительное, что при всей своей «народности», «сказочности» и «поэтичности» творческий путь любимого многими поколениями режиссера был не по славе тернист. Как признался сам режиссер, у многих его фильмов нелегкая судьба. Ирония судьбы... «Критики регулярно втоптывали меня в грязь, по мне «ездили» бульдозерами». Цензура давила нещадно, ленты Рязанова не пускали на экраны.

К счастью, как бывает в сказках, добро победило зло, и мы имеем режиссера и его фильмы, которые иначе как «золотой запас народа» не назовешь.

О том, как я чуть не стал «морским волком»

— Отец у меня был из крестьян, он учился в реальном училище в Арзамасе, в девятнадцать лет стал комиссаром дивизии, воевал с Колчаком. Мама моя, из мещанской семьи, прельстилась молодым красавцем-красноармейцем, комиссаром, ушла из дома.

До моего рождения родители работали в Иране — в Тегеране. Отец был разведчиком, но считалось, что он служащий торгпредства. Именно оттуда они привезли для меня имя Эльдар, потому что оно было редкое, красивое, тюркское. Тогда было модно называть всякими революционными именами: Вилены, Владлены, Сталены, Интерны. Меня называли Эльдаром, и я очень благодарен родителям, потому что человек, который один раз услышал сочетание «Эльдар» и «Рязанов», сразу и навсегда его запоминал.

Кстати, о моей фамилии. Позже я интересовался, откуда она, поначалу думал, что от Рязани. Но в журнале «Наука и жизнь» прочитал: Рязанов — от слова «резаный», то есть раненый. Просто со временем «е» превратилось в «я».

Читать я научился, когда мне исполнилось три года. И вообще, сколько себя помню, был «запойным» книголюбом — в школе меня даже звали «ходячая энциклопедия». В восьмом классе я решил стать писателем! Но быстро понял, что жизненного опыта для написания книжек у меня маловато. Тогда решил выбрать профессию, которая позволила бы мне многое пережить. Все-таки уж если писать, то о сильных характерах, экзотических далеких странах, о небывалых приключениях, больших страстях, — думал я. А что может быть лучше, чем стать моряком? Тем более что тогда моей любимой книжкой была «Мартин Иден» Джека Лондона. Я хотел стать таким как Мартин Иден! Словом, после школы надумал поступать в Одесскую мореходку. В 1944 году послал туда запрос, стал ждать ответа, но так его и не получил, потом выяснилось — училище еще не вернулось из эвакуации. Но время шло, надо же было куда-то поступать. Мне еще не было семнадцати лет, куда идти, чтобы годик перебиться, я не знал. И случайно попал во ВГИК. Причем думал: поболтаюсь там годик, а потом все-таки стану «морским волком». Но... застрял в кинематографе на всю жизнь. Странность в том, что до поступления во ВГИК я кино вообще не очень любил, фильмов почти не смотрел...

Мои «крестные отцы» — Пырьев и... Кальман

— В своих книгах я подробно рассказывал, как с подачи руководителя «Мосфильма» Ивана Александровича Пырьева стал снимать музыкальную

ленту «Карнавальная ночь». Как не хотел снимать, отказывался. К тому же у меня в тот момент на руках были железнодорожный билет и путевка — я ехал в отпуск. Но Пырьев приказал билет сдать, путевку вернуть... Я его по-настоящему боялся, к тому же очень хотелось зацепиться за «Мосфильм», поэтому послушался. Именно он настоял, чтобы снимал картину я (хотя в тот момент я числился на студии кинохроники, но был откомандирован на «Мосфильм»). Потом Пырьев всячески мне помогал и поддерживал в самые тяжелые моменты. По сути дела, он стал моим третьим учителем, после Г.М. Козинцева и С.М. Эйзенштейна. А картина «Карнавальная ночь», ее грандиозный успех — все это перевернуло мою жизнь.

Я долго размышлял: как же это случилось? Ведь я был совершенно не музыкален, не было у меня ни музыкального слуха, ни голоса, ни музыкальной памяти. И пришел к выводу, что такой крутой поворот, конечно же, не случайность. Вспоминаю, как во время войны наша семья была эвакуирована в Самару, туда же приехал и Большой театр. А в филармонии, напротив нашего дома, выступал Театр оперетты. Я тогда неоднократно бывал на «Иване Сусанине», «Евгении Онегине», а «Сильву» просмотрел раз семнадцать. Думаю, что любовь к музыкальному жанру зародилась где-то там и тогда...

«Гусарская баллада» и каскадерские трюки

— Мы снимали сцену драки с французами в павильоне. Лариса Голубкина, хорошо показавшая себя в боевых сценах на натуре, наряженная в мундир испанца, должна была со шпагой в руке спрыгнуть с антресолей в залу и ввязаться в фехтовальный бой. Командую: «Начали!» Лариса подбежала к краю антресолей, собралась прыгнуть, но вдруг ей стало страшно, и она воскликнула: «Ой, боюсь!» Я начал уговаривать ее. Снова командовал: «Снимаем второй дубль! Начали!» Лариса с разбегу приблизилась к краю антресолей — и опять включился внутренний тормоз. Тогда я, рассерженный задержкой, в запале закричал: «Посмотри, сейчас я оттуда запросто соскочу!» Но когда подбежал к краю, то сразу же понял испуг Ларисы. Снизу высота не казалась такой большой, а на самом деле — ой-ой-ой! Однако, если я струхну, кадр не снимем. Выхода нет... Будь что будет! И, закрыв глаза, я безрассудно нырнул вниз. Судьба оказалась ко мне милостива, я приземлился благополучно. Поднимаясь с пола, проворчал таким тоном, будто для меня подобные прыжки — сущие пустяки: «Вот видишь, Лариса. А я ведь старше тебя, и мой вес значительно больше твоего. Уверяю тебя, это совсем не страшно». На этот раз Лариса прыгну-

ла без задержки. Правда, на третьем дубле у нее подвернулась лодыжка, и ее на носилках унесли в медпункт. Но кадр был в кармане, а травма у артистки, по счастью, оказалась легкой.

Иннокентий Смоктуновский: от Ленина до Деточкина

— Когда Смоктуновский был утвержден мною на роль Деточкина, меня вызвал к себе министр культуры Романов. «Как вы могли! — возмущался министр. — Он сыграл в двух картинах роль Владимира Ильича Ленина, а в вашем фильме он будет играть жулика». Я находчиво ответил: «Он же будет играть в другом гриме». Меня спасло то, что Романов уезжал в этот день в отпуск. Но на прощанье он заметил: «Да, неразборчивый у нас Смоктуновский».

...Смоктуновский очень хотел сыграть эту роль. Да и кинопробы сразу меня убедили: Иннокентий Михайлович создан для этого образа. Он странный и естественный одновременно. Я безоговорочно верил его Деточкину! Однако в самый разгар подготовки к съемкам мы получили телеграмму: «К сожалению, сниматься не могу, болею, врачи настаивают на длительном отдыхе. Пожалуйста, сохраните желание работать вместе другом фильме, в будущем. Желаю успеха, с уважением. Смоктуновский». В съемочной группе началась паника. Все единодушно хотели, чтобы роль Деточкина играл именно Смоктуновский. Что делать?

Мы принялись искать другого исполнителя. Пробовали многих хороших актеров — Л.Быкова, Л. Куравлева, О.Ефремова, но каждому чего-то не доставало. Например, той же странности, эдакого «легкого сдвига» что блестяще получалось у Смоктуновского. И тут, отчаявшись, я поступил совершенно нестандартно... Приехав в Ленинград, с огромным трудом разыскал его на даче, в ста километрах от города. На Смоктуновского произвело лестное впечатление, что режиссер специально приехал так далеко, однако он чувствовал себя больным и снова долго отказывался. Я уговаривал, как мог. Уверял, что в случае необходимости мы перенесем действие фильма из Москвы в Ленинград, создадим ему царские условия для работы... Наконец под моим напором Смоктуновский сдался. Я сказал: «Спасибо! Я очень рад. Но после твоей телеграммы с отказом мне никто не поверит, что ты согласен. Поэтому пиши расписку с обещанием, что сыграешь Деточкина». Это был беспрецедентный случай — режиссер взял с актера расписку, что он будет сниматься! Надеюсь, что до сих пор в архиве в папке фильма «Берегись автомобиля» вместе с приказами, сметами и ка-

лендарными планами лежит расписка, в которой сказано: «Я, Иннокентий Смоктуновский, обязуюсь не позже 20 августа приехать в Москву и приступить к съемкам в роли Деточкина в фильме «Берегись автомобиля».

Кстати, с этим замечательным артистом связан еще один забавный случай. Как-то в очередной раз я залег в клинику лечебного питания, чтобы уменьшить себя в размере. В отделении сердечников лечилась одна интеллигентная дама. Мы познакомились. Я выяснил, что ее специальность — профессор-стоматолог. Дама поинтересовалась, чем занимаюсь я. Я поведал, мол, режиссер, снимаю картины. Профессор-стоматолог любопытствовала, какие именно. Я перечислил несколько лент. Среди них последней упомянул «Берегись автомобиля». И тут последовала рецензия, которую не забуду вовек: «А... это тот фильм, где Смоктуновский играл еще со старым прикусом...»

Как я обманывал Андрея Петрова

— Свою «преступную» деятельность в отношениях с моим любимым другом и композитором я начал, когда снимал «Служебный роман». Нужны были песни, а к ним — стихи, их я подбирал, посылал Андрею в Ленинград. И он говорил: «Мне нравится, буду писать музыку». Или: «Мне не нравится, ищите дальше!» А тут в Москве (во время сентябрьского «бабьего лета») вдруг выпал снег. Это было невероятное зрелище: лето и зима сплелись воедино. Мы сняли уйму московских пейзажей, зафиксировавших уникальное состояние природы. И вот, гуляя по лесу и любуясь природным феноменом, я сочинил «У природы нет плохой погоды». И понял, что может получиться прекрасный эпизод с этим летним снегом. Но не мог же я послать Петрову текст за своей подписью: Андрей — человек деликатный, и, если ему не понравится моя писанина, он окажется в неловком положении. И я написал, что это стихотворение нашел у Уильяма Блейка, английского поэта рубежа XVIII и XIX веков. На всякий случай приписал, что это новый малоизвестный перевод: вдруг он захочет прочитать сам глазами, да нигде не найдет. Петрову стихи понравились, он написал песню, и она стала шлягером. Потом я его еще не раз обманывал — высылал ему стихи якобы Давида Самойлова или Юнны Мориц... Я всегда нахально «маскировался» под очень хороших поэтов.

«Человек ниоткуда» провел в «тюрьме» 28 лет

— Знаете, в моей жизни хватало и одобрения, и ругани. Критики регулярно втоптывали меня в грязь, по мне «ездили» бульдозерами. А когда я

иду по улице, то очень многие люди благодарят меня за мои фильмы. Поэтому самым главным личным достижением считаю то, что мне удавалось не поддаваться критике, а оставаться самим собой, несмотря ни на что...

Фильм «Человек ниоткуда», где дебютировали Сергей Юрский, Анатолий Папанов, попал под «сусловский» трамвай. Картина рассказывала о первобытном снежном человеке, который очутился в Москве... Что в фильме не понравилось одному из главных идеологов ЦК — непонятно. Вскоре после премьеры Суслов заявил с трибуны XXIII съезда КПСС, что «это человек не оттуда» и, мол, пора прекратить финансирование брака в искусстве. Делегаты съезда хохотали, хотя никто из них фильма не видел. Лента легла на полку, пролежала там 28 лет. Со мной перестали здороваться, и я понял, что такое «опала». Правда, слава богу, не посадили. Все-таки лучше, когда «в тюрьме» картина, а не ее автор.

С картиной «О бедном гусаре замолвите слово» вышло иначе: ее ведь никто как бы не запрещал, на полку не клал. Хотя, пожалуй, в моей биографии нет более многострадальной картины, чем эта... Показали ее один раз — 1 января 1981 года. Мы надеялись на повторный показ. Но шли годы, я неоднократно предпринимал попытки в этом направлении, однако Гостелерадио стояло насмерть. Не было даже разгромных статей — словно такого фильма вообще не существовало. Не показывали, и все! Мы с Григорием Гориным, моим соавтором, ходили в разные кабинеты и предлагали начальникам разные поправки. Например, они нам говорят: «Ну, у вас там публичный дом...» Хорошо, мы перемонтируем, уберем публичный дом. Затем: «В Афганистане идет война. А зачем нам в военное время фильм о том, как жандармы проверяют армию?» Потом им еще что-то не нравилось на уровне реплик... Мы еще что-то соглашались убрать, а картина себе лежала: они стояли как стена, а мы кланчили, унижались. Очень хотелось, чтобы зрители увидели наш фильм. Хотя и им, и нам было ясно, что камень преткновения совершенно не в публичном доме и не в каких-то остротах, а в том, что это фильм про тайную спецслужбу, про ее подлые провокации. Кстати, во время моей последней встречи с Председателем Гостелерадио СССР Лапиным он намекнул мне, что фильм в свое время не понравился Андропову, который тогда возглавлял КГБ. Было ли это правдой? Не знаю. Но картину в следующий раз показали только в январе 1986 года, во время перестройки.

Сегодня в это верится с трудом, но, даже «Иронию судьбы» не хотели выпускать якобы «из-за пропаганды пьянства». Помню, как меня ругали за то, что я отправил Яковлева в пальто под душ. Говорили: это нереально, так не бывает. Выясняется, что бывает еще и не такое.

Но возникали и противоположные, я бы даже сказал, трагикомические ситуации. Практически все, кто был членом Комитета по государственным

премиям, на обсуждении говорили про «Иронию судьбы»: «Эта картина про похождения пьяного доктора нашему народу не нужна, мы не можем ее представить к государственной награде». А когда дошло до тайного голосования, то проголосовали за фильм. Е-ди-но-глас-но! Все эти чиновники жили по двойной морали.

А вот эту пикантную историю об «Иронии судьбы» мне рассказал Председатель Гостелерадио СССР Сергей Георгиевич Лапин. В начале декабря 1975 года на семинар в Доме творчества телевизионных работников в Софрино съехались со всей страны председатели партийных бюро республиканских, краевых и областных комитетов Гостелерадио. Он им послал для просмотра картину «Ирония судьбы» и потом задал всего один вопрос: «Как вы считаете, можем ли мы показать «Иронию судьбы» советскому народу?» В ответ раздалось дружное: «Нет! Нет! Нет!» Секретари партийных комитетов были единодушны. «А я, — рассказывал Лапин, — смотрю на них и улыбаюсь. Я-то с картиной уже успел познакомить Леонида Ильича и заручился его согласием». Вот так... Стыдобища!..

О любимых картинах

— Есть такое штампованное сравнение, что фильмы — это все равно, что твои дети. Штамп, конечно, но это так. И в связи с этим могу сказать одно: я — как мать, которая любит детей с неудачной судьбой. То есть переживаю и испытываю боль за фильмы, которые сам считаю хорошими, но у которых не было такой шикарной прокатной судьбы, как у «Иронии судьбы», «Служебного романа» или «Жестокое романса».

Из этого числа, например, лента «Человек ниоткуда», о которой я уже говорил, острый фильм о молодежи «Дорогая Елена Сергеевна» и картина «Предсказание», которую я снял 1993 году, когда все фильмы уходили в никуда. Тогда кинотеатры закрылись, в них устраивались караоке, вселялись банки, там продавали мебель, автомобили, все что угодно, только не кино. Эти три работы, которыми я горжусь и считаю, что они одни из моих лучших, хотя большинство зрителей их не видели и даже не подозревают о том, что я их сделал. Горечь за судьбу этих моих «детей» я испытываю и сегодня.

«Иронию судьбы» написали из-за денег

— Должен сказать, что баню я не люблю и не хожу туда. В детстве, когда мне было семь или восемь лет, мужики в деревне затащили меня в парную, и я там от жары потерял сознание. С тех пор в парную ни ногой.

Хотя в бане мыться приходилось, так как дома часто не было горячей воды. Кстати, никогда не понимал этого кайфа: парная, пиво, водка... А то, что фильм снял про баню, так того требовал сюжет. Кстати, вот моя жена Эмма обожает баню, а я люблю плавать, читать, гулять, играть на бильярде и, к сожалению, люблю есть...

Меня часто спрашивают, не из моей ли жизни взят сюжет «Иронии судьбы»? Нет! Но сюжетная завязка взята из жизни, это реальный случай, только с поездом. Этот розыгрыш приписывают Никите Богословскому, хотя, что было дальше с героем розыгрыша на самом деле, — неизвестно.

Вот этот случай: человек 31 декабря пошел в баню, на обратном пути вспомнил, что у его друга то ли день рождения, то ли годовщина свадьбы. Заглянул к нему прямо с веником, быстро надрался и «отключился». Тогда, по предложению одного шутника (может быть, Никиты Богословского), бедолагу отвезли на Киевский вокзал, дали проводнице десятку и засунули его на верхнюю полку общего вагона. Он очнулся, когда подъезжал к Киеву: в кармане у него оставалось 15 копеек, а в руках — портфель с грязным бельем и веником. Это то, что мы с Эмилем Брагинским услышали. И мы начали фантазировать, что могло бы произойти с этим человеком дальше. Поезд заменили на самолет, чтобы герой не успел протрезветь — от Москвы до Питера всего 50 минут лета. Человек под градусом берет такси, называет домашний адрес, и далее по сюжету — все вполне жизненно.

Даже в том, что ключ подошел к двери, нет никакого преувеличения. Может быть, сегодня, особенно молодежи, этот эпизод кажется странным. Но тогда был период глобальной типизации и бедности. Автомобили «Победа», к примеру, выпускались партиями по 10 тысяч машин с одинаковыми замками, на следующие десять тысяч — другой замок. У меня такая машина была. Помню, подъезжаю на ней к театру Советской армии, где мы снимали «Карнавальную ночь». Подбегает человек, говорит, что у него захлопнулись двери «Победы», и просит ключи. Вдруг подойдут. И они действительно подходят! То же самое вполне могло случиться и с ключами от квартир.

Вообще-то «Ирония судьбы», открою вам тайну, родилась из совершенно не возвышенных, а, скорее, меркантильных соображений. Пришел как-то Эмиль Брагинский и предложил мне: давай напишем пьесу для денег. Я согласился. Он говорит: для этого надо, чтобы была одна декорация и мало действующих лиц. И с этим нравственным постулатом мы сели сочинять. И за 12 дней написали пьесу «С легким паром», которая потом шла в 110 театрах и действительно приносила нам хорошие деньги. На этой волне мы написали следующую пьесу — «Сослуживцы», которая прошла уже в 143 театрах. Позже я перенес эти пьесы на экран. «Сослуживцы» стали «Служебным романом» на экране.

Несколько лет назад под Новый год я лежал с легкой простудой и после большого перерыва, лет эдак в 15-20, пересмотрел «Иронию судьбы». После этого я сказал Эмме: «Знаешь, я начинаю понимать народ. Что-то в этом фильме есть». Еще я подумал нескромно: режиссер, ее снявший, — парень, конечно, нахальный, но, как говаривал один мой знакомый с Северного Кавказа, «небеспособный человек».

Почему я стал сниматься в своих картинах

— Нет, актером мне быть никогда не хотелось, но мне хотелось бы, чтоб меня приглашали играть. Но не приглашали никуда, даже мои друзья. Поэтому я решил, что надо пользоваться служебным положением, так как оно существует, по сути, именно и только для того, чтобы им пользоваться. И я стал играть у себя в эпизодах, такие малюсенькие рольки. К примеру, так иногда художник, который пишет большое многофигурное полотно, где-нибудь сбоку, в уголочке, рисует себя. Вот так и я стараюсь оставить своеобразный автограф: дескать, и я там был, мед-пиво пил. Это такое маленькое озорство... Всего я снялся в 18 из своих 27 фильмов. Но никогда не посягал на роли крупные, потому что к себе отношусь достаточно критически. Я не умею играть. Хотя во ВГИКе нас учили, в том числе и актерскому мастерству. Но это совсем другое.

Режиссерские тайны

— Я всегда делал картины, которые сам бы хотел посмотреть, как зритель. Я — просто человек, который делает то, что ему интересно. И если это оказывается созвучным большому количеству людей, прекрасно. Да, иногда не совпадает. Что же делать, с этим надо мириться...

Есть режиссеры-математики, которые выстраивают какие-то схемы и заранее точно знают, что им нужно. А у меня почти все фильмы сняты интуитивно. Поэтому в них очень много актерской импровизации — вот «тепленькая пошла» в «Иронии судьбы», к примеру. Или сцена в «Служебном романе», когда Мягков пришел к Фрейндлих, а она впервые в новом платье. Это полная отсебятина! Между Андреем и Алисой была очень тонкая связь — если Мягков импровизировал, то она тут же подхватывала. Получалось отменно! Удачная импровизация — это вершина в постановке картины.

Еще я знаю точно: если человек не способен посмеяться над собой, он не имеет права шутить над другими. Юмор начинается с себя — уметь увидеть себя смешным, нелепым. Желание видеть жизнь в смешном свете —

это свойство характера. Оно действительно не часто встречается, и я очень рад, что им наделен. Вообще считаю, что юмор — отмычка, которая открывает все двери. С моей точки зрения, самый высокий жанр — трагикомедия, где сочетается смешное и печальное. У зрителя еще не просохли слезы, а он уже гомерически хохочет.

Почему я так долго и упорно всем этим занимаюсь? Должен сказать, что я — рабочая лошадь. И если говорят, что работа дураков любит, то я абсолютный болван и дурак, потому что всю свою жизнь работал как ненормальный. Каждой картине отдавалось столько сил, моральных и физических, что организм после окончания съемок был похож на выжженную пустыню, и казалось, что уже никогда ничего там не вырастет. Для того чтобы восстановиться, я старался уезжать на море, я люблю плавать, читать, лежать на пляже кверху пузом и жить практически жизнью растения. Через месяц глядишь, начинает что-то шевелиться в организме, потом постепенно сочиняется что-то новое, снимается новый фильм и так далее.

«Карнавальная ночь-2», или как я стал «клятвопреступником»

— Признаюсь: клятву больше не снимать кино я давал несколько раз. Объясню, почему. Во-первых, возраст. В таком возрасте большое кино никто не снимает. Во-вторых, я больше не хочу клянчить деньги на свои фильмы. Это унижительно и противно! Я, как и большинство населения нашей страны, не понимаю: почему режиссер, чьи фильмы били рекорды по посещаемости, должен ходить к банкирам и кланяться им в пояс? Раньше я ходил ко многим состоятельным людям, и всегда меня встречали под белы ручки, предлагали коньяк, чай-кофе. Обязательно говорили: «Я вырос на ваших фильмах!» Но денег не давали. И я каждый раз думал: «Если эти люди воспитывались на моих фильмах, и выросло такое жадное поколение, то какое же дерьмо я снимал! Нет, больше просить не буду»... Поэтому еще после фильма «Ключ от спальни» я клятвенно обещал, что это последняя моя картина. Но нашлись деньги для фильма «Андерсен. Жизнь без любви», о котором я мечтал на протяжении многих лет, и я забыл про все свои клятвы...

Что же касается новой «Карнавальной ночи-2», то здесь случай особый. 28 декабря 2006 года исполнилось 50 лет, как на экраны страны вышел фильм «Карнавальная ночь». И руководство Первого канала предложило мне как-то отметить этот юбилей. Константин Эрнст сказал, что они готовы под это событие построить даже декорацию в павильоне. И меня осенило: а не снять ли в этих декорациях ремейк.

Надо сказать, что вообще-то я не любитель отмечать юбилеи своих фильмов, и никогда этим не занимался. Но когда режиссер спустя полвека делает ремейк своей собственной картины, — я такого случая в мировой кинопрактике не знаю. Конечно, отказаться от этой затеи мне показалось верхом глупости, и я пустился в эту, иначе не скажешь, авантюру.

Посудите сами. В середине сентября было принято решение снимать. На все про все — от идеи до готового фильма — мне было отпущено 3 месяца и 10 дней, ведь Новый год не отодвинешь. Показ назначили на 1 января 2007 года, хотя у меня еще не было ни идеи, ни сценария, ни артистов. Это была такая головоломка! Только человек с изрядной долей авантюризма и с большим чувством самоуверенности мог отважиться на подобное. Спасибо моей бессонной команде, которая работала все это время без единого выходного дня... Сценарий с драматургом Сергеем Плотовым мы написали за 9 дней. Семь дней было на подготовительный период, сорок — на съемки. Три месяца я спал по три часа в сутки. Буквально приходил после полуночи и сразу падал в постель замертво. В 4 уже просыпался, до 7 лихорадочно придумывал новые сцены, как их снимать. В 7.30 выезжал на съемки. И так день за днем. 31 декабря пришел домой в 9 вечера, закончив фильм. Уже в 12 часов дня 1 января картина шла по «ящику» на Дальний Восток. А вечером была премьера для европейской части страны.

«Естественно», после этой премьеры я в очередной раз «покаялся» — больше не снимать! Но опять, как говорится, бес попутал: снял новый фильм «Музыка жизни». Такого фильма у меня еще не было. Дело происходит в одном доме — а именно, в том, где я живу. В фильме один исполнитель, один сценарист и один режиссер — я. Там только оператор, звукооператор и монтажер — другие. Это поэтический музыкальный фильм. Там не только я читаю и комментирую свои стихи, в нем поют дивные песни, написанные шикарными композиторами на эти тексты, мои любимые артисты — Людмила Гурченко, Алиса Фрейндлих, Олег Басилашвили, Валентин Гафт, Светлана Крючкова, Николай Караченцов...

Последний ли он на этот раз? Скажу честно: не знаю. Кстати, не надо верить всему, что я говорю.

О личном

— Когда я был молодой, то мечтал дожить до 2000 года. Это мне казалось несбыточным везением. Но я, как видите, уже 15 лет прожил в XXI веке. Далекое вперед не заглядываю, но, признаюсь вам, я довольно вни-

мательно слежу за процессом своего старения. Пока чувствую, что башка у меня работает хорошо, реакция отменная, память замечательная. Моя группа буквально стонет оттого, что я помню все свои распоряжения, просьбы, ничего не забываю.

Я пока еще редко чувствую себя стариком. Но все-таки хватит хорохориться, пора и честь знать. Однако я с ужасом думаю о блаженном пенсионном безделье. Слишком много примеров перед глазами, когда активная личность, резко переходя к ничегонеделанию, очень стремительно идет к смертельному финишу...

Последние годы стали годами потерь и для меня лично. Первой ушла моя жена Нина Скуйбина — у нас была трудная и счастливая любовь. А далее в течение короткого периода один за другим оставляли меня на этой земле дорогие соратники, прекрасные единомышленники, верные друзья. Михаил Матусовский, Евгений Евстигнеев, Микаэл Таривердиев, Раиса Лукина, Зи-

«Раньше я ходил ко многим состоятельным людям, и всегда меня встречали под белые ручки, предлагали чай-кофе, при этом обязательно говорили: «Я вырос на ваших фильмах!» Но денег не давали. И я каждый раз думал: «Если эти люди воспитывались на моих фильмах, и выросло такое жадное поколение, то какое же дерьмо я снимал!..»

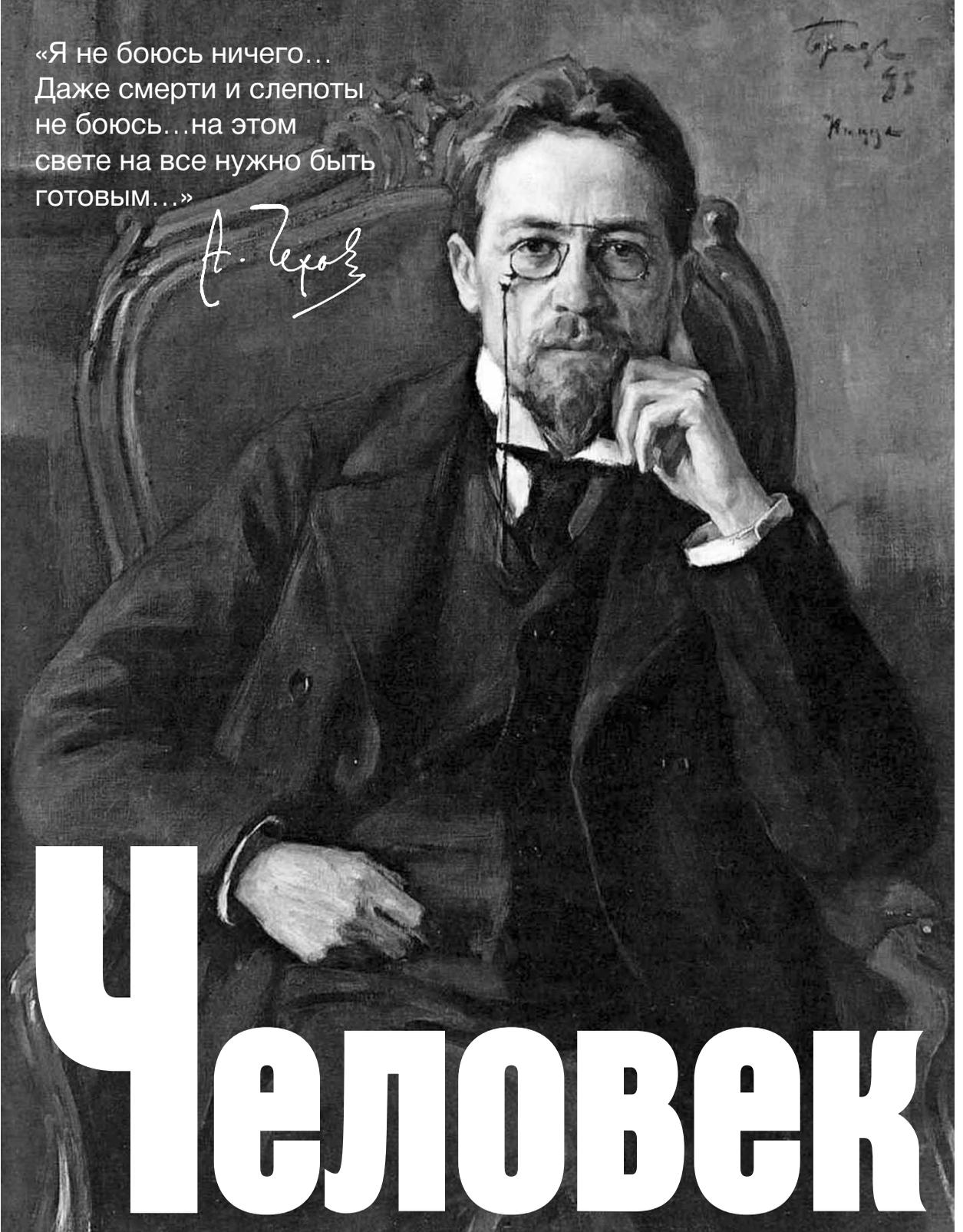
новий Гердт, Юрий Никулин, Булат Окуджава, Эмиль Брагинский, Марк Галлай, Василий Катанян, Григорий Горин, Андрей Петров, Белла Ахмадулина... Кажется, двадцатый век, уходя, мстительно забрал с собой лучших, не оставляя их для жизни в грядущем столетии. Несколько лет назад умерла и моя первая жена Зоя Фомина, с которой до конца мы поддерживали хорошие отношения.

Если бы не Эмма, то, может, и не стоило бы жить. Она говорит мне часто: «Ты за меня держись...» Говорит как бы в шутку, а на самом деле очень серьезно. А я отвечаю, тоже вроде с юмором, а на самом деле серьезно: «А я только за тебя и держусь...» Мы с ней, как лошади, которые вместе кладут головы одна на холку другой. И оттого, что мы вдвоем, мы еще живы. Эмма говорит: «Ничего, прорвемся!» И я отвечаю: «У нас нет другого выхода...» □

Илья Рюмин

«Я не боюсь ничего...
Даже смерти и слепоты
не боюсь...на этом
свете на все нужно быть
ГОТОВЫМ...»

А. Герасимов

**ЧЕЛОВЕК
БУДУЩЕГО**

В жизни он с необыкновенной любовью и вниманием относился к каждому так называемому незаметному человеку и находил в нем душевную красоту. Люди любили его нежно и шли к нему, не зная его, чтобы повидать, послушать... Он утомлялся и не знал, что сказать, когда ему задавали вопрос: как надо жить? Учить он не умел и не любил... Но люди говорили: «Посидишь только около Чехова, хоть молча, и то уйдешь обновленным...»

Этот удивительный человек прожил короткую и очень яркую жизнь. Яркую потому, что она была насыщена непрерывным процессом познания людей и жизни, любви к людям вообще. А короткую — потому что, будучи врачом, отлично понимал, что болен, умирает, скоро умрет, да все не находил времени заняться лично собою.

Когда называют фамилию Чехова, то сразу почему-то в памяти возникает образ, созданный художником И.Бразом — худощавый, печальный человек в пенсне с задумчивым взглядом (кстати, сам Чехов этот портрет терпеть не мог). По внешнему облику — почти старик, а ведь ему в ту пору едва исполнилось сорок лет.

А в молодости — о чем почему-то редко упоминают — был на редкость хорош собой, атлетически сложенный, почти двухметрового роста с густой шевелюрой и мягким басом. Любимец и любитель женщин, причем не скрывавший этого ни от кого, в том числе, и от самих своих пассий.

Будучи по профессии медиком, он бывал иногда «по-медицински» циничен и откровенен, но никогда

не опускался до пошлости, выгодно отличаясь этим не только от своих собратьев по литературному цеху, но и от многих высокородных бездельников. Хотя начинал жизнь труднее, гораздо труднее большинства своих сверстников...

«В детстве у меня не было детства», — говорил позднее Чехов.

Он родился 29 января 1860 года в Таганроге, в семье мелкого лавочника. С самого раннего детства его жизнь (а также жизнь двух старших братьев) проходила либо в отцовской лавке, которую они сторожили в будни после школы, либо в бесконечных церковных службах — каждый день вставали в пять утра, чтобы петь в церковном хоре.

Тем не менее, образование Антон Чехов получил хорошее — он окончил мужскую классическую гимназию в Таганроге, старейшее учебное заведение на юге России. Здесь он приобрел любовь к знаниям, книгам и театру, еще не догадываясь, какую роль театр сыграет в его жизни, а также свой первый литературный псевдоним «Чехонте».

Чехов-гимназист издавал юмористические журналы, придумывал

подписи к рисункам, писал юмористические рассказы, сценки. Этот период жизни Чехова был важным этапом созревания и формирования его личности, развития ее духовных основ. Кроме того, эти годы дали Чехову огромный материал для будущей писательской работы. Самые типичные и колоритные фигуры появятся позже на страницах его произведений. Возможно, одной из таких фигур был и его учитель математики Эдмунд Дзержинский — отец

Склифосовского. В том же году его брат Иван получил место учителя в подмосковном городе Воскресенске. Приезжая в гости к брату, студент Чехов познакомился с заведующим Воскресенской лечебницей (Чикинской больницей) и начал помогать врачам этой больницы при приеме пациентов. А в 1884 году, окончив университет, приехал туда работать уездным врачом.

С дипломом «лекаря и уездного врача» Чехов десять лет практико-

---

В

литературу Чехов пришел еще студентом первого курса мединститута. Журнал «Стрекоза» опубликовал его рассказ «Письмо к ученому соседу», причем словосочетание «ученый сосед» сразу же стало нарицательным, как говорится, «ушло в народ»

будущего первого председателя ВЧК.

В театре Антон впервые побывал в возрасте тринадцати лет — на оперетте Оффенбаха «Прекрасная Елена», и с тех пор стал заядлым театралом. Позднее в одном из своих писем он писал:

«Театр мне давал когда-то много хорошего... Прежде для меня не было большего наслаждения, как сидеть в театре...»

В 1879 году Чехов переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета, где учился у известных профессоров, в том числе, и у Николая

вал везде, куда его приводила судьба. Одно время заведовал больницей в Звенигороде, потом работал в Мелихово, где лечил людей из 25 деревень, с четырех фабрик и одного монастыря.

«Что делаю? Лечу... Рвота, сифилис, холера, поносы...»

Сам обнаружил у себя первые признаки чахотки в двадцать четыре года, но лечиться, «выстукиваться», как он говорил, терпеть не мог, как не терпел впоследствии пустых разговоров в писательской среде о трагическом смысле жизни.

«Заладили тоже: траги-и-зм, траги-и-зм... А вы поменьше водки пейте!»

В литературу Чехов пришел еще студентом первого курса мединститута. Журнал «Стрекоза» опубликовал его и сегодня популярный рассказ «Письмо к ученому соседу», причем словосочетание «ученый сосед» сразу же стало нарицательным и, как говорится, «ушло в народ».

В последующие годы было написано множество рассказов, фельетонов, юморесок — «мелочишки» под псевдонимами «Антоша Чехонте» и «Человек без селезенки», или их вариантами, или совсем без подписи, которые публиковались в различных юмористических изданиях и

имели огромный успех. В то время, по его собственному признанию, он писал по рассказу в день.

Возможно, Чехов так и остался бы «беллетристом-миниатюристом» — автором коротких, в основном юмористических рассказов. Но весной 1886 года он получил письмо от известного русского литератора Дмитрия Григоровича, где тот критиковал Чехова за то, что он тратит свой талант на «мелочишки».

«Голодайте лучше, как мы в свое время голодали, поберегите ваши впечатления для труда обдуманного (...) Один такой труд будет во сто

раз выше оценен сотни прекрасных рассказов, разбросанных в разное время по газетам».

Впоследствии к советам Григоровича присоединились Алексей Суворин, Виктор Билибин и Алексей Плещеев, и Чехов к этим советам прислушался. С 1887 года он все меньше сотрудничал с юмористическими журналами, его рассказы становились все длиннее и серьезнее. О важных изменениях, происходивших тогда с Чеховым, говорит еще и появившееся желание путешествовать.

В том же, 1887 году он отправился в путешествие на юг, в родные места; позже он ездил по «гоголевским местам», в Крым, на Кавказ. Поездка на юг оживила воспоминания Чехова о проведенной там молодости, конкретным результатом путешествия стала повесть «Степь», опубликованная в толстом журнале «Северный вестник». Дебют в таком журнале привлек большое внимание критики, гораздо большее, чем к какому-либо предыдущему произведению Чехова. Но до написания романа он так никогда и не дошел.

«Я рад, — писал он в январе 1880 года Суворину, — что 2–3 года тому назад я не слушался Григоровича и не писал романа! Воображаю, сколько бы добра я напортил, если бы послушался ... Кроме изобилия материала и таланта, нужно еще кое-что не менее важное. Нужна возмужалость — это раз; во-вторых, необходимо чувство личной свободы, а это чувство стало разгораться во мне только недавно».

Чем старше становился Чехов, чем популярнее, тем больше было его недовольство самим собой, тем быстрее росло чувство неудовлетворенности. Хотя в октябре 1888 года он получил половинную Пушкинскую премию Академии наук за третий вышедший сборник — «В сумерках».

В соответствующем постановлении академической комиссии, правда, было написано, что *«рассказы г. Чехова, хотя и не вполне удовлетворяют требованиям высшей художественной критики, представляют, однако же, выдающееся явление в нашей современной беллетристической литературе».*

Интересно отметить, что Чехов никогда не писал специально для детей. Сам признавался, что «писать для детей вообще не умею». Но в прежние времена каждый школьник был знаком с «Белолобым» и «Каштанкой», а также с мальчиком Ванькой Жуковым и его письмом «на деревню дедушке». Хотя написано было все это вовсе не для детей.

Чем старше становился Чехов, тем заметнее становилась особенность его письма — нарочитая бесстрастность описания, подчеркнутое отсутствие авторской оценки. Одни считали это преимуществом, другие — недостатком, но читали новые произведения все. Несмотря на то, что некоторые из них уместаются на нескольких страницах, они несут в себе целую жизнь. Любимое выражение Антона Павловича, давным-давно ставшее поговоркой: «краткость — сестра таланта», было убедительно подтверждено всем

его творчеством. Лев Толстой, вообще скупой на комплименты, называл Чехова «уникальным и несравненным художником жизни».

По всей вероятности, именно постоянное чувство внутреннего неудовлетворения побудило Чехова предпринять свою знаменитую поездку на Сахалин. Решение пришло не сразу, были варианты кругосветного путешествия, поездки по Средней Азии, в Персию... И все-таки писатель отправился на Сахалин, хотя здоровье его уже оставляло желать лучшего, один раз даже случилось горловое кровотечение. Но, при внешней мягкости, Антон Павлович всегда делал только то, что хотел он сам, а не то, что советовали другие.

Правда, Чехов долго скрывал ото всех маршрут своей поездки и раскрыл тайну только в начале 1890 года, что произвело в обществе эффект разорвавшейся бомбы. Решение для всех оказалось тем более внезапным, что уже весной Чехов отправился в путешествие, занявшее почти три месяца.

На Сахалине Чехов пробыл несколько месяцев, лично опросил десять тысяч(!) человек, осужденных на каторжные работы и поселение — от рецидивистов-убийц до малолетних проституток, то есть фактически самостоятельно провел настоящую перепись населения «каторжного острова». Он общался с людьми, узнавал истории их жизней, причины ссылки и набирал богатый материал для своих заметок, собрав несколько тысяч карточек о сахалинцах. И хотя начальство строжайше

запретило общение с политическими заключенными, Чехов этим запретом пренебрег.

Возвращался Чехов с Сахалина морским путем, Из Владивостока через Гонконг, Сингапур, Цейлон, по Суэцкому каналу до Стамбула, затем — в Одессу. Оттуда уже на поезде добрался до Москвы, где родные уже заждались его. И тут же принялся за книгу «Остров Сахалин», которую писал пять лет, и которая буквально потрясла всю читающую Россию.

«Если бы господин Чехов ничего не написал более, кроме этой книги, имя его навсегда было бы вписано в историю русской литературы», — так оценивали газеты «Остров Сахалин».

Тем не менее, когда Чехов представил свою книгу в ученый совет Академии наук в качестве заявки на степень доктора наук, ее отклонили. Ничего удивительного: слишком сильно она отличалась от пустых и выхолощенных докторских диссертаций, процесс создания которых Чехов впоследствии очень едко описал в повести «Скучная история».

Сам же он признавался, что путешествие на Сахалин и полученные там впечатления оказали огромное влияние на все его последующие произведения. Еще в период подготовки к путешествию на Сахалин Чехов определил жанр будущей книги, ее научно-публицистический характер. В ней должны были найти свое место и авторские размышления, и экскурсии научного характера, и художественные зарисовки

природы, быта и жизни людей на Сахалине.

Что же касается фактических данных, то материалы сахалинской переписи Чехова впервые были опубликованы лишь в 2005 году в одном издании «*Быть может, пригодятся и мои цифры...*», все 10 тысяч опросных карт, заполненных респондентами Чехова во время его путешествия на остров Сахалин в 1890 году.

Через два года после возвращения из путешествия, изрядно подкосившего его здоровье, Чехов, по совету врачей, приобрел усадьбу в семидесяти километрах от Москвы. В Мелихово он прожил всего 7 лет, с 1892 по 1899 год, а затем переехал в Ялту. Имение было продано.

вообще славилось своим гостеприимством, и здесь никогда не было недостатка в гостях.

(В 1940 году, благодаря усилиям зрителей, местных жителей и почитателей творчества Антона Павловича, которые сохранили личные вещи писателя, в усадьбе организовали музей, который после Великой Отечественной войны пришлось в полном смысле слова восстанавливать из пепла).

В Москве у Чеховых был небольшой двухэтажный флигель на Малой Дмитровке, где писатель прожил до 1895 года, работая над своей сахалинской книгой. Здесь были написаны рассказы «Попрыгунья», «Дуэль» и «Палата № 6», здесь он встречался с писателями, актерами и художни-

---

П

остоянное чувство внутреннего неудовлетворения побудило Чехова предпринять знаменитую поездку на Сахалин. Решение пришло не сразу, были поначалу варианты кругосветного путешествия... Но все же писатель отправился на Сахалин, хотя здоровье его уже оставляло желать лучшего...

За эти семь лет Чехов написал 42 шедевра, в числе которых «Палата №6», «Чайка», «Душечка» и многие другие. Помимо творчества Чехов вел в Мелихово общественную деятельность: лечил — как всегда, бесплатно — местных крестьян, строил школы, заседал в Серпуховском земстве и, в немногие свободные часы, занимался садом. Мелихово

ками, а с Исааком Левитаном их одно время связывала очень теплая дружба.

Флигель сохранился до нашего времени и отмечен памятной доской с барельефом А.П. Чехова.

Помимо рассказов и повестей был еще театр — первая и пожизненная любовь Чехова. Начинал он, как и в прозе, со скетчей и водевилей, пред-

почитая их «высоким жанрам». Мечта написать хороший водевиль, по воспоминаниям современников, была мечтой его жизни. Это означало для Чехова школу мастерства — стиль и лаконизм, поскольку основным его принципом было — *«Искусство писать — это искусство сокращать»*.

И в результате появилось нечто совершенно новое — драматургия

Чехова, во многом определившая направление развития театра в прошлом столетии. Он принес на сцену новые формы, новое содержание и новый дух.

Чайка на занавесе МХАТа стала символом нового отношения к миру и зрителю. «Чайка» открывает классический цикл чеховской драматургии, «Дядя Ваня», «Три се-

С женой —
О.Л. Книппер-
Чеховой

стры» и «Вишневый сад» его продолжают.

Герои всех этих пьес — обычные люди, с обычными мыслями, в обычных усадебных интерьерах, с обычными желаниями и чувствами. Чехов умеет показать, как сквозь это обычное постоянно и сильно сияет скрытая красота.

«Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, немножко сладкою, как ласка. Я верую, верую... Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем. Вспомним отдаленный звук, точно с неба,

звук лопнувшей струны, — все это образцы вечной, немеркнущей надежды...» («Три сестры»).

Эту затаенность красоты в обычном мог почувствовать только новый, нетрадиционный театр. Недаром по поводу постановки «Чайки» в Петербурге Чехов писал:

«Пьеса шлепнулась и провалилась с треском. В театре было тяжелое напряжение недоумения и позора».

А вот современный театр, спустя 100 лет, переживает настоящий чеховский бум, поскольку мысли Чехова абсолютно органичны сознанию человека нашего столетия. Бесчисленные театральные трактовки, чеховские фестивали, мучительные поиски образов — таков сложный и новый Чехов сегодня. Не менее новый и сложный, чем при жизни.

К.С. Станиславский и Вл.И. Немирович-Данченко заметили наиболее существенный принцип в драматическом движении чеховских пьес, так называемое «подводное течение». Именно они впервые раскрыли за внешне бытовыми эпизодами и деталями присутствие непрерывного внутреннего интимно-лирического потока и приложили все усилия, чтобы донести новую интерпретацию чеховской драмы до зрителя. Благодаря Станиславскому и Немировичу-Данченко заражающая сила пьес Чехова стала очевидной.

Театр же познакомил писателя с его женой — актрисой Ольгой Книппер. Их роман длился несколько лет, венчание было тайным. Чехов и тут оставался верен собственным принципам:

«Когда любишь, нужно исходить от высшего, от более важного... чем грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе».

В конце 1898 года он продал Мелихово и купил в Ялте участок земли — далеко от моря, от набережной, от города, в полном смысле слова пустырь с несколькими грушевыми деревьями. Но стараниями Антона Павловича, его большой любовью ко всему, что родит земля, этот пустырь стал понемногу превращаться в чудесный, пышный, разнообразный сад. За постройкой дома Антон Павлович следил сам. С помощью сестры, Марии Павловны, нарисовал план сада, наметил, где какое дерево посадить, где будет скамеечка. Он выписывал со всех концов России деревья, кустарники, фруктовые деревья, и результатом были действительно великолепные персики, абрикосы, черешни, яблоки и груши. Все принималось и росло с удивительной быстротой благодаря любовному глазу Антона Павловича. Одна беда — вечный недостаток в воде, пока, наконец, не появилась возможность устроить водопровод.

Ольга Леонардовна Книппер так описывала последние годы жизни Чехова:

«...Впечатление этих шести лет — какого-то беспокойства, метания, — точно чайка над океаном, не знающая, куда присесть: смерть его отца, продажа Мелихова, продажа своих произведений А.Ф. Марксу, покупка земли под Ялтой, устройство дома и сада и в то же время

сильное тяготение к Москве, к новому своему, театральному делу; метание между Москвой и Ялтой, которая казалась уже тюрьмой; женитьба, поиски клочка земли недалеко от трогательно любимой Москвы и уже почти осуществление мечты — ему разрешено было врачами провести зиму в Средней России. Мечты о поездке по северным рекам, в Соловки, в Швецию, в Норвегию, в Швейцарию, и мечта последняя и самая сильная, уже в Шварцвальде, в Баденвейлере, перед смертью, — ехать в Россию через Италию, манившую его своими красками, соком жизни, главное — музыкой и цветами, — все эти метания, все мечты были кончены 15 июля 1904 года... Жизнь внутренняя за эти шесть лет прошла до чрезвычайности полно, насыщенно, интересно и сложно, так что внешняя неустроенность и неудобства теряли свою остроту, но все же, когда оглядываешься назад, то кажется, что жизнь этих шести лет сложилась из цепи мучительных разлук и радостных свиданий.

«Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству», — писал мне как-то Антон Павлович...»

А реальная жизнь была к Чехову не слишком ласкова. Правда, в 1900 году при первых же выборах в Пушкинское отделение академии наук он был избран в число его академиков, но в 1902 году вместе с В.Г. Короленко отказался от звания академика после распоряжения Николая II

аннулировать избрание Максима Горького в почетные академики.

Тем временем здоровье Антона Павловича стремительно ухудшалось. Кровотечением из правого легкого он страдал еще с 1884 года, но кроме одной попытки полечиться — короткая поездка «на кумыс» уже женатым человеком — ничего не предпринимал для поправки собственного здоровья.

Одни исследователи считают, что роковую роль в жизни писателя сыграло путешествие на Сахалин. Другие причиной обострения туберкулезного процесса называли частые переезды из Ялты в Москву в самое неблагоприятное для здоровья время. Но основное, конечно, — плохая наследственность и работа «на износ», поскольку Чехов чуть ли не с шестнадцати лет вынужден был один содержать всю семью.

Зимой 1904 года Чехов с супругой приискивали клочок земли с домом под Москвой, чтобы Антон Павлович мог и в дальнейшем зимовать близко от нежно любимой Москвы (никто не думал, что развязка так недалека). И нашли — в Царицыно продавалась маленькая уютная усадьба, покупку которой решено было оформить ближе к осени.

Летом Чехов, наконец, выехал с женой на курорт в Германию, в Баденвайлер. Первое время казалось, что положение можно еще исправить: Антону Павловичу стало легче, кашель уменьшился, силы посте-

пенно возвращались, он уже грезил новой пьесой...

Но в ночь с 1 на 2 июля 1904 года Чехов проснулся и, как вспоминала впоследствии Ольга Леонардовна, «...первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. После он велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): "Ich sterbe". Потом повторил для студента или для меня по-русски: "Я умираю". Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: "Давно я не пил шампанского...", спокойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда».

Как говорилось в одном из его бесчисленных афоризмов: «Смерть страшна, но еще страшнее было бы сознание, что будешь жить вечно и никогда не умрешь».

Гроб с телом писателя был доставлен в Москву, и 9 июля состоялось отпевание в Успенской церкви Новодевичьего монастыря и погребение здесь же, на монастырском кладбище. Через четыре года на могиле был поставлен мраморный памятник, но в 1933 году, после упразднения кладбища на территории Новодевичьего монастыря, состоялось перезахоронение Чехова на кладбище за его южной стеной.

Чехова никогда официально не запрещали, считали «безобидным и аполитичным», но и никогда не ста-

вили на один уровень с Горьким или Короленко. Но его публицистические высказывания не только не безобидны — они пугающе-пророческие, и не потеряли своего значения до сегодняшнего дня.

Так он писал о политике своему другу Суворину во время холерной эпидемии 1882 года:

«Отвратительные средства ради благих целей делают и самые цели отвратительными. Пусть выезжают на спинах врачей и фельдшеров, но зачем лгать народу? Зачем уверять его, что он прав в своем невежестве и что его грубые предрассудки —

знали бы, что с нею делать, и тратили бы ее только на то, чтобы обличать друг друга в газетах в шпионстве и пристрастии к рублю и запугивать общество уверениями, что у нас нет ни людей, ни науки, ни литературы, ничего, ничего!.. И... прежде чем заблестит заря новой жизни, мы обратимся в зловещих старух и стариков и первые с ненавистью отвернемся от этой зари и пустим в нее клеветой».

И напоследок из третьего письма: *«Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую,*

Т

еатр познакомил Чехова с его будущей женой — актрисой Ольгой Книппер. Их роман длился несколько лет, а венчание было тайным. Чехов и тут оставался верен своим принципам: «Когда любишь, надо исходить от высшего, от более важного... чем грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе»

святая истина? Неужели прекрасное будущее может искупить эту подлую ложь? Будь я политиком, никогда бы я не решился позорить свое настоящее ради будущего, хотя бы мне за золотник подлой лжи обещали сто пудов блаженства».

И другое письмо — о свободе:

«...если бы теперь вдруг мы получили свободу, о которой мы так много говорим, когда грызем друг друга, то на первых порах мы не

не верю даже тогда, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснитель выходит из ее же недр... Я вижу спасение в отдельных личностях...»

Кажется, что это написано сегодня, о сегодняшнем состоянии умов и общества.

Поправьте меня, если я ошибаюсь. Как говорил Чехов, замечательный день сегодня. То ли чай поить выпить, то ли повеситься... □

УСЛОВИЕ

для близкого

ЗНАКОМСТВА

Ваня к завтраку не опоздал. Помимо него стол занимали пожилая супружеская пара и дама средних лет. Подали лангет с вареной картошкой, и Ваня, не теряя времени на знакомство, набросился на аппетитно выглядывший кусок, пытаясь разрезать его пополам, но его старания не увенчались успехом. Сидевшей по соседству даме тоже не удалось справиться с жестким мясом, и она, отбросив нож, начала заводитьсь:

— Конечно, я понимаю, здесь санаторий, а не ресторан, выбирать не приходится, но... это уже слишком! Сейчас же позову диетолога, ткну носом! За деньги ведь лечусь, не по профсоюзной! Я этого так не оставлю! — все больше распалялась она. — Вот соберусь с силами и... на следующий год не приеду!

Ваня молча забрал ее тарелку и вместе со своей отнес на раздачу — девочки моментально заменили порции, разве такому красавцу откажешь: брюнет, высокий, стройный, внимательный, а говорит...

Во время обеда в качестве второго блюда подали все тот же, оставшийся, по-видимому, с утра, лангет, только назывался он на этот раз по-другому — ромштекс. Ваня понюхал реанимированную пластину, откинулся на спинку стула и... затосковал. Захотелось нежной ароматной рыбки, которую так вкусно готовила мама.

— Переживаете? — донесся участливый голос дамы.

— Да нет, всего лишь фантазирую, — механически ответил Ваня.

— Как я вас понимаю! — Женщина кокетливо поправила волосы — она только утром сделала прическу в санаторной парикмахерской — и обворожительно улыбнулась: — А что, молодой человек, отбросим условности, вырвемся из режимной клетки? — Она испытующе посмотрела на Ваню и продолжила наступление: — Не решились бы вы съездить на рыбалку, наловить для дамы пескариков? Вместе и пожарили бы где-нибудь на природе, на солнечной полянке... — Ее лицо вспыхнуло, язычок облизнул пересохшие губы. — Люблю свеженьких... с хрустящей корочкой.

У Вани почему-то вспотели руки, он проследил за ее взглядом и неожиданно для себя согласился:

— Попробуем... Но мы еще даже не познакомились. Я — Ваня, — пробормотал он.

— Муза Михайловна, — живо откликнулась дама, но тут же поправилась: — Для вас — просто Муза. Как славно! Рыбка — прекрасный повод для знакомства! — Она бросила мимолетный взгляд на пожилую супружескую пару, резко наклонилась к Ване и шепотом спросила: — Кстати, а вам уже приходилось ходить на рыбалку?

— Нет, все как-то не получалось, работы много, — извиняющимся тоном ответил он.

— Давайте завтра и проверим ваши способности, — улыбнулась Муза Михайловна и строго добавила: — И учтите, для вас рыбка — не просто повод, а неременное условие для близкого знакомства.

Ваня в ответ только молча пожал плечами.

Муза не обратила внимания на странную реакцию юноши и показала в глубину зала:

— Видите вон того мужчину в красной футболке и синих шортах? Его зовут Ильей, и он замечательный рыбак! Напроситесь к нему в компанию, сошлитесь на меня — он поймет.

Илья оказался намного крупнее, чем выглядел за столом — настоящий амбал. Быть третьим вызвался вертлявый мужичок с растрепанными огненно-рыжими волосами. Амбал распорядился собраться сразу после завтрака на автостоянке рядом с его «Ладой», сказал, что ловить будут бреднем, и посоветовал надеть кеды. У Вани такой обуви сроду не водилось, поэтому он примотал к ногам пляжные шлепанцы.

Рыбаки пересекли огромное пшеничное поле, долго петляли среди густых зарослей ивняка и, наконец, въехали в открывшийся просвет, оказавшийся тупиком. Илья не расстроился, дал задний ход и попытался преодолеть препятствие в другом месте, но опять безрезультатно. Чуть не проскочили узкую дорожку — хорошо, Рыжий заметил, — имен-

но она вывела на веселую зеленую лужайку, освещенную солнцем. Илья вышел из машины, пошарил под раскидистым кустом и удовлетворенно засмеялся:

— Ждет нас полянка! Даже дровишки сохранились, сам заготовливал.

«Ладу» поставили на сигнализацию и потащили рыболовные снасти к реке. Илья взял в напарники Рыжего, а новичку приказал идти за ними и складывать пойманную рыбу в короб, а когда накопится штук десять, отнести на берег и кинуть в заготовленное ведро с водой.

Амбал рассекал речной поток мощным буксиром, Рыжего постоянно сносило течением, а Ване пришлось совсем туго: ноги по щиколотку погружались в вязкий ил, носки шлепанцев загибались, зачерпывали свинцовую тяжесть и, словно водолазные бахилы, тянули ко дну. Он сдернул бесполезную обувь, швырнул шлепанцы в ивовые заросли, сделал шаг, и... что-то режущее больно вонзилось между пальцами, рассекая стопу поперек. Ваня закричал от боли, но амбал его успокоил — это ракушки, просто они стоят ребром, и надо быть осторожным. Ваня пошел медленно, судорожно балансируя и отдергивая ноги от створок.

Когда подняли бредень, насчитали в нем штук пять плотвичек. Ваня неудачно подставил короб, оступился и... рассек вторую ногу. «С меня хватит!» — сверкнула мысль. Он замер, дожидаясь, когда рыболовы скроются за излучиной, и выбрался на берег. Промыл ранки, сел на траву и, осматриваясь по сторонам, стал наслаждаться окружающей природой. Но долго наслаждаться не получилось — порезы страшно саднили. Вспомнив про автомобильную аптечку, постанывая и проклиная Музу, Амбала, Рыжего, рыбалку и все на свете, Ваня с трудом доковылял до машины, отдышался, протянул руку, чтобы открыть дверцу, и... похолодел от ужаса — на солнышке, прижавшись к колесу, грелись ЗМЕИ! Он отшатнулся — к нему откуда-то сбоку метнулась темно-зеленая стрела. Он вспрыгнул на капот, и поляну тут же накрыли громкие вопли сигнализации. Ничего не соображая, Ваня полез на крышу, но руки соскользнули, он лбом врезался в стекло с такой силой, что из глаз посыпались искры.

Амбал, подстегиваемый плачем любимой «Лады», выскочил из реки и стал на ходу натягивать на себя шорты, из кармана вылетел пульт и, описав дугу, бесшумно погрузился в воду. Рыжий мгновенно сориентировался и нырнул за ним.

И тут на поляне появилась Муза и буквально замерла на месте — Амбал прыгает, пытаясь надеть кеды, «Лада» истошно орет, на ней, покачиваясь из стороны в сторону, сидит Ваня, а из реки торчат чьи-то дергающиеся ноги.

«Лада» еще раз всхлипнула и, наконец, замолчала. Ноги скрылись, и из реки показалась улыбающаяся физиономия Рыжего, державшего в поднятой руке найденный пульт. Увидев Музу, он хотел ей что-то крикнуть, но не смог — воздуху не хватало, поэтому попытался жестами объяснить, что утонувший пульт нашелся. Муза в ответ только презрительно фыркнула, круто повернулась и продефилировала к поляне.

Продолжавший сидеть на машине Ваня запричитал:

— Му-у-за, Муза Михайловна! Тут змеи!

Ей вдруг захотелось влечь этому лоху пощечину и выплеснуть этим всю злость, какая накопилась за всю ее неудавшуюся жизнь, но она тут же передумала — месть должна быть картинной, поэтому ласковым голосом крикнула ему:

— Мальчик мой, сползай на капот, я тебя выручу, закрой глазки! — Когда Ваня послушно сполз, она приблизилась к нему и проворковала: — Поцелую, и все твои страхи улетучатся.

Ваня вытянулся вперед, закрыл глаза и не увидел, как к машине подбежал Рыжий, как Муза показала ему жестом вниз, и тот, поняв, что от него требуется, схватил гревшуюся на солнышке змею и вложил ей в руки. Ваня ждал поцелуя, но, так и не дождавшись, открыл глаза — перед его лицом судорожно дергался черный язычок гада. Он качнулся и тут же потерял сознание — прекрасная Муза превратилась в Медузу Горгону, и на ее голове медленно шевелились змеи. Откуда-то издали послышался приятный голос:

— Не бойся, это уж, видишь желтые пятнышки?

Ваня даже не шевельнулся.

Муза с сожалением вздохнула: «Ошиблась я в тебе, Ванюша. Такой красавчик, а условие не выполнил... Теряю умение — видимо, старею...» □

...Зоя Ивановна Воскресенская подняла от пищи машинки слегка тронутую сединой голову. За окном московской квартиры моросил теплый летний дождик. Разбрызгивая лужи, подрулил к жавшимся под навесом остановки пассажирам автобус, смеясь, катил «без рук» на велике шпанистый подросток из соседнего подъезда...

Мадам

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Юрий Осипов

Она вспомнила, как вот так же летом 1930-го катила на модном тогда дамском ВС-А по пыльным мостовым Харбина. Велосипед начала осваивать лишь неделю назад и накануне упала, сильно ободрав ногу, которая теперь зудела под тугой марлевой повязкой. Среди разморенных жарой прохожих много европейцев, которые с любопытством оглядывались на проезжающую мимо очаровательную девушку в светлой, без рукавов, батистовой блузке и модной широкой юбке плиссе до колен. На голове у велосипедистки была кокетливая соломенная шляпка с узкими полями. Важный француз с тростью под мышкой почтительно приветствовал помощницу главы советского Нефтяного синдиката в Харбине. Это для непосвященных. А для посвященных — она заведовала его шифровальным отделом. Ей было 23 года.

...Когда крутишь педали, хорошо думается. А подумать было над чем. Срочное задание Центра. Один из руководящих советских работников в Харбине месяц назад бросил семью и бежал в Шанхай с крупной суммой казенных денег. Зое — ее рабочий псевдоним «Ирина» — было поручено не просто вернуть его обратно с деньгами, но постараться тайно завербовать в агенты...

Чахлая зелень платанов на набережной, похоже, пропиталась резким запахом свежевывловленной рыбы. Влажная духота окутывала бесчисленные торговые лавчонки и магазинчики с едва шевелящимися в дверных проемах бамбуковыми шторками. На центральной улице, у ворот Главного управления КВЖД и Генерального консульства СССР зевали китайские полицейские в пробковых шлемах.

А напротив, под крышей разных торговых представительств обосновались разведки ведущих западных держав. Оттуда осевшие в Харбине белоэмигранты подбивали годом ранее Китай совершать вооруженные провокации на построенной Советским Союзом стратегической Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

Восьмидесятилетней писательнице казалось, что все это было только вчера. Она уже забыла свои недавние бессонные ночи в гипсе после традиционного для людей преклонного возраста перелома шейки

бедр. Главное — встала и пошла, пусть с палочкой, вопреки приговору врачей. Упрямства ей всегда было не занимать. И еще она умела по давней привычке вычеркивать из памяти не желательное и второстепенное. А вот все, приключившееся с ней тогда в Харбине и потом в Финляндии, Швеции, Германии во время ее первой, легендарной и до поры строго засекреченной жизни советской разведчицы, Зоя Ивановна помнила до мельчайших подробностей.

В Харбин она привезла с собой маленького сына и для ухода за ним — свою маму. До этого рассталась с первым мужем, которого направили из провинции на партучебу в Москву. Замуж выходила девчонкой, за хорошего человека. Ждала большой любви, как в книжках, но любовь так и не пришла. Утешением стал горячо любимый Вовчик, непоседливый, шаловливый и страшно любознательный. Центр посчитал, что ребенок — хороший камуфляж для агента, работающего под прикрытием. В тео-

рии. На деле же пятилетний мальчуган однажды едва не поставил молodu маму на грань провала.

Как-то в воскресенье она повела его в парикмахерскую. Ей укладывали волосы, а из мужского отдела-

лоэмигрант, один из идеологов «сменовеховства». К счастью, инцидент не имел последствий.

Дорога пошла в гору. Ехать на велосипеде становилось все труднее, твердый грунт сменился вяз-

В

Харбин Зоя привезла с собой маленького сына и мать. До этого рассталась с первым мужем, которого направили из провинции на учебу в Москву. Замуж выходила девчонкой, за хорошего человека. Ждала большой любви, но она так и не пришла. Утешением стал горячо любимый Вовчик, непоседливый, шаловливый и страшно любознательный. К тому же Центр считал, что ребенок — хороший камуфляж для агента

ния, где стригли Володю, слышались голоса:

— Мальчик, ты чей?— спрашивал густой баритон.

— Мамин.

— А кто твоя мама?

И малыш наивно ответил:

— Моя мама больше не коммунистка, а папа коммунист, поэтому он остался в Москве.

С бигудями на голове Зоя влетела за перегородку и увидела рядом с парикмахерским креслом, в котором сидел ее сын, крупного ухоженного мужчину. Он поклонился ей и с вкрадчивой улыбкой произнес: «У вас, мадам, поистине прелестный мальчик. Разрешите представиться, профессор Устрялов». Это был известный в Харбине бе-

ким песком. Это уже был пригород Харбина, Фудзи-дзян, населенный в основном китайцами. Внешне они добродушны и кланяются даже детям, однако женщин не любят. Зое пришлось остановиться и спросить у случайного прохожего-европейца нужную улицу, которая оказалась прямо за поворотом. Забираясь снова на седло, она поморщилась от боли в ободранной ноге. Однако именно благодаря этому разведчица успешно выполнила первое серьезное задание Центра.

Маленький угловой домик окружал невысокий палисадник. Оглянувшись по сторонам, Зоя слезла с велосипеда и размотала бинт. Из засохшей ранки вновь пошла кровь. Она потерла вокруг ранки щепоткой

земли, спрятала бинт в сумочку и, прихрамывая, повела за руль велосипеда к калитке дома. Навстречу вышла приятная женщина, немного постарше ее, о которой Зоя знала все, что требовалось. Это была жена перебежчика. Не подозревая ни о чем, она участливо пригласила Вознесенскую зайти, усадила на диван, принесла воду, вату и йод. Удачно найденный повод помог, они непринужденно разговорились. Пили чай, делились впечатлениями от жизни в Харбине, обсуждали проблемы с детьми, ни словом не обмолвившись о мужьях. К себе на квартиру Зоя возвращалась уже в сумерках.

Вскоре произошла еще одна дружеская встреча с женой перебежчика. За второй встречей последовала третья. И, наконец, проникнувшись к новой подруге полным доверием, женщина призналась Вознесенской в том, что совершил ее муж, рассказала, как он теперь мучается содеянным, как тайно навещает ее и дочь, как ищет возможность искупить вину. И согласилась свести его с Зоей. Чего стоило ей убедить этого оступившегося человека явиться с повинной и тем самым избежать заслуженного наказания! Положившись на слово Вознесенской, он постепенно выплатил взятую им из кассы денежную сумму и самоотверженной, опасной работой на советскую разведку восстановил свое доброе имя.

...Скрипнув креслом, Зоя Ивановна достала из нижнего ящика стола

стопку выцветших фотографий, перетянутых атласной лентой. Она любила держать их под рукой и часто пересматривать. Вот и сейчас разложила и долго вглядывалась в лица давно ушедших товарищей по оперативной работе за границей. Зоя попала туда в 1930 году после ускоренных курсов агентурной спецподготовки, на которых по 10 часов в день изучала шифровальное дело, явки, пароли, искусство маскировки и умение избавляться от слежки, владение оружием и приемами рукопашного боя, вождение машины и много чего еще.

Перебирая фотографии, Воскресенская задержалась взглядом на вихрастом улыбчивом парне, ее связнике в Берлине. Прибыв туда, Зоя по-

селилась в пансионе «Мадам Роза» прямо на Унтер-ден-Линден, среди степенных семейных пар с носящимися повсюду детьми. Эта обстановка была ей на руку, поскольку руководство поставило начинающей разведчице задачу в совершенстве изучить немецкий язык, включая диалекты. А к языкам у Зои обнаружились большие способности.

Перед берлинской командировкой она некоторое время стажиро-

валась в Латвии, осваивала светский тон и манеры, чтобы впоследствии предстать по «легенде» прибалтийской баронессой. С этой непростой ролью упрямая дочь железнодорожника со станции Узловая в Тульской губернии и бывшая библиотекарьша отдельного батальона ВЧК, а затем ОГПУ справилась блестяще. Пройдет несколько месяцев, и высокое начальство вызовет ее на Лубянку.

— Поедете в Женеву по своей легенде, — услышала она в кабине-те. — Познакомитесь там с генералом Х., который служит в Главном штабе и тесно сотрудничает с немцами. Станете его любовницей и добудете секретные сведения о планах Германии в отношении Франции и Швейцарии. Вам все понятно?

— Да, понятно. А становиться генеральской любовницей обязательно? Без этого никак нельзя?

— Нет, нельзя. Иначе невозможно выполнить задание.

— Хорошо, — помолчав, твердо ответила Зоя. — Я поеду в Женеву, стану любовницей генерала Х., раз без этого нельзя. Выполню задание, а потом застрелюсь...

Начальство оторопело. И задание отменили. «Вы нам нужны живой», — сказали ей на прощанье.

А уже во второй половине тридцать третьего года, когда в Германии Гитлер пришел к власти, Зоя Воскресенская находилась в Австрии, где должна была фиктивно выйти замуж. Ее «легенда» была следующей: расписаться в Риге, получить новый латышский паспорт, затем отправиться с мужем в Турцию и по дороге поссориться. После чего мужу предстояло в гневе покинуть ее, а ей следовало остаться в Стамбуле, открыть салон мод и под таким прикрытием осуществлять нелегальную разведдеятельность. Продуманный во всех деталях план сорвался из-за того, что «жених» не смог, по независящим

от него обстоятельствам, прибыть к месту назначения.

В душе она мечтала о женихе настоящем, о муже, о семье. Никому в этих мечтах не признавалась и даже не представляла себе, какого мужчину мечтает встретить и полюбить на всю жизнь. И уж меньше всего он виделся ей похожим на нового резидента нашей разведки в Хельсинки Бориса Рыбкина, оперативный псевдоним «Кин», он же консул посольства Ярцев, который прибыл в финскую столицу в 1936 году...

Зоя Ивановна устало прикрыла глаза, и в памяти сразу всплыла летняя роща под Хельсинки. Отмахиваясь веточками от комаров, под низкорослыми соснами прогуливались, мило беседуя, две изящные молодые женщины в легких открытых платьях. Очаровательная европейка и стройная маленькая японка. Одна — Зоя Воскресенская, вторая — ее тайный агент, жена японского дипломата, работающего в Суоми.

Вечером на приеме в президентском дворце Зоя Ивановна, приводя себя в порядок в дамской комнате, с ужасом увидела в зеркале свои вспухшие и покрасневшие от комариных укусов плечи и грудь в декольтированном бальном туалете. Одолжив у гардеробщицы накидку, она попросила Кина срочно отвезти ее домой. Вернувшись во дворец, тот объяснил внезапный отъезд жены плохим самочувствием. А супруге японского дипломата пришлось выдумать байку о поездке на дачу,

где якобы во время поливки цветов ее искушали комары.

Воскресенскую командировали в Хельсинки заместителем резидента советской разведки. Работала Зоя Ивановна под «крышей» нашего представительства «Интуриста» и была к тому времени уже опытной разведчицей, оставаясь при этом обворожительной женщиной. Отношения с новым шефом у нее поначалу не заладились: «Ирина» больше полагалась на свой дар и интуицию и в штыки принимала оперативные решения Кина, спорила с ним по любому поводу. Дошло до того, что она отправила в Центр шифровку с

лодом и невзрачном с виду Борисе Рыбкине, загадка. Но полюбила она его так, как никого никогда не любила в жизни.

...В прихожей слышались шаги вернувшегося с работы младшего сына Алексея. Ее гордость, ее утешение после трагической гибели мужа. Всю героическую эпопею в Швеции, куда затем перебросили их слаженный дуэт, они совершили сообща, поддерживая друг друга.

В первый раз супруги-разведчики ненадолго расстались только перед самой войной. Рыбкина-«Кина» начальство отправило резидентом в Европу, а Воскресенскую оставили

Перед берлинской командировкой она стажировалась некоторое время в Латвии, осваивала светский тон и манеры, чтобы впоследствии предстать по «легенде» прибалтийской баронессой. С этой непростой ролью упрямая дочь железнодорожника и бывшая библиотекаря справилась блестяще

просьбой ее отозвать. В ответ пришел приказ: помочь резиденту освоиться, передать ему агентурную сеть. После этого к вопросу об ее отзыве обещано было вернуться. Полгода спустя в Центр поступил новый, теперь уже совместный запрос, в котором разведчики просили разрешения пожениться...

Что нашла разившая мужчин напавшая Зоя Воскресенская в немо-

в Москве аналитиком Главного управления внешней разведки. Там к ней стекалась важнейшая оперативная информация, в том числе, и от знаменитой «Красной капеллы» — подпольной группы немецких антифашистов, которая действовала в Германии.

В начале июня 41-го представительница Всесоюзного общества культурных связей с заграницей го-

спожа Ярцева получила приглашение на прием в германском посольстве по случаю гастролей в Москве солистов берлинской оперы. Вожди Третьего рейха желали опровергнуть слухи о скорой войне против СССР и продемонстрировать свою верность заключенному в 1939 году Германно-советскому договору, так называемому «Пакту Риббентропа-Молотова».

В строгом элегантном вечернем платье Зоя Ивановна была, как всегда, неотразима, и немецкий посол граф фон Шуленбург пригласил ее на первый тур вальса. Пока кружились по залу, Воскресенская острым взглядом разведчицы привычно отметила в разных местах на стенах более светлые пятна. Вывод напрашивался сам: здесь висели картины, которые зачем-то сняли. Замечен-

ные также гостьей за чуть приоткрытой дверью служебного помещения груды упакованных чемоданов не оставили сомнения в том, что сотрудники посольства готовятся к отъезду. Значит, война вот-вот начнется.

Вернувшись с приема, она немедленно доложила о своем открытии. Увы, Сталин не придавал ему значения, как не придавал значения донесениям Зорге и других наших разведчиков за рубежом о близящемся нападении Гитлера на Советский Союз.

Вторая неделя войны застала Воскресенскую-Ярцеву в расположении Особой группы, возглавляемой Судоплатовым, которая занималась подбором, организацией, обучением и переброской в тыл врага разведчиков и диверсантов. Здесь, как и везде, Зоя Ивановна оказалась на первых ролях, сколотив с товарищами костяк отряда, положившего начало партизанскому движению. Этим отрядом, выросшим затем в целое партизанское соединение и освобождавшим Смоленск, Витебск и Оршу, командовал легендарный Батя. А невероятно эффективная разведгруппа, действовавшая под церковным прикрытием! К ее формированию и заброске в тыл также была непосредственно причастна «Ирина». На счету группы две выявленных резидентуры и более 30 гестаповских агентов за нашей линией фронта.

Готовились к заброске во вражеский тыл и сами члены Особой груп-

пы Судоплатова. Зоя Ивановна тоже не была исключением. Она старательно разучивала роль сторожихи на переезде у маленькой железнодорожной станции под боком у немцев. Приказ выдвигаться мог поступить в любой момент. Но судьба распорядилась иначе. Рыбкину предстояло выехать нашим резидентом в Швецию под прикрытием должности советника посольства. Руководство решило направить вместе с ним жену. Так чета разведчиков очутилась в Стокгольме.

...Ходить с палочкой непривычно и трудно, «третья нога» мешает думать. Зоя Ивановна раньше любила думать на ходу, слегка размахивая в такт шагов руками. Сейчас, глядя на фотографию улыбающегося Бориса, ее мысли вновь возвращались к их первой встрече. В коричневом двубортном костюме и чуть сдвинутой набок шляпе, он вошел, улыбаясь, в ее посольский кабинет и протянул ей большую мягкую руку. «Гутен абенд, Зоюшка. Будем вместе практиковаться в шведском?»

Ах, Боря, Боря, вечный шутник! Вместе им выпало, к счастью, не только попрактиковаться в шведском... Она тогда не слишком приветливо откликнулась на его фамильярное обращение, кажется, даже отпустила какую-то колкость. А где же они первый раз поцеловались? На ажурном мостике в парке или у Кафедрального собора на Сенатской площади? (Есть в Хельсинки и такая.) Борис читал ей Тютчева «Люблю

Павел Судоплатов

глаза твои, мой друг...» Говорил, что заучивание стихов тренирует память, без которой разведчику никуда. А ее память стала в последнее время подводить. Что-то ведь она хотела с вечера записать. Что-то важное. И вот забыла...

В Стокгольме Воскресенская видела мужа только по ночам и, засыпая с книжкой, представляла, как он сейчас войдет в спальню и прикоснется к ней в осторожном поцелуе гладко выбритой щекой. Рано утром Зоя провожала Бориса темными посольскими коридорами, прощалась с ним в прихожей, обшитой дубовыми панелями, и долго держала в ладонях его осунувшееся родное лицо. Потом шла пить кофе в кабинет к Александре Михайловне Коллон-

Борис Рыбкин

тай, у которой с 1941 по 1944 год числилась пресс-секретарем. Первая в мировой практике женщина-посол тоже вставала рано.

Две эти столь разные по возрасту, характеру, положению женщины не только отлично сработались, но и подружились. Вечерами, когда Воскресенская не моталась со своей агентурной группой по стране, отслеживая германский транзит через шведскую территорию, они подолгу засиживались за рюмкой «шерри» у камина в гостиной. Близкая соратница Ленина, пылкая пропагандистка «свободной любви», Александра Коллонтай посвящала новую подругу в перипетии своих сложных отношений со вторым мужем, знаменитым народным комиссаром по мор-

ским делам Павлом Дыбенко, расстрелянным в 38-м. Рассказывала, как сидела накануне революции в Выборгской тюрьме, откуда ее выкупали Горький с Красиным. И говорила, что ей по ошибке приписали пресловутую теорию «стакана воды», оправдывавшую половую распущенность.

«Я всегда искала в любви романтику, полет», — говорила она. И Зоя Ивановна с ней соглашалась, хотя не одобряла открытого увлечение Коллонтай молодыми мужчинами. Сама всегда тянулась к мужчинам постарше себя, невольно ища в них замену отцу, который ранним уходом из жизни обрек семью на голод и нищету. От первого мужа, с виду взрослого и мужественного, Зоя вместо любви и заботы чаще видела потребительское отношение к себе по принципу: «подай-унеси». Зато с Борисом она в полной мере познала счастье быть женой настоящего мужчины. Постоянные расставания и встречи, постоянная опасность, когда каждый из них мог не вернуться с очередного задания живым, придавали их супружеству особую остроту.

Рыбкин шутил, что они обязательно доживут до его старости, а затем она его с почестями похоронит, и будет приходить к нему на могилу. Воскресенская, в 14 лет опаленная огнем Гражданской войны и тоже чуждая сантиментов, сердилась: «Нет, это я умру первая, не выдумывай! И вообще не желаю быть соломенной вдовой...» Но он-то угадал, по

сути, верно, вот только с возрастом изрядно ошибся.

В октябре 47-го телефонный звонок поднял Зою Ивановну ночью с постели. Машина уже дожидалась у подъезда. На подмосковном аэродроме ее и нескольких чинов с Лубянки принял на борт транспортный «Дуглас». За все время полета никто не сказал ни слова. В пражском морге ей предъявили тело мужа, якобы погибшего за городом в автомобильной катастрофе. Окаменев от горя, она все же успела взглядом разведчицы обнаружить на теле Бориса две еле заметные дырочки пулевых отверстий от мелкокалиберного оружия...

Тогда, в марте 44-го, после возвращения в Москву Борис Аркадьевич бегал по вновь открывшимся мебельным магазинам, с увлечением занимаясь обстановкой их семейного гнездышка — впереди были мир и планы на новую жизнь. И тут им пришлось разлучиться вторично. Теперь уже навсегда. Рыбкину поручили курировать заброску нелегальной агентуры и диверсионно-разведывательных групп на территорию оккупированных гитлеровцами стран Восточной Европы. Зоя Ивановна продолжала вести на Лубянке аналитическую работу, возглавив после войны немецкий отдел Управления внешней разведки.

Томительные месяцы и годы ожидания. Возвращались с войны уцелевшие фронтовики. Вокруг справляли свадьбы и новоселья, празд-

новали рождение детей, а она все работала и ждала, возвращаясь вечерами к маме и сыновьям в опустевшую без него квартиру. Весточки от мужа получала нерегулярно, от случая к случаю, но в каждой Боря в своей традиционной шутиливой манере уверял ее, что вот-вот придет, явится домой сюрпризом, как снег на голову. Зоя надеялась на это и прислушивалась по ночам к случайным шагам на лестнице: вдруг он. А еще у нее появился суеверный обычай в одно и то же время поли-

«Милый, родной, хороший! Всего три месяца тому назад я чувствовала себя 25-летней. Всего три месяца назад мы беззаботно подсчитывали, что еще много лет будем горячими любовниками, а затем милыми старыми друзьями-супругами, а потом... в глубокой старости ты умрешь, как умер гоголевский Афанасий Иванович, и затем так же мирно уйду за тобой и я, твоя верная Пульхерия Ивановна. Так шутили мы! Так думали мы, как веселые принцы, еще в середине сентября 47-го года.

В

душе она мечтала о муже, о семье, но даже не представляла себе, какого именно мужчину хочет встретить и полюбить на всю жизнь. И уж меньше всего он виделся ей похожим на нового резидента нашей разведки в Хельсинки Бориса Рыбкина, оперативный псевдоним «Кин», он же — консул посольства Ярцев, который прибыл в финскую столицу в 1936 году

вать утром цветы на подоконнике и подолгу смотреть в окно, чтобы не пропустить его появление.

И вот спустя три года Борис, наконец, явился — убитым. Едва оправившись от потрясения, Воскресенская обратилась по начальству с настоятельной просьбой разрешить ей провести собственное расследование странных обстоятельств гибели мужа. В ответ — категоричный отказ. После этого Зоя Ивановна написала погибшему мужу первое письмо:

А вот сегодня я уже месяц вдова. Я чувствую, что мне не 40, а 70 лет, и я не имею права даже отправиться вслед за тобой...»

Она еще 30 лет будет писать ему письма. Будет по ночам говорить с его фотографией на тумбочке у кровати. Будет одна растить сыновей. Замуж больше не выйдет. И будет продолжать работать в разведке, перед которой имела выдающиеся заслуги. Ведь буквально накануне последнего расставания «супругов Рыбкиных» Финляндия подписала

перемирие с Советским Союзом, 20 сентября 1944 года. Зоя Воскресенская сыграла в этом немало важную роль.

В 1953 году, после расстрела Лаврентия Берию, по Лубянке прокатилась волна арестов «бериевских» людей. За решетку без разбора отправляли и тех, кто был причастен к незаконным репрессиям, и тех, кто честно трудился на благо Родины. Полковника Воскресенскую кампа-

ния посадок миновала. Однако был арестован один из корифеев советской внешней разведки Павел Судоплатов, с которым она много лет работала вместе.

Перед заседанием парткома Управления, где должны были утверждать ее кандидатуру, Зоя Ивановна долго сидела на лавочке в сквере, глядя на играющих в песочнице детей. В большевистскую партию она вступила в юности, свято верила в идеи коммунизма. Но сейчас ей очень трудно было примириться с тем, что именем партии прикрывают новые беззакония. Ах, если бы Борис мог дать ей нужный совет! Стрелки часов на площади коснулись 12-ти. Воскресенская, вздохнув, одним движением поднялась с лавочки и легкой походкой направилась к входу в министерство. В числе двух других кандидатов ей дали слово, и она недрогнувшим голосом заявила, что не сомневается в порядочности Судоплатова, хочет дождаться выяснения всех обстоятельств дела, а до тех пор не считает себя вправе быть членом парткома.

Этого выступления Зое Ивановне не простили и практически сразу уволили ее «по сокращению штатов» из Управления, которому она отдала 25 лет жизни. Из принципа, желая быть верной памяти мужа, Воскресенская решила отслужить в органах до пенсии. Перевод в МВД, сотрудницей спецотдела лагеря для особо опасных преступников под Воркутой, она приняла, не дрогнув. В тундре, за колючей проволокой

с утра до вечера разбирала жалобы заключенных, помогала несправедливо осужденным, старалась по возможности улучшать условия содержания в лагере. И у себя в комнате перед сном вспоминала иногда, прислушиваясь к вою пурги за окном, как блистала на европейских дипломатических приемах и светских раутах...

В 51 год, после выхода на пенсию, пришлось начинать жизнь с чистого листа. Вторую жизнь.

О том, кем она действительно была в той первой жизни, знали очень немногие. Рассекретили Зою Ивановну лишь незадолго до смерти. Она еще успела рассказать о своей работе разведчицы, однако изданную книгу уже не увидела. До того выходили другие ее книги. О Ленине. Детские, юношеские, исторические и на современные темы. Общим тиражом почти 22 миллиона экземпляров. И это были отнюдь не конъюнктурные тиражи. Большие и маленькие читатели Воскресенскую любили. Огромный успех имел снятый по ее одноименной повести фильм «Сердце матери» о семье Ульяновых.

А поначалу она, начинающий автор «с улицы», обивала со своими рукописями пороги издательств и получала везде вежливые отказы. Но в разведке Зоя Воскресенская привыкла никогда не отступать перед препятствиями. Спустя несколько лет, когда ее «лениниана» уже вовсю печаталась в толстых журналах и широко издавалась, Зою Ива-

новну на «ура» приняли в Союз писателей. Первой ее поздравила маститая Мариетта Шагинян, жившая в соседнем доме и всегда приветливо здоровавшаяся с ней при встречах на улице. И она же, подхватив нелепые слухи о службе Воскресенской в органах, советовала собратьям по перу не общаться с этой «страшной женщиной», у которой, мол, руки по локоть в крови.

Однажды она нос к носу столкнулась в дубовом зале ресторана Дома литераторов со своим бывшим финским агентом. Все такой же статный, моложавый, он вел под руку к столику пышную блондинку с обручальным кольцом на пальце, очевидно, жену, с которой приехал в турпоездку. Воскресенская же направлялась на банкет по поводу присуждения ей Государственной премии. Увидев Зою, финн в радостном приветствии вскинул вверх свободную руку с возгласом: «Ирина!..» Она предупреждающим жестом быстро поднесла палец к губам...

Во время помпезных Дней советской литературы в Приморском крае в 1981 году к Воскресенской буквально пристал приехавший по приглашению Союза писателей прогрессивный швейцарский писатель. Человек он был любознательный и милый. Проведал откуда-то, что в делегации из Москвы присутствует бывшая разведчица, этакая «советская Мата Хари», как он изволил выразиться, и непременно захотел с нею пообщаться. Зоя Ивановна ди-

пломатично согласилась и повела с ним разговор на безупречном немецком. При этом тему разведки она искусно обходила, сколько ни пытался заграничный гость выведать у нее подробности прежней службы. Под конец, наговорившись с Воскресенской о воспитательном аспекте книг для детей и юношества, он задал мучивший его вопрос: «Какое самое важное качество присуще хорошему разведчику?» Зоя Ивановна от души рассмеялась: «А вы меня, похоже, в эксперты определили?» «Ну, у нас же абстрактный разговор, — настаивал швейцарец. — Ответьте как писательница, как «инженер человеческих душ. Чисто теоретически». «Ну, если чисто теоретически, — усмехнулась она, — то, думаю, главное

спокойнее работать и дольше жить». Этому совету полковник Воскресенская следовала неукоснительно, только раз в году, 9 мая, открывая резную шкатулку с орденами.

Литературная известность и регалии не изменили ее. Внутренне Зоя Ивановна осталась прежней. Скромной, приветливой, твердой. С неувимой усмешкой в уголках светлых молодых глаз.

Незадолго до развала Советского Союза председатель КГБ Владимир Крючков впервые рассказал иностранным журналистам об одном из лучших сотрудников советской внешней разведки за всю ее историю и назвал имя этого «суперразведчика» — Зоя Воскресенская. Газету с интервью она аккуратно сло-

О

том, кем она действительно была в своей «первой» жизни, знали очень немногие. Рассекретили Зою Ивановну лишь незадолго до ее смерти. Она еще успела рассказать о своей работе разведчицы, но эту изданную книгу уже не увидела

для разведчика — умение менять маски, преображаться, но при этом не выделяться, не привлекать к себе внимания»...

На страницах посмертно изданной книги «Теперь я могу сказать правду» Зоя Ивановна поделилась советом, который дал ей ее первый учитель в Иностранном отделе ОГПУ: «Чем меньше знают о разведчике, тем ему

жила и убрала в ящик стола, в котором хранила ордена и почетные грамоты.

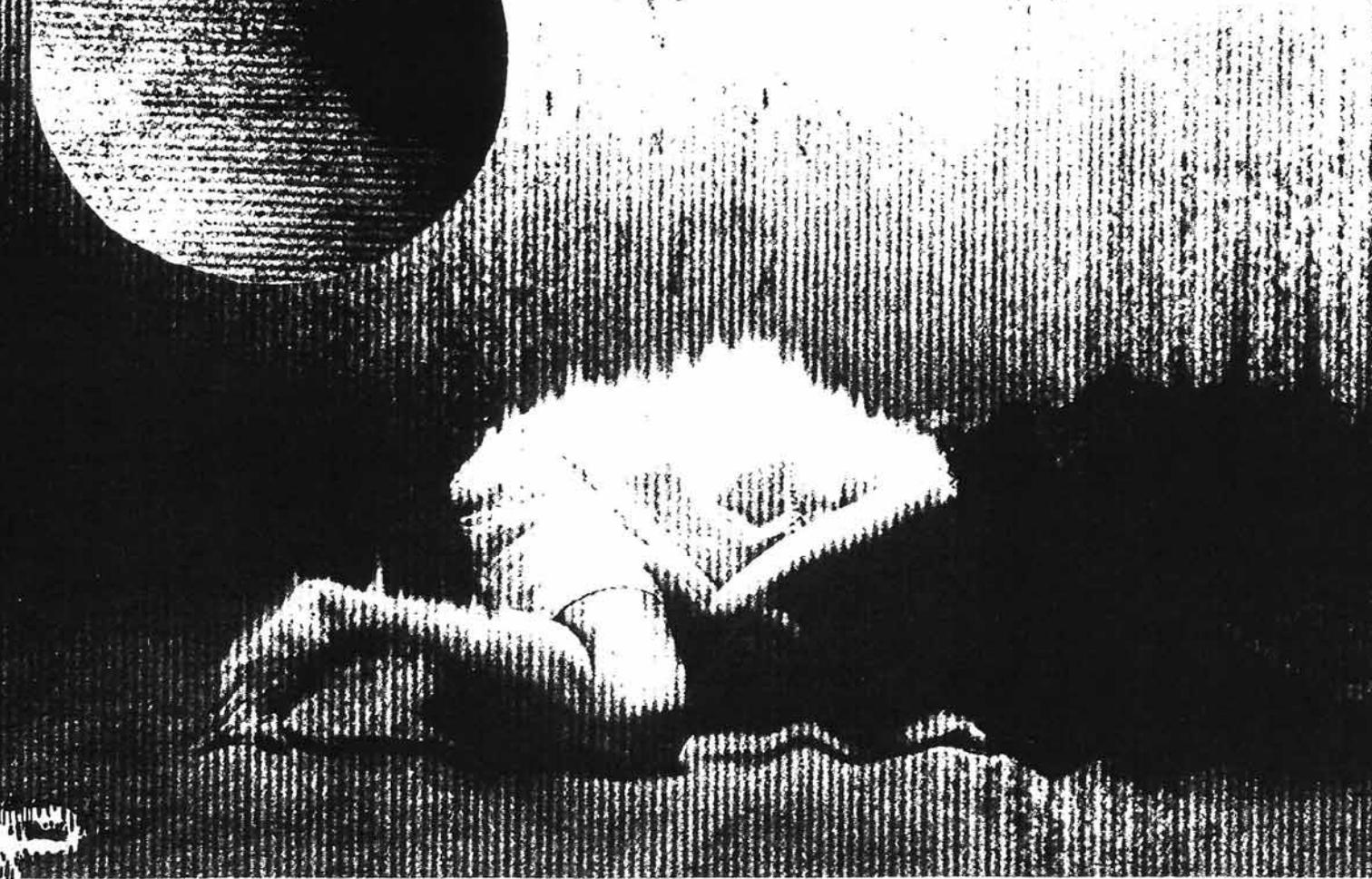
Была ли эта женщина счастлива в своей второй, «штатской» жизни, достаточно одинокой, несмотря на двух толковых сыновей и яркое творчество? Неясно. Она ведь не привыкла открывать душу даже близким людям.

Воскресенская дожила до 85 лет, сохранив при этом твердость характера, ясный рассудок и бодрость духа, всего на несколько месяцев пережила она страну, которой служила верой и правдой.

...Дребезжа звоночком, под окном вновь проехал на велосипеде соседский мальчишка. Опираясь на

палку, Зоя Ивановна медленно поднялась, осторожно ступая, подошла к окну. Отодвинув занавеску, полила из кувшина горшки с цветами на подоконнике. Долго смотрела в окно. Затем вернулась к письменному столу, тяжело опустилась в кресло, придвинула к себе чистый лист бумаги и замерла над ним с пером в руке. И вспомнила все. □

Заставь дурака Богу молиться

Иронический детектив

1

Большому кораблю — большое плавание

Джеймс Камерон

Я стояла под душем, когда в комнате раздался телефонный звонок. Наспех обернувшись полотенцем, я выскочила из ванной и схватила трубку:

— Слушаю...

— Рит, не разбудила? — Это была моя закадычная подружка Ланка. — Можешь сейчас подъехать?

— Куда?

— Я в студии. Съёмку одиннадцатичасовую отменила, а что дальше делать? И... — Ланка замялась на мгновение, — возьми мотор, ладно? Если ты на мели, скажи, я встречу, заплачу. Только быстрее... Пожалуйста... — жалобно протянула она. О господи! Ланка — и жалобно?

— Не напрягайся, перебуюсь. Все, скоро буду.

Ланка Великанова — фотограф. По-моему, так просто гениальный. Снедаемая жаждой самостоятельности, она ушла из всех редакций года два-три назад, занялась исключительно портретной съёмкой: дети, которых у нас в Городе, кроме нее, вообще никто снимать не умеет, плюс девиз

цы, рвущиеся в модельный бизнес, плюс невесты. Сняла студию в бывшем Дворце культуры имени выдающегося государственного деятеля.

И вот на тебе! Чего у нее там сгорело? Девицы с утра пораньше передрались? Потолок рухнул? Аренду подняли до небес? Так это все не ко мне. Ладно, Маргарита Львовна, сказали — бегом, значит, бегом.

ДК торчал над пыльной листвой — такой же, как и все ДК: мрачные серые колонны, неизбежный осыпающийся фронтон, дубовые двери, блистающие латунной фурнитурой. И вокруг главных дверей, ограждающих исполинские центральные залы и холлы, — еще десяток боковых, ведущих в лабиринты лестниц, комнат, коридоров и закоулков.

В самом конце очередного коридора располагалась Ланкина дверь, не успела я до нее дотронуться, как она настезь распахнулась. На первый взгляд студия выглядела вполне обычно, так что я сразу внутренне успокоилась и крикнула:

— Ну, где труп?

Я же пошутила! А Ланка буквально побелела, что ей, при ее крайне здоровом цвете лица, проделать крайне затруднительно. Я, во всяком случае, ни разу не видела. Сподобилась, называется.

— Вот... — мотнула она головой, показывая вправо.

Справа от двери вдоль стены висели и стояли задники — это такие цветные полотнища, на фоне которых обычно делают снимки. Между задниками и стеной образовался треугольник пустого пространства, что-то вроде шалашика... А посередине... Ага, вот и тело... Хорошо лежит, уютно...

— Ланочка, ты по стеночке аккуратненько куда-нибудь просочись, сядь, а я подумаю.

Тело уже успело окоченеть, значит, вчера вечером бедняжка упокоилась. Следов борьбы не видно, и крови нигде нет. Хотя вряд ли ее душили, задушенные трупы совсем иначе выглядят. Может, отравление?..

А высокая она была, метр семьдесят пять, должно быть, не меньше, хотя в этой позиции и не поймешь. Свернулась клубочком, только правая рука как-то неудобно лежит. Коленочки поджала... Ножки стройные, длинные, вот только ступни великоваты, тридцать девятый, надо полагать. Правда, на такой шпильке — сантиметров десять, а то и двенадцать, — и сорок первый Золушкиной туфелькой выглядит. И волосы хороши: пышные, блестящие, хоть в рекламе снимай.

Итак, что мы имеем? Труп некоей девицы: рост, макияж, маникюр, каблуки... Кто-то из Ланкиных моделей?

— Ну, теперь исповедуйся, солнышко. Ты ее знаешь? Колись, пока нет никого. Сейчас ментов вызывать придется.

— А я думала, ты можешь этого вызвать, своего, ну, майора... — В Ланкином голосе мне явственно послышалась надежда — они что, меня за Господа Бога держат?

Майор Никита Игоревич Ильин — старший опер убойного отдела — или что-то в этом роде, никогда я в чинах и должностях не разбиралась, как до сих пор в журналистах держат?

Когда нас судьба с Игоревичем свела, он вроде бы вылавливал расхитителей социалистической собственности. Впрочем, тогда уже не социалистической. Не мужик — сокровище. Внешность обманчивая: росточком не гигант, немного меня повыше, до ста восьмидесяти только в ботинках дотягивает, сухой как скорпион и, кстати, такой же ядовитый. И незаметный, второй раз не взглянешь, одно слово — опер. Только глаза редкостные — глубокая синева в зелень, как море у Херсонеса.

— Да хоть трех майоров! — почему-то разозлилась я. — Труп-то наверняка криминальный!

— Ты думаешь? — растерянно и совершенно бессмысленно спросила Ланка.

— Ага, она пришла отдохнуть, пока никого нет, просочилась в замочную скважину, заползла к стеночке, чтоб уютнее лежалось, тут ее, ни с того ни с сего, «кондратий» и прихватил. У тебя вон там подстилки лежат, что ж она тогда на них не легла? Кстати, у нее ключ был?

Ланка отрицательно помотала головой.

— Ланочка, радость моя, очнись. Сколько-то времени у нас есть, ты могла и в одиннадцать до меня дозвониться, и в студии позже появиться. Но все равно, скоро здесь толпа народу будет, давай пользоваться моментом. Я в любом случае на твоей стороне. Даже если ты эту девицу сама пристукнула, значит, у тебя были веские основания. Но это я так, к слову пришлось. Я совсем не думаю, что это ты сделала. Ладно, времени у нас чуть. Девицу ты, ясное дело, знаешь, но это тоже потом. Ты вечером вчера здесь была?

Ланка снова помотала головой.

— А где?

— Дома.

— Отлично! — искренне обрадовалась я. — У тебя полон дом народу, значит, все в порядке. Ты чего? — удивилась я, увидев, что «гениальный фотограф» как-то переменялась в лице.

— Мама в санатории, а мужчин своих я в поход отправила.

— Весело, — констатировала я. — Может, гости какие-нибудь были? Чтобы ты, да вечером дома одна — ни за что не поверю! Чем же ты тогда занималась? — Пустой вопрос, но спросить надо было.

— Отдыхала, отсыпалась, в баньке попарилась, — пожалала она плечами. — То есть сперва попарилась, потом отсыпалась.

— Сама топила? — удивилась я.

— Сама, а что? — в свою очередь удивленно спросила Ланка.

Ох, врет подруга, и не краснеет, нюхом чую. Ну ладно, для такой мелкой лжи миллион причин может быть.

— Лучше бы не сама. А то — отсыпалась, баньку топила. Соседи тебя хоть видели?

— С нашими заборами? — грустно усмехнулась она.

— В самом деле... Значит, алиби у тебя нет, — подытожила я.

— Алиби?! Ритка! Ко мне американцы через две недели приезжают, только все наладили...

Про американцев я слышала уже давно, так что почти не удивилась. Но очень уж это некстати.

— Только американцев нам тут и не хватает. Ладно, давай пока вернемся ближе к телу. — О Господи! Сто раз эту шутку повторяла, а теперь звучит, как... Все, хватит. — Кто она, где ты была вчера и так далее?

Через десять минут нарисовалась следующая картинка. Ланка вчера отпустила секретаршу, у которой случился очередной «пожар» — какой, Ланка не знает, все, как обычно, «Лана Витальевна, мне очень надо». Отпустила барышню, часа в три все закрыла и умотала домой — есть, отсыпаться, баньку топить. Баньку... Ключ у секретарши, конечно, имеется, еще один есть у бухгалтерши, но той вчера здесь не было.

— Теперь давай о жертве. И не сочиняй, будет у тебя еще такая возможность, а уж друзьям лгать и вовсе грешно. Кто она, когда последний раз виделись, как зовут?

— Стелла Грей, — усмехнувшись, ответила Ланка.

— Как?! Ты что, издеваешься? Или она из этих твоих американцев?

— Да нет, Света она, Серова, — успокоила меня подруга. — Уперлась — у супер-модели имя тоже должно быть супер. Хотя модель из нее — как из меня китайский падишах.

— В Китае никогда не было падишахов, — уточнила я.

— Вот именно, — подтвердила Ланка.

— Стелла Грей, значит? Потрясающе! Светлана Серова — скромненько и со вкусом, очень прилично, по-моему.

— Это на твой вкус. А она вбила себе в башку, что надо что-нибудь аристократическое. Скажи спасибо, что не Галадриэль.

— Она что, до такой степени дурой была?

— Даже хуже! — обреченно махнула рукой Ланка. — Из тех, кто сам себе на ноги наступает. Когда я ее последний раз видела — где-то после

Нового года, — она явилась мне скандал закатывать. Мол, портфолио, что я ей делала, никуда не годится, а я испортила ей карьеру. Хотя там той карьеры...

— И потребовала все исправить?

Ланка на секунду задумалась и ответила как-то удивленно:

— Ты знаешь, нет. Она вообще ничего не требовала — по-моему, у нее больше одной мысли в голове не умещалось. Просто заявила, закатила истерику, пообещала мне «веселое будущее» — и все.

— Давно ты ей портфолио делала?

— Да еще за год перед этим, где-то так, надо документы посмотреть. Она, видать, со снимками потыкалась по агентствам, миллионных контрактов ей никто не предложил, ну и решила, что это я виновата.

— А к другому фотографу она обратиться не пробовала?

— Надо поспрашивать. Может, и обращалась, только зачем тогда мне скандал устраивать?

— Да просто так, для самоутверждения. Но вообще, конечно, глупость. Хотя, если она действительно была такая идиотка, как ты рассказываешь, почему бы и нет? Кстати, тебе не кажется странным, что сумочки нет? И одежда без карманов. Хотя бы деньги человек должен где-то держать? И косметику, а?

— Может, она на машине была? — предположила Ланка.

— Замечательная идея. И тогда машина до сих пор стоит где-то у ДК. Правда, ключей тоже нет — ни от этой мифической машины, ни от студии. Разве что подвез кто... Ладно, пора уже звонить. Лишнего врать не следует, так что вчерашний день оставим как есть: ушла отсюда около трех, была дома, отдыхала. Если тебя никто не видел, значит, не видел, алиби бывают только у преступников. Вот у меня на вчерашний вечер тоже пусто.

— А тебе-то зачем? — удивилась Ланка.

— А затем, дорогая моя, что труп мы обнаружили вместе.

— Как это?

— Глазами, радость моя, глазами. Ты сегодня во сколько пришла?

— Ну... Полдесятого, плюс-минус несколько минут.

— Хорошо. Это оставим как есть, вахтерша тебя знает, могла время заметить. Черт! Не получается, чтобы мы вместе пришли. Она и на меня ведь внимание обратила. Хотя... В джинсах и футболках миллион человек ходит...

— Не пойдет, — покачала головой Ланка. — Она бывший парикмахер, в глаза профессионала твоя грива сразу бросается. Длина, объем, густота, плюс цвет натуральный, да еще и нетипичный: не рыжий, не русский,

не каштановый, в общем, не разбери какой, очень впечатляет. Так что могу поручиться, что тебя она тоже заметила.

— Ладно, пусть. Я приехала в десять. Зачем?

— Я хотела — кстати, это даже не вранье, только думала дня через три этим заняться, ты же быстро работаешь — чтобы ты сочинила концепцию для американцев. Юридические документы практически готовы, а остальное все пока на словах. Какой-то рекламный текст всегда ведь нужен?

— Подходяще, — согласилась я и уточнила: — А почему не попросила по телефону?

— Пф! Аудитория неясная, акценты тоже, обговорить надо много...

— И вообще давно не виделись, так хоть по делу друг на друга поглядеть, годится? Ты мне звонила неделю назад, мы договорились встретиться сегодня в половине десятого, хорошо? Кстати же, я на днях как раз собиралась по книжным магазинам в этом районе прошвырнуться, вот заодно и к тебе решила заглянуть. Так, деньги кое-какие у меня с собой есть, а то Ильин ни за что не поверит, чтобы я по книжным просто так отправилась, может и в карманы для проверки залезть, с него станется. Значит, договорились мы на полдесятого, меня нет, ты мне звонишь, я лечу со всей мыслимой скоростью — для меня схема совершенно типичная, проспала, например. Чем ты занималась до моего появления?

— Не подозревая о том, что... — Ланка кивнула в сторону «сюрприза».

— Абсолютно не подозревая. Зачем тебе студию осматривать, ты ее миллион раз видела, наизусть знаешь. Если мешки с сеном на месте, тела не видно, так? Значит, чем ты занималась эти полчаса?

— Обдумывала эту самую рекламную концепцию.

— Полчаса? — усомнилась я.

— А хоть бы и три! Я ведь и сама-то толком не представляю, чем этих американцев грузить. Так что искала плодотворную дебютную идею.

— Отлично. Значит, сидела, грызла ручку, ждала опаздывающую Маргариту Львовну... Стоп. Что ты там говорила насчет одиннадцатичасовой съемки?

— Я ее отменила.

— Во сколько?

— Минут за десять, может, за пятнадцать до твоего появления.

— Ай-яй-яй! Даже идиот удивится — с чего бы это? А Никита свет Игоревич — далеко не идиот. Думай, Ланка! Нужна железная причина.

— Вообще-то я эту тетку с ее жирным и наглым отпрыском буквально ненавижу. Может, я просто поддалась настроению? А? Посидела, поразмыслила, поняла, что в час мы с тобой, то есть, с концепцией никак не

уложимся, а договор с американцами мне в сто раз важнее этой бабищи. Вот и ухватилась за возможность послать ее подальше. Годится?

— А что? По-человечески вполне понятно, пожалуй, сойдет. Все мы люди, у всех есть свои слабости. Так, с этим ясно. Значит, ты сидишь вся в размышлениях, а тут я вся в мыле влетаю и сразу быка за рога, тут же в рассуждения включаюсь и начинаю по студии расхаживать. Походила, увидела перегородку, потянула туда-сюда... и вдруг стало видно ножку...
Маргарита Львовна — ах!

— Рит, а зачем надо, чтобы тело мы вдвоем обнаружили?

— Да не то чтобы надо... Однако тонуть в компании всегда приятнее, нежели в одиночку. Не дрейфь, будем перестукиваться.

— Прямо так сразу и подозреваемых?

— А ты как думала? Ланочка, этот труп до такой степени воняет, что бросить все просто так они не смогут. Не бытовуха, не несчастный случай, в сверхъестественные силы они тоже не верят, труп — штука сугубо материальная, не колдовством же он здесь оказался, так? С кого-то ведь надо начинать? Естественно, начнут с хозяйки и ее гости. Слушай, может, ты дорогу кому перешла? Ну, там, конкуренты, завистники, а?

— Естественно, конкуренты есть, не без этого. Но до такой степени? Бред!

— Бог с ними, с мотивами, это потом. Главное — с последовательностью собственных действий разобрались. Так? А, да. Сколько я расхаживала, пока перегородку дергать не начала? Минут пятнадцать, наверное? Или двадцать? Ну, где-то так, на часы мы не смотрели. Потом обнаружили «подарочек», минут сколько-то побыли в обалдевшем состоянии... Шок, ступор, попытка понять, что произошло, бессвязная болтовня. Потом до двух девиц доходит, что надо бы и полицию вызвать — не сразу доходит, такие уж мы, творческие личности, безо всяких рамок. Кстати, о рамках. Вряд ли возможно незаметно пронести тело по вашим переходам и лестницам, значит, она живая пришла, так?

— Ну... Черный ход есть.

— Где?

— Да вот, как выйдешь от меня, соседняя дверь прямо в конце коридора. Пожарный запасной выход. Только там всегда закрыто. У меня даже ключа нет, будем гореть, придется на главную лестницу бежать.

— Это радует. А еще больше радует, что способности шутить ты не потеряла.

Я выглянула в коридор. «Всегда закрытый» запасной выход был не то, что не заперт, даже немного приоткрыт. По крайней мере, на первый взгляд. Или тут дверь такая хитрая, неплотно закрывается? Осторожнень-

ко дотянувшись до нее, я подцепила край ногтями, и дверь послушно поддалась. Затем вернула ее в первоначальное положение и вернулась в студию. Мамма мия! Без двадцати одиннадцатый! Надо немедленно звонить Ильину, иначе от всех странных обстоятельств мы с Ланкой не то что до приезда американцев, до второго пришествия не отмоемся.

2

Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены...

Комета Галлея

Майор Ильин мог быть где угодно: в отпуске, в командировке, в погоне за кем-нибудь особо опасным, на тех же шашлыках. Это я существо тихое и домашнее, а Никита Игоревич — личность, как правило, абсолютно неуловимая.

Но — судьба хранит идиотов, а в особенности идиоток, его удалось поймать с первого звонка. Ильин, видимо, уже настолько привык к моей способности наткаться на трупы (и иногда — буквально), что мое неправдоподобно своевременное появление в студии его, кажется, ничуть не насторожило. Зато всю душу из меня своими вопросами вытряс. По-моему, он был уверен, что, если я и не убила эту девицу собственноручно, то, как минимум, отлично знаю и убийцу, и жертву. Или хотя бы жертву.

В конце концов я даже обиделась:

— Знаешь, дорогой, вначале я еще была в себе уверена и могла присягнуть, что вижу эту особу впервые в жизни. Но, честное слово, чем дольше на что-нибудь или кого-нибудь смотришь, тем больше сомнений возникает. Я ее уже наизусть выучила, она теперь снится мне будет. Ты меня еще полчаса поспрашивай, так я поклянусь, что знала жертву сто лет.

— Проваливай оттуда! Понадобисься — найду, — резко бросил в трубку майор.

Возмущению моему не было предела:

— Я Ланку не оставлю! И вообще, я все-таки главный свидетель или кто?

— И почему же ты главный свидетель? — устало поинтересовался Ильин.

— Здравствуйте! А кто тело обнаружил?

Майор промолчал. Он-то всю жизнь считает, что я умная, а я тут дуру фирменную из себя изображаю. И почему я всегда переигрываю?

Из ДК мы с Ланкой вышли вместе. Разыскали открытое кафе, сели за столик, сделали заказ и тупо уставились друг на друга.

— Ну, какие соображения? — начала я.

— Только матерные, — буркнула Ланка.

Вдруг пластиковый стульчик подо мной закачался, и я, подняв голову, увидела незаметно подкрадывавшегося к нам Ильина. Он присел за столик, поманил официантку, заказал три коньяка, апельсиновый сок, кофе и, усмехнувшись, брякнул на стол перед Ланкой связку ключей:

— Там закончили. Кстати, Риточка, не кидайся на поиски профессионального взломщика, знаю я тебя. Замок там простенький, однако открывали, вероятнее всего, родным ключом. Вот первый, второй у секретарши, третий у Ларисы Михайловны, бухгалтера. Так?

— А у коменданта, или как они теперь называются? На случай пожара, наводнения и прочих эксцессов? — заметила я.

— Само собой, — устало согласился Никита. — Ящик размером вот с этот стол, и в нем куча железа. Нужный ключик мы нашли. Технические подробности можно опустить, но, похоже, комендантский ключ как в ящик попал, так там и лежал. Если тебя именно он интересует. — Он лениво повернул голову в сторону Ланки и спросил: — У кого еще могло появиться желание сорвать ваш контракт с американцами?

— Я следователю все уже рассказала. Фотографов в городе много, бывает, что и завидуют друг другу. Модельных агентств тоже хватает, а это в большинстве случаев чистый эвфемизм — те же массажные салоны, только рангом чуть выше. Эскорт-услуги и далее по прейскуранту. Ну, и за границу девчонок тащат — тоже якобы «модельный бизнес»! Так что без криминала точно не обходится, да вы лучше меня это знаете.

— А к вам или к вашим девочкам, не обращаются по поводу... м-м... эскорт-услуг?

— Бывает, конечно, — поморщилась Ланка, — но они там сами решают. Я сразу сказала — это без меня.

— И что, так прямо и соглашаются? — усмехнулся Никита.

— По всякому бывает. Но вряд ли кто-то таким образом мстит за то, что я не стала девочек для бани предоставлять. Слишком сложно, те, кому нужны такие девочки, действуют куда проще. Ну, может, пригрозили бы, чтоб не выпендривалась, ну, пришли бы угрюмые ребята, сказали бы, мол, Лана Витальевна, вы не правы, народ обижается, — так ведь ничего по-

добного не было! Если коллеги... О контракте с американцами знали немногие, афиш на каждом столбе мы по этому поводу не вешали. Но это отнюдь не государственная тайна. И потом... Ну что — фотографии? У американцев этих ведь не модельный бизнес, а брачное агентство. Хоть режьте, эту публику я практически не знаю. Да и все равно глупо.

— Ильин, ты Ланку не трожь! — вмешалась я в их разговор. — Ее все любят! Она детишек лучше всех в городе фотографирует! Ты сам грамотный? Видишь, что у нее на лбу написано? Аршинными буквами!

— Не слепой, — усмехнулся Никита. — Написано, что это человек, у которого все получится. Однако, Маргарита Львовна, тебе не приходило в твою светлую голову, что таким людям часто завидуют?

— Ага! — радостно согласилась я. — Так завидуют, что трупы подбрасывают! Другого способа насолить не нашли. Как ее, кстати? В смысле, каким способом?

— Устал я от тебя, Маргарита Львовна, — проникновенно признался Ильин. — Хорошо нашим прадедам было — запер в тереме, и вся недолга. А тут — терпи... Эксперт не исключает, что ее двинули по башке, хотя и сомневается. Вскрытие покажет. Не душили. Не стреляли. Ножиком не резали. Видимо, отравление, вероятнее всего, банальный клофелин с водкой.

— Фу, какая пошлость! И ты можешь думать, что это — серьезные люди?

— Да ничего я не думаю. Вероятнее что-то личное, но почему в студии? Лана, она точно с вашим бухгалтером и секретаршей не была знакома?

— Виделись, — повела плечом Ланка, — она же в студию приходила. А знакомы... Мне кажется, нет.

— И ключей ни у кого больше не было?

— Ни у кого, — подтвердила она.

Врет! Разрази меня гром, врет! А у Никиты чутье куда сильнее моего, сейчас засечет! Одна надежда, что Ланку он так, как я, не знает.

Нет, не засек. Или виду не показал. Поднялся из-за столика, кивнул вежливо:

— Девушки! Я, конечно, не рассчитываю, что вы мне в ответ на мою откровенность про свою амбразуру расскажете. Хотя могли бы и поделиться, а не разводить ля-ля про рояль в кустах. Тоже мне, тайны мадридского двора! Ты, Риточка, часто оказываешься не в тех местах и не в то время — но только потому, что сама туда лезешь. Так я тебя очень прошу, пожалуйста, без лишней самодеятельности, хорошо?

Отойдя на пару шагов, он бросил через плечо «я позвоню» и бодро удалился.

— Он всегда такой? — глядя ему вслед, спросила Ланка.

— Временами. Обычно хуже. Сегодня ему не то жарко, не то по моей скромной персоне соскучился. Еще заявится на ночь глядя, жажнет стакан, потом заявит, что за рулем, а это — полный ай-яй-яй. Спиртное его, правда, не берет, но запах-то остается... Однако, душа моя, нам с тобой это сейчас до тумбочки, у нас и так забот хватает. Слушай! Мне мысль пришла. Ильин-то, конечно, об этом в первую голову подумал, а я вот только что. Любовник, а? После Нового года она же к тебе не одна приезжала?

— С мужиком, — ответила Ланка и замолкла минуты на три.

— Ну, не томи, — поторопила я.

— Чего — не томи? Мужик, одно слово. Высокий, плечи и шея накачанные, ноги тонковаты малость. Шатен, стрижен коротко, скулы высокие, губы тонкие, нос, по-моему, сломанный...

— Узнаешь, если что?

— Шутить изволите? Я все-таки фотограф, у меня с визуальным восприятием и зрительной памятью все в порядке. И знаешь, Ритка, мне кажется, что эта физиономия мне знакома...

Мне описание тоже кого-то напоминало, вот только — кого?

— Ну?!

— Что, ну, — дернула она плечом. — Мужик и мужик. Это же сто лет назад было! Думаешь, сейчас это важно?

— Очень хотелось бы знать.

— Не могу сообразить, — помотала головой Ланка.

— Ну, Ланочка, ты же гений, помнишь мужика, вспомни, какой интерьер вокруг него должен быть, пейзаж там, не знаю, погода... Природа или помещение? Зима? Лето? Холодно? Жарко? Официоз? Выпивка?

— Ускользает...

Ланкино лицо выразило такое огорчение, что мне стало даже жаль ее.

— Ладно, оставь, не напрягайся, потом всплывет.

— Нет, погоди-ка... Знаешь, боюсь соврать...

— Ну, хоть предположи!

— Мне кажется, это был золотухинский муж. Я его, правда, видела всего раза три, и то...

— Три раза — и она еще сомневается! Ты же профессионал! Ладно, принимаем как вариант. Лидусин муж, говоришь? Витька? Почему бы и нет? По-моему, он иногда за Лидусей в редакцию заезжал.

— Погоди, дай подумать. В редакции я его не помню, а вот дома...

— У кого дома? — довольно тупо уточнила я, пытаюсь представить, каким образом Лидусин муж мог оказаться в гостях у Ланки.

— У него! — рассердилась Ланка на мою несообразительность. — У Лидуси! Точно! Она купила новый стол и потащила всех, кто рядом случился, эту драгоценность обмывать.

— Драгоценность? — изумилась я.

— А... Жаль, ты не видела. Такой монстр под девизом «красиво жить не запретишь» — большой, круглый, стеклянный и на колесиках, как рояльная табуретка. И даже крутится, шик-блеск! Ты у них дома была?

— Давно.

— Значит, обстановку представляешь. Стол на самом-то деле очень даже элегантный. Где-нибудь в полупустом зале, перед камином, в окружении кожаных кресел смотрелся бы супер. А в восемнадцатиметровой клетке, между квадратной тахтой и забитой всяким барахлом стенкой...

— Действительно, жуть. А Витька?

— А Виктор явился в разгар общего веселья, устроил жене скандал — на кого-то там она опять не так посмотрела или деньги не те потратила, в общем, чуть не расколотил это стеклянное сокровище. Однако быстро утих, махнул пару рюмок и влился в компанию. Тут я уже решила, что с меня хватит, и по-английски испарилась. Да, теперь я, пожалуй, вспомнила.

— Вот видишь! И он, значит, сопровождал полгода назад девушку Свету?

— Рит, но это же было, черт знает, когда, неужели сейчас оно имеет значение?

— Откуда я знаю, имеет или не имеет. Поглядим. Хоть есть, с чего начинать. У кого еще был ключ?

Ланка не ответила, только едва заметно качнула головой — «нет».

— Ланочка, я не Ильин, и вообще ни в каких органах не служу. Кто там тебе баньку топил и у кого еще один ключ от студии — сам этот персонаж меня не сильно занимает. И тебя понять нетрудно, может, у тебя роман с вице-губернатором, и ты его подставлять не хочешь. — Ланка вздрогнула, чего я предпочла не заметить. — И не надо. Но подумай сама! Пусть ты точно знаешь, что у владельца лишнего ключа алиби, да хоть бы пять алиби — но ключ-то железный, с него дубликат сделать можно...

Но Ланка молчала намертво.

3

По ночам все кошки серы

Джон Дальтон

Нет, господа, мне решительно противопоказано делать какие-то предположения — сбываются, черт бы их побрал! Ильин в самом деле заявился на

ночь глядя — весь такой усталый, в расстроенных чувствах: надо быть последней мегерой, чтобы не налить, не накормить и не оставить ночевать.

Кстати, не подумайте дурного. В моем доме «ночевать», как правило, означает именно «ночевать». Лесная привычка. Там двое спят в одном спальнике просто потому, что одному в спальнике холодновато, а без оно-го и совсем замерзнуть легко.

Не то из нежелания оставаться в долгу за сытный ужин, не то по каким-то иным соображениям, но Ильин начал вдруг делиться информацией. Причем подробно. Умерла Стелла Грей, то есть Света Серова, вечером предыдущего дня, часиков в семь-восемь, плюс-минус квадратный километр. При жизни была девушкой общительной, с широким кругом знакомств. Работала кассиршей в элитном сувенирном салоне — ручки «Паркер», бумажники из страусиной кожи, вересковые трубки. Частенько прогуливала, получала регулярно выговоры, однако довольно мягкие, об увольнении речь не заходила ни разу.

И когда это Ильин успел столько нарыть? И почему все это мне выкладывает? Додумать я не успела, помешал телефонный звонок.

— Рит, приезжай, а? — Ланкин голос тянул на тысячу вольт, не меньше.

Господи! У нее там что, еще один труп? А у Никиты ушки на макушке. Напустив в голос столько лени, что даже идиот заподозрил бы неладное, я зевнула и изобразила легкое недовольство:

— Ну, радость моя, что за срочность? Я... ну... давай лучше на днях, а? Уф! Ланка поняла меня мгновенно:

— У тебя майор, да? Тебе говорить неудобно?

— Да ну, лень, — несколько невпопад ответила я, делая вид, что ничего более серьезного, чем дамская истерика, звонок не содержит, — у тебя что там, жилеток не хватает, носовые платки кончились? Ну, поцапались — помиритесь, в первый раз, что ли? Давай хотя бы завтра?

Мои выкрутасы Ланка пропустила мимо ушей — умница!

— Рит, тебе обязательно надо ее послушать. А завтра черт его знает, как сложится — успокоится, настроение поднимется, и слова не вытянешь.

Ага, значит, не труп, если «послушать» надо.

— И где? — поинтересовалась я.

— Домой ко мне явилась, полчаса я ее подержу, пока рыдает... А?

— Ну, если назад прямо к подъезду доставишь... Ладно, договорились. — Я повесила трубку и на секунду задумалась. Главное — не давать противнику опомниться. Ильин, в общем-то, не враг, но длительное раздумье наверняка породило бы в его сыщицкой душе всякие подозрения.

— Никитушка, пока ты в норме, не подбросишь меня к Молодежному центру? — попросила я.

— Подброшу, конечно, не сажать же тебя к частнику, ночь на дворе. Помощь нужна?

За что люблю этого типа — лишних вопросов не задает, исключительно по делу.

— Да нет, сама справлюсь.

По дороге Никита все же от «лишнего» вопроса не удержался:

— У тебя там, часом, не еще один труп нарисовался?

Пошутил, называется! Ну да, шутить мы тоже умеем:

— А как ты догадался? Сразу три, представляешь? Мужик жену удавил и двух ее приятельниц за компанию. Теперь солить, наверное, придется...

— А... Ну-ну, — хмыкнул Ильин. — Тебя куда, прямо к Молодежному центру?

Ой-ей-ей! Центр-то я сдуру назвала, до Ланкиного дома от него не более четверти часа пешком, так ведь майор адрес ее домашний наверняка запомнил. Выйду на пустую площадь, и что дальше? Двигаться на глазах у заинтересованного зрителя в известном ему направлении? Или встать безраздельно в чистом поле и ждать, пока у него, заинтересованного, терпение лопнет? А это вряд ли... Ну-ка, соображай, Маргарита Львовна, и побыстрее!

— Не доезжая два дома, направо, во двор, там второй дом по левую руку, третий не то четвертый подъезд, никак не могу запомнить.

Кто подумал, что я собралась уходить от майора «огородами, огородами, и к Котовскому», — так это зря. Во-первых, глупо, во-вторых, просто безнадежно. Не до такой уж степени я самонадеянна, чтобы с профессионалом на его же поле соперничать. Сбежать от Ильина — такая же утопия, как догнать Савранского из «Покровских ворот».

Нет уж, можно обойтись и без игры в «казаки-разбойники». Знакомых у меня много, и один проживает как раз там, куда я свернуть велела. Серьезный субъект. Филолог, Рильке переводит и прочими столь же умными вещами занимается. Классический библиотечный червь. Умный как три древнекитайских энциклопедии. Персонажей типа «библиотечного» Шурика среди моих знакомых раз-два и обчелся. Не совсем та кандидатура, чтобы вваливаться, на ночь глядя, но уж сказала — к Молодежному центру, теперь выбирать не из чего.

Да еще надо исхитриться, чтобы Ильин не пошел меня до квартиры провожать — сразу станет ясно, что я полный мешок тупости нагнала. Так, подъезжаем...

— Спасибо, солнышко, что бы я без тебя делала! — чмокнула я Никиту в щечку, вылезла из машины и пулей помчалась через площадь.

Нет, визита к Шурику никак не избежать. К счастью, за его дверь слышно какое-то движение, и даже, кажется, свет пробивается — глазок «умный мальчик», наверное, никогда не поставит. Я позвонила.

— Кто там? — раздался в ответ не то удивленный, не то настороженный голос Шурика.

— Шурик, это Рита, извини, что в такое время, очень надо. Я буквально на десять минут.

С ходу пришлось придумать, что мне позарез надо избавиться от... м-м... назойливого поклонника — хотя сомневаюсь, что этому человеку вообще известно, что такое «поклонник», тем более «назойливый». После чего я высунулась в окно — благо, Шурик обитает всего-то на третьем этаже, — помахала стоявшему столбом Ильину, крикнула, что все в порядке... Шурик не подкачал, и не только не выставил меня за дверь — даже чаем напоил. Надо бы ему чайник новый подарить, то, что красуется у него на плите — это же страшный сон, а не предмет кухонной утвари.

Пока закипал «страшный сон», я позвонила Ланке, в двух словах объяснила ситуацию, обещала быть через двадцать минут. Перед тем как выходить, еще раз выглянула в окно — чисто. Ни Ильина, ни машины.

Самое неприятное время для передвижения по городу — с девяти до одиннадцати вечера, после одиннадцати становится куда тише. Мне повезло, дорога оказалась практически безлюдной. Засада ждала меня у самого Ланкиного дома. Перед тем как свернуть в предпоследний переулок, я остановилась. Почему? Не знаю! Интуиция, наверное. Остановилась и осторожно выглянула из-за угла...

Стоит, родимый! Из машины, конечно, не выходит, но стоит так, что Ланкина калитка и все окрестности перед ним, как на ладони. А меня за сиренью как раз не видно, не зря я ее всегда любила. Зная Ильина, можно предположить, что простоят он так не меньше часа — для проверки, а не сюда ли, грешным делом намылилась Маргарита Львовна.

Ну ладно же! Мы пойдем другим путем. Огородами. Причем буквально. Частный сектор все-таки. С улицы поглядеть — сплошные заборы, однако, если знать, куда шагать, просочиться можно. Подберемся к дому не с улицы, а с тыла, где та самая банька. Нюх у меня отнюдь не как у собаки, однако баньку, похоже, топили и в самом деле недавно. Очень может быть, что и вчера.

И зачем мне Ланка голову морочит?

Догадливая подруга поджидала меня «на задах», возле баньки. И как она ухитрилась Ильинскую тачку за углом разглядеть, уму непостижимо.

— Так слышно же! — беспечно отмахнулась она. — Прошлась до магазина для проверки — стоит. Чужой. Ну, я и решила, что майор твой тебя

отслеживает. Купила демонстративно бутылку — пусть думает, что я с расстройства надираюсь.

— Как же ты меня дожидаясь, а гостью бросила?

— Так бутылку я ей оставила, — подмигнула Ланка, — ей же нервы поправить необходимо.

4

Одна звездочка, две звездочки... но лучше всего — пять звездочек!

Леонид Ильич Брежнев

Секретаршу звали простым русским именем Ольга. Оля. Олечка. Она всхлипывала, шмыгала уже распухшим носом и беспрестанно повторяла:

— Ну, Лана Витальевна, я, правда, не виновата, ну, откуда же я могла знать?

— Чего стряслось-то? — спросила я Ланку.

— Попробуй ты, — пожала она плечами. — Я уже пыталась, хотя особо не напирала. Одно и то же — ах, я не виновата, она и вправду звонила, а ее нет, а что я могла сделать, если Димочка опять с этой дурой, а он не виноват, они сами на него падают... и далее в том же духе. Что-то она себе насочиняла.

— Ну, я же правду говорю, ничего не сочиняю! Она позвонила, я побежала, а ее там не было, я дожидаясь, и меня не было, и ее убили. А она не звонила... — совершенно убитым голосом закончила Оленька.

— Стоп! — скомандовала я, и обалдело уставилась на Ланку: — Ты на работе в этих местоимениях не путаешься?

— На работе все нормально, — ответила она. — Кавардак начинается, только когда дело касается ее несравненного Димочки.

— Понятно. То есть, ничего не понятно. Оленька, кто звонил и куда?

— Ну, в студию же! И я отпросилась, а она не звонила, и ее там не было, а ее убили. — Оленька выпаливала сто слов в минуту, да еще ухитрялась всхлипывать и шмыгать носом, что отнюдь не улучшало дикцию.

— Кого убили?

— Ну, эту, как ее?

— Свету Серову, — подсказала я. — А перед этим она звонила в студию?

— Почему она звонила? — удивилась Оленька. — Когда?

— Ты же сама сказала, что она позвонила, и ты отпросилась.

— Я отпросилась, потому что Машка звонила, — абсолютно спокойно объяснила Оленька, глядя на меня, как на трехлетнего ребенка, который не понимает очевидных вещей.

— Машка — это кто?

— Ну, есть одна... Она, ну...

На распутывание клубка местоимений мы потратили часа два. Пожалуй, страниц десять этого фантастического диалога стоит пропустить. Из высокогуманных соображений. Впрочем, последовательность событий, хотя и без полной уверенности, реконструировать-таки удалось.

Вчера, примерно в половине второго, Оленьке позвонила некая Машка. По неясным для меня причинам ее Оленька в посягательствах на умопомрачительного Димочку не подозревала. Просто Машка сообщила, что ненаглядный Оленькин Димочка намылился сводить пообедать некую рыжую девицу, при одном воспоминании о которой Оленька начинала трястись в истерике, поскольку грудь у девицы была, как у Памелы Андерсон силиконового периода, и против такого «богатства», конечно, ни один мужик не способен устоять.

Услышав об очередной угрозе тихому личному счастью, Оленька, естественно, отпросилась у доброй Ланы Витальевны и на всех парах ринулась к месту работы несравненного. Несравненный, натурально, дымился от трудового энтузиазма, то есть, попросту говоря, находился в запарке и ни о каких обедах ни с какими посторонними девицами и помыслить не мог — за полным отсутствием свободного времени. Оленька, однако, решила, что это все лишь игра на публику, то бишь, на начальство, и устроилась в ближайшем скверике дожидаться, когда же ее сокровище прекратит притворяться, сбежит с рабочего места и... тут-то она его и выловит. Ход не самый умный, но распространенный.

Сокровище «горело на работе» часа три. Догорев, оно появилось на улице в сопровождении еще троих таких же героев труда, и не остывшая еще компания дружно двинулась к неведомым целям. Оленька двинулась за ними. Через полчаса неведомая цель приняла вполне материальные очертания. Ну, помилуйте, куда могут отправиться четыре мужика по окончании рабочего дня, при таких-то погодных условиях? Конечно же, на набережную, пить пиво.

Когда четыре «мушкетера» взяли по третьей кружке, Оленька поняла, что «агентство ОБС» — «одна бабка сказала» — чего-то напутало, и растерялась. После попытки позвонить верной Машке растерянность переросла в полное недоумение: Машка уже четвертый день как отбыла в ко-

мандировку, и появления ее не ожидалось раньше середины следующей недели.

— Получается, что я сама ушла, — совершенно убитым голосом закончила Оленька и с надеждой посмотрела почему-то на меня.

— Ну и что?

— Если бы в студии кто-то был, как бы ее убили? — Любительница местоимений зашмыгала носом чаще, похоже, намечался очередной этап «слезотерапии».

— Пстой-пстой, — удивилась я, — а откуда ты вообще знаешь, что кого-то убили?

— Катька сказала, — сообщила Оленька.

— Что за Катька? — шепотом спросила я Ланку.

— Менеджер из «Тирса», я им часто съемки делаю, — так же шепотом ответила она.

О неизвестной мне Катьке Оленька рассказывала почти спокойно:

— Она пришла насчет съемки договориться, бабка ей и доложила.

— Какая бабка?

— Ну, эта, внизу...

— Вахтерша?

— Ну да, — подтвердила Оленька. — Катька мне звонит, чего у вас там такое, а я же не знаю ничего, меня же не было... Но меня ведь не просто так не было, я ничего не придумала! Машка взаправду звонила! Только я не знаю, как...

— В офисе телефон с памятью, утром поглядим — переглянувшись со мной, сказала Лана.

— Думаешь, кто шляпу спер, тот и тетку пришил? — усмехаясь, предположила я.

— Какую еще шляпу! — выступила Оленька. — Я не брала никакой шляпы, все были на месте!

Объяснять мы не стали. Великого Шоу она явно не читала. По крайней мере, Бернарда. Хотя, думаю, что и Ирвина тоже вряд ли. А шляп в Ланкиной студии десятка полтора, и действительно все были на месте.

Тем временем Оленька успела тихонько приговорить последний стакан мартини, еще немного повсхлипывала и сонно засопела. Мы отвели ее в комнатку, которую Ланка именовала «гостевым чуланом», уложили и вернулись на кухню. Почему в России все мало-мальски важные разговоры ведутся именно на кухне?

— По-моему, все это странно, — подытожила Ланка. — Только что мы с этим «странно» делать будем?

— А я знаю? Который час?

Ланка потянулась к буфету за часами.

— Половина третьего. Спать хочешь? Замучила я тебя? Постелить?

— Да постелить-то можно, а спать, наверное, еще нет... Интересно, Ильин там еще стоит?

Я спросила из чистого сочувствия, а Ланка подумала о другом:

— Ты думаешь, он меня подозревает?

— Всерьез, наверное, нет, скорее так, по ходу дела. Просто интересно, уехал или нет?

— В таком случае ассоциации у тебя, знаешь ли...

— Чем тебя мои ассоциации не устраивают? — Я зевнула. — Чистое человеколюбие. Мы спать ляжем, а он там, бедный, мучается, следит... Мужиков вообще беречь надо, а таких — тем более.

— Да кто бы спорил! — Впервые за этот длинный-предлинный день Ланка рассмеялась. Лучше бы она этого не делала. В безмолвном доме смех прозвучал жутковато, мы даже вздрогнули, но сделали вид, что все в порядке. — Классный мужик, теперь таких почти что и не делают. А глаза — так и вообще обалдеть!

— Эй, подруга, но-но! Руки прочь от братской Кубы! — погрозила я ей пальцем.

— Да я чего? Я исключительно в профессиональном смысле! — подмигнула она.

— Ну, разве что в профессиональном... Хотя... Даже если и не только, вполне могу понять. Никита — редкостная... м-м... прелесть.

— Ага, а кто три часа назад эту самую «прелесть» хитроумнейшими способами с хвоста сбрасывал? Ты случайно не помнишь, кто это был?

— Одно другому не мешает, — отмахнулась я. — И кстати...

Зная меня, Ланка не преминула съязвить:

— Которое, конечно, совсем некстати.

— Не совсем. Я все думаю, как теперь из Ильина информацию вытаскивать. Сегодня-то он был почти готов к употреблению, да ты меня выдернула. — Я потерла слипающиеся глаза, и в голове немного прояснилось. — А что, если с ним взаимовыгодный обмен устроить?

— Что на что? — В Ланкиных ореховых глазах блеснул живейший интерес.

— А Оленьку ему отдать. Пусть мучается, а?

— Да ты что, он же застрелится!

— От меня же не стреляется, — опять зевнула я. — То есть, ты не возражаешь?

— Если ты считаешь, что это может быть полезным...

«Полезным» я, собственно, считала совсем другое, о чем и не преминула сообщить:

— Вообще-то мне хотелось бы, чтобы твоя скрытная милость перестала лапшу мне на уши вешать.

Ланкина физиономия выражала явственные сомнения — и хочется, и колется, и мамка не велит. Наконец чаша весов куда-то все же склонилась:

— Почему это я скрытная?

— Ну, здравствуйте! Почему ты скрытная — вопрос к тебе, а не ко мне. А почему я так считаю... Ты что, думаешь, я такая же идиотка, как твоя Оленька? И вечер ты провела в гордом одиночестве, и ключей от студии ни у кого не было. Не морочь мне голову! Не хочешь говорить, так и скажи: фиг тебе, Маргарита Львовна, это не мой секрет.

— Фиг тебе, Маргарита Львовна, это не мой секрет, — усмехнувшись, повторила Ланка.

— А теперь подумай. Я ведь к Ильину в любом случае докладывать не побегу, это понятно?

— Понятно, ну и что?

— Пока ничего, едем дальше. Если ты бережешь самую главную любовь, какая, наконец-то, случилась в твоей жизни, — вопросов нет, причем в буквальном смысле слова. Однако вникни. Никто не живет в безвоздушном пространстве. Не можешь же ты думать, что роман Большого Человека пройдет незамеченным его окружением? Не можешь, не можешь, и не делай безразличное лицо. Возле каждого Большого Человека крутится масса публики, которая всегда в курсе происходящего.

— Рит, может, мы спать пойдем, а? — жалобно проговорила Ланка.

— Ага, сейчас пойдем. — Я начала сердиться. — Ильин тебя не знает, потому запросто поверил, что ты вчерашний вечер посвятила — как ты там выразилась? — отдыху, да? Я, кстати, тоже вполне допускаю, что твое вчерашнее вечернее времяпрепровождение не имеет отношения к этой девице. Однако случаи бывают разные, поэтому я сказала бы — вероятно, почти не имеет.

— То есть? — нахмурилась она.

— А ты представь гипотетическую ситуацию. В окружении персонажа, с которым тебе приятно проводить свободное время, и которого ты столь благородно прикрываешь, есть, предположим, некто. Просто Некто. Света Серова работала, если ты не в курсе, в крутом сувенирном магазине, таких у нас — раз-два, и обчелся, там половина важных функционеров покупает презенты своим начальникам и сослуживцам. По этой самой причине наш Некто вполне может знать симпатичную девочку Свету, которая, к тому же, охотится на крупную дичь. А раз охотится, значит, какие-то отношения с разными персонами у нее складываются. Можно предположить, что кому-то из персон — пусть даже третьего ранга — она вдруг начинает мешать?

— Ну, можно.

— А дальше — два плюс два. У нашего Некто есть возможность получить дубликаты ключей от студии — раз. Заманить в студию Свету с ее модельными амбициями — не вопрос, это два. Кроме того, наш Некто в курсе, что Ланы Витальевны в этот вечер в студии не будет, поскольку занята она совсем в другом месте. Остается лишь обеспечить отсутствие сдвинутой на своем приятеле секретарши — и готово. Место и время обеспечены, и связать нашего Некто с непонятно откуда взявшимся трупом никому не удастся. Ни-ког-да. Очень удобно. А что у Ланы Витальевны в результате сорвется контракт из серии «единственный шанс в жизни», так это нашего Некто ни на грамм не беспокоит.

— Рит, хватит из меня душу вынимать. Чего ты хочешь?

— Вторую версию, всего-навсего. Честно говоря, схема, по которой труп тебе подбрасывают завистники, мечтающие сорвать твоё сотрудничество с американцами, — хоть режь, мне кажется, за уши притянута.

— Да мне, вообще-то, тоже. Но почему непременно...

— А потому, что студия — это не центральная площадь, то есть, не общедоступное место. Туда, во-первых, надо попасть — то есть иметь ключи, во-вторых, надо знать, что там никого не будет, — а такое случается крайне редко, обычно ты там торчишь до девяти-десяти вечера. Так что, хочешь — не хочешь, а злодея придется искать где-то поблизости. Но, конечно, ежели у тебя вдруг нарисовалась самая большая в жизни любовь, дело ваше, я и приставать не стану.

— Ну, как большая... — задумчиво протянула Ланка, — обычная.

— Однако мы такие благородные, что будем защищать своего избранника от всех и вся до последнего патрона. Я от тебя умру, честное слово! Хочешь, поклянись, что никому не скажу, пока ты сама не разрешишь?

— Да ладно, я и так не думаю, что ты кому-нибудь скажешь. Просто у него жена — мегера жуткая, да ты ее знаешь, и если, не дай бог что, он вылетит отовсюду, да и детей больше не увидит.

— Не дай бог — что? Про баньки, прости, дорогая, куда Большие Люди ходят с девочками, мегера не знает?

— Баньки — одно, а вот что-то продолжительное...

— Любопытная точка зрения. Грубо говоря, девочки допускаются, но порядочные дамы — абсолютное табу, так? Забавно. А с этой Светой у него ничего не могло быть?

Ланка задумалась. Все-таки я ее достала. Спать пора, ей-богу, грешно над людьми измываться.

— Не думаю. Так, что-то разовое, вроде «баньки», как ты выражаешься, еще может быть, но не больше. Слушай, а может, она сама?

Мне захотелось плюнуть на все и отправиться домой. Или хотя бы что-нибудь разбить.

— Ты вообще-то веришь в то, что говоришь? Никто кассиршу не убивал, она сама грибами отравилась, да? Чего это у тебя в студии такого ядовитого?

— Ну... — протянула Ланка.

— Не «нукай», сказали же, почти наверняка клофелин с водкой. Надеюсь, клофелин ты на полочке не держишь?

— Нет, конечно.

— А говоришь — сама. всю жизнь девочка Света жила по принципу «мне-мне-мне», а тут вдруг решила, что жизнь не удалась, и надобно себя этой самой жизни собственной рученькой лишить? С какого перепугу, ты подумай! Разве что для демонстрации, чтоб всех напугать и тебе насолить, с истеричками такое бывает. Тогда где прощальное письмо, обвиняющее злую Лану Витальевну в гибели юного существа? Это раз. Как она в студию попала? Это два. Кто-то впустил, посмотрел, как она умирает, испугался и сбежал? И прощальное письмецо с собой прихватил, так? Но прости, дорогая, кто? Это же, повторяю, студия, а не проходной двор.

Ланка задумалась, но вряд ли над мотивами возможного самоубийства столь мало подходящей для подобного поступка личности. О чем-то своем задумалась ...

— Черт с тобой, уговорила. Но — никому, иначе я вовсе свинья получаюсь.

— Нет, завтра же напишу полтора десятка статей на тему «личная жизнь монархов» и разошлю во все крупнейшие газеты!

Ланка вздохнула и буквально выдавила из себя:

— Это Максим Ильич.

— Ох, ни фиги себе!

Фамилию Ланка все-таки не назвала, да это и не требовалось. Максим Ильич у нас в Городе — ну, по крайней мере, на «высшем» уровне — один. Фамилия его — Казанцев, и он действительно Большой Человек, немногим ниже мэра, а для полутора миллионного города это немало. Положением своим Максим Ильич во многом обязан супруге (о чем все знают), а она и в самом деле редкостная мегера, да и вся ее семейка — тоже те еще фрукты. Да, угораздило Ланку.

Перед тем как укладываться спать, я все-таки прокралась в переулок посмотреть — Ильина не было.

Нам нет преград ни в море, ни на суше!*Гарри Гудини*

Проснулась я с ощущением фантастического дежавю — это уже было. Честное слово! Зелень американского клена, пробитая солнцем, и на ее фоне — две лохматые ноги.

Конечно, ноги были самые обычные, косматились джинсы, из которых они торчали.

Кешка! Несовершеннолетний компьютерный гений, живущий в соседнем доме. По теплomu времени этот балбес признает только один способ ходить в гости: репшнур из своего окна к моему балкону, то бишь, лоджии.

Кстати, а как это я оказалась на своей лоджии? Помнится, мы с Ланкой проболтали чуть ли не до четырех утра — небо уже начинало светлеть. А потом я здраво решила: спать мне, в общем, все равно где, а вот просыпаться я люблю дома: зимой — на диване, летом — на лоджии. Так какая разница, добираться домой в восемь утра или в четыре? Такси ездят круглосуточно.

Обладатель лохматых ног тем временем соскользнул ниже и уселся на барьер лоджии.

— Привет! А я все знаю! Твоей приятельнице — кстати, передай ей мои поздравления, сайт у нее очень симпатичный, и девочки вполне ничего — подбросили в студию труп, а ты морочишь голову Ильину и вводишь в заблуждение следствие.

— Стоп, давай помедленнее, я не успеваю, — взмолилась я сквозь остатки сонного тумана.

— Может, тебе кофе сделать? — предложил заботливый отрок.

— Кофе потом. Когда ты с Никитой успел пообщаться?

— А ты спи дольше! — фыркнуло юное дарование.

— Так воскресенье же!

— Ага, а в воскресенье время на месте стоит, да? Знаешь, который час?

— Ну, судя по солнцу... — Я задумалась. Правда, больше над тем, как повежливее заставить незваного гостя отправиться восвояси и немножечко еще подремать.

— Когда это ты выучилась время по солнцу определять? — съехидничал незванный гость.

— А я, может, талант! — Меня все еще не оставляла надежда на продолжение сна.

— Даже целый гений, не возражаю, — не унимался Кешка. — Только тут одного таланта маловато будет.

— Глебов, ты просто свин, на том свете черти твоей головой в колокол бить станут.

— Ага, — согласился покладистый отрок. — Именно черти, и именно в колокол, которого они, по всем данным, боятся как...

— Как черт ладана, изверг! Дай поспать!

— Маргарита Львовна, половина одиннадцатого, между прочим. Хватит дрыхнуть!

— Злой ты, Иннокентий, — с самым искренним чувством сообщила я, — и не гуманный.

— А что, злые бывают гуманными?

— Еще как бывают, — фыркнула я, почти смирившись с тем, что поспать больше не удастся. — Игнатия Лойолу вспомни, вот уж великий был гуманист.

— Так не злой же!

— А что, добрый?

Бессмысленная перепалка привела к желаемому результату: сонный туман из мозгов почти улетучился. После довольно формальной зарядки, водных процедур и кофе, сваренного заботливым оболтусом по прозвищу Иннокентий, мозги проснулись окончательно, и гневная Маргарита Львовна начала смотреть на упомянутого Иннокентия почти дружелюбно. Здоровое желание придавить подушку еще хотя бы на пару часиков тихо скончалось в неравной борьбе с нездоровым любопытством.

Во-первых, с чего бы это всегда тактичный Глебов вздумал столь по-хамски прерывать мой безмятежный сон? Во-вторых, откуда он знает про труп? То есть, откуда — ясно, Ильин насвистел. Но тогда самое главное — когда это они успели пообщаться, и чего друг другу наговорили?

— И когда ты нашего свет Игоревича видел? — поинтересовалась я, выливая из джезвы последнюю порцию. Глебов укоризненно посмотрел на меня — действительно, нельзя же кофе хлестать в таких количествах, — забрал посуду и начал готовить опасный для сердца и нервов напиток заново, бросив через плечо:

— А я его не видел.

— Глебов! — возмутилась я. — Прекрати морочить мне голову! Прекрасно ведь понимаешь, о чем я.

— Ну ладно, ладно, — примирительно буркнул Иннокентий, сосредоточившись на кофе. — Докладываю. Ильин позвонил часа полтора назад, мол, надо узнать, дома ли твоя милость, а то телефон не отвечает. Мне нетрудно, спустился, вижу — ты спишь, так и сказал.

— И ты три этажа вверх по шнуру возвращался?

— В девять утра? — покрутил он пальцем у виска. — На глазах восхищенных дачников, отправляющихся на любимые участки? Я чего, псих, что ли? Через твою квартиру и вышел, подумаешь, сложность — дверь открыть-закрыть. Кстати, Никита, по-моему, удивился, что ты дома.

— Глебов, ты прелесть! Никитушка всего-навсего хотел выяснить, дома ли я ночевала, а ты взамен ухитрился вынуть из него такое количество информации. Феноменально! С каких веников он вообще стал тебе про труп докладывать и про мое к этому отношение?

— Ну... — весьма содержательно ответило гениальное дитя, задумчиво разглядывая кактус на подоконнике.

— Ладно, оставь свои секреты при себе. Чего он тебе еще кроме наличия трупа успел рассказать?

Рассказать Ильин успел массу любопытного. Труп, судя по следам, пришел в студию своими ногами — от ее шпилек даже на Ланкиных плитках царапинки остались. За полотноща, однако, труп сам не заползал — вначале сидел, еще в живом виде, на одном из стульев, потом свалился, и кто-то его в уголок оттащил. Волоком, и, скорее всего, в одиночку. Умерла девушка часов так в семь-восемь вечера, от банального клофелина с водкой, точно скажут после более детального исследования, но неожиданностей вроде не предвидится. Следов борьбы нет, так что никто ее не душил, за руки не держал и отраву в прелестный ротик не вливал, сама употребила. Кстати, и по голове девушку тоже не били. Доза принята изрядная, смерть, по идее, должна была наступить приблизительно через час после «употребления». Хотя со временем возможны варианты. В сумочке девушки Светы имело место быть некое противоаллергическое средство с труднопроизносимым названием. Если она его принимала — а судя по содержимому желудка, скорее всего, да, причем практически одновременно с выпивкой, — должен был случиться эффект отсрочки, скажем, часа на два. Сумочка лежала под правым плечом, она летняя, плетеная, вроде циновки, естественно, никаких отпечатков на таком материале нет. Кроме упомянутого средства от аллергии там лежало обычное дамское барахло: косметичка, кошелек, сотовый телефон, ключи — не от студии, сигареты, зажигалка, какие-то бумажки и прочее в том же духе. Ничего подозрительного. Следы взлома на двери студии также от-

сутствуют, родным ключом открыли. Оч-чень содержательный рассказ получился.

И тут в мою голову закралась крамольная мысль: Глебов-то, само собой, гений, да? Но ведь и Ильин не абы кто? И вот так запросто вываливает полный мешок фактов? Должно быть, сомнения отразились на моем лице вполне явственно, так как Кешка мгновенно считал их и спросил:

— Ты что, думаешь, он специально?

— Ничего я не думаю, лучше приготовь мне еще кофе.

Глебов выполнил мою просьбу, налил в чашку свежего кофе, а в награду потребовал компенсации в виде встречной информации.

Про Ланкин роман я умолчала — не мой секрет, и вообще, в этом направлении гениальный Глебов все равно ничего сделать не сможет, а остальное вывалила «от и до». Правда, на мою версию обнаружения трупа Кешка фыркнул:

— Ладно-ладно, это ты Ильину рассказывай, а то я тебя не знаю. Да не прыгай ты, это неважно. Если ты убеждена, что твоя подруга ни при чем, так тому и быть. Хотя ты у нас девушка доверчивая...

Но по-настоящему Иннокентия заинтересовало лишь сообщение о Лидусином муже, давным-давно сопровождавшем жертву при известном визите. Кешка тут же пожелал подробностей.

— Да где ж я тебе их возьму? Витьку я и видела-то, в общей сложности, раз пять в жизни, когда он за женой в редакцию заезжал. Кажется, у него свой автосервис, или гараж, или еще что-то в этом духе. Вроде бы он не то шофер, не то автослесарь, но выбился в люди. Да ты меня не слушай, я сама толком не знаю.

— А Лидуся, значит, у вас в «Городской газете» работает?

— Работала. По-моему, Витька ее ревновал ко всяким посетителям и заставил уволиться — сиди дома, воспитывай детишек. Как же! Накормить-обстирать — это да, тут Лидуся мастер, а вот чтобы воспитывать — вряд ли.

— Детишки? Их что, много?

— Три оболтуса, от шести до четырнадцати лет, все мужского пола, и все очень даже самостоятельные — впрочем, с такой мамой не удивительно.

Кешка потребовал уточнений:

— С какой такой?

Я погрузилась в размышления, но через пару минут махнула рукой:

— Это безнадежно. Она неопишима.

— В каком смысле?

— В прямом. Ее описать невозможно, надо лично пообщаться, и то трудно поверить, что такое бывает. Знаешь, она настоящее дитя природы. Хоть дурное, но дитя.— Своих слов мне не хватило, пришлось цитировать Филатова.

— Ничего не понимаю, — честно признался Иннокентий.

— Не ты один. Только не усложняй, тут лучше упрощать. На самом деле Лидуся — прелесть. Пуп земли. Вот ты можешь себе представить, чтобы меня в ком-то не раздражал ярко выраженный хватательный рефлекс? А в ней не раздражает. Она по-другому не умеет, природой не заложено. Это не от жадности, отнюдь, она скорее щедрая, случайных гостей принимает, как самых желанных людей, но если где-то можно чем-то поживиться, ручки к добыче тянутся автоматически. Мозгов, по-моему, у нее в принципе нет, зато инстинкты развиты сверх всякого. Рядом с таким чутьем интеллект отдыхает. Лидуся плывет по течению, вечно во что-то влипает, но всегда выходит сухой из любой лужи, потому что абсолютно точно знает, когда и как себя вести, чтобы все получилось по ее хотению. Нормальный человек линию поведения обдумывает — и нередко ошибается, выбирает не лучший вариант. А Лидуся просто знает, и все, безо всяких размышлений. Никаких комплексов, и еще меньше моральных принципов. За полной ненадобностью. Ну, знаешь, Эверест ведь никому не доказывает, что он Эверест, просто возвышается, и все. Кстати, с ней очень приятно общаться, даже скандалы какие-то натуральные, и потому не раздражают. Налетела гроза, потом снова солнышко засияло. Невероятно легкий человек. Да, ты не поверишь, читать очень любит и кроссворды отгадывать.

— И кем это сокровище в редакции трудилось? Ведь на ваши заработки троих детей содержать... — Глебов с сомнением покачал головой.

— Трудилось оно завхозом, а что касается заработков — так это неважно. Их Витька кормит, и, судя по всему, очень неплохо кормит, а Лидуся работала, только чтобы дома не киснуть.

— Интересно...

Ход глебовской мысли был абсолютно ясен: при таком раскладе какая-нибудь «модельная штучка» могла представлять серьезную угрозу семейному очагу и материальному благосостоянию. А от угроз Лидуся избавлялась виртуозно, ускользая от них, как мокрый обмылок из пальцев. Если бы у Витьки появилась вдруг пассия, а Лидусе пришло в голову нахалку ликвидировать — никакие моральные угрызения ее бы не остановили. И проделала бы она все просто и без затей: зазвала бы в гости, накормила крысиным ядом или еще чем столь же полезным, да еще и ужасалась бы потом — ах, такая молодая, и вдруг померла!

И ведь сошло бы с рук, как дважды два, сошло бы, списали бы на несчастный случай или на самоубийство, но Лидусе бы поверили, как всем святым пророкам вместе взятым.

А что у нас? Закрытая студия, от которой ключей раз-два и обчелся, непонятно как попавший туда труп. И это — Лидуся? Накормила соперницу отравой, и через полгорода — ну, пусть не через полгорода, от ее дома до ДК минут сорок, но все-таки не ближний свет — отвезла к Ланке в студию? Да не морочьте мне голову! Не говоря уж о том, откуда бы у Лидуси ключу взяться, да ей мысль о какой-то студии просто в голову бы не пришла. Максимум, чего от Лидуси можно ожидать, — что она жертву из квартиры выведет. Да и то поленилась бы, у нее основной жизненный принцип — не напрягаться.

Но это, знаете ли, мои личные соображения, Глебов Лидусю в глаза никогда не видел, а представить такой персонаж, тем более его поведение в экстремальной ситуации, никакой фантазии не хватит. И объяснять бессмысленно.

— И что ты собираешься делать? — поинтересовался Кеша.

— Тебе честно или вежливо? Если честно, то намереваюсь засесть за ваяние очередной «нетленки». У меня, Кешенька, знаешь ли, еще и работа есть, не забыл? Тексты надо сдавать вовремя, иначе в зеркало на себя смотреть противно.

На самом деле материалы были вовсе не такие уж срочные, сдаваться надо было не позднее утра среды, я планировала сделать это во вторник после обеда. Казалось бы, времени для писанины — вагон и маленькая тележка. Но кто же знал, что у меня под боком убийство случится? И уж тем более никто не знает, как ситуация будет дальше развиваться: вдруг — стремительно? Кто тогда за меня работу вовремя сделает? Надо пользоваться временем, пока оно есть.

6

***Трудно искать черную кошку в темной комнате.
Особенно, если ее там нет.***

Юрий Куклачев

Тексты не шли. Ни один. Я собирала их не то, что по строчке — по словечку. Выдавливала из себя идеи, как Чехов — раба. У Чехова получилось,

у меня — нет. То есть, на недостаток собственно идей грех было жаловаться. Они не сочились по капельке, они брызгали не хуже теплого шампанского из неаккуратно открытой бутылки. Беда лишь в том, что ни к жилищно-коммунальному хозяйству, ни к системе профессионального образования, ни к проблемам дорожного строительства эти идеи не имели ни малейшего отношения. Мысли текли исключительно в сторону «особых обстоятельств».

Более всего меня смущал выбор средства. Клофелин? Легкодоступный гипотензивный препарат, в сочетании с алкоголем, хорошо усыпляет, благодаря чему употребляется девушками определенного сорта для исполнения дивертисментов в жанре «динамо». Говорят, ненадежный: то уснет клиент, то сразу помрет. Видимо, снотворная доза близка к летальной — хочешь кого-то усыпить, а получается труп. В общем, клофелин, да еще с водкой, — это как-то неинтеллигентно, в смысле — умный человек для убийства другое средство выберет, понадежнее.

Вот если бы сама девушка Света кого-то с помощью популярного препарата на тот свет отправила — в этом не было бы ничего удивительного. Ибо она-то как раз к определенному сорту явно относилась, пусть даже продавалась оптом, а не в розницу.

Или искать надо среди Светиных подружек? Но тогда при чем тут Ланкина студия?

Мотив — ладно, мотив можно пока не придумывать, мы их и так уже миллион накидали. И все одинаково вероятны. Например, отличное средство для отпугивания перспективных партнеров.

Первая группа — «гамбиты»: личность жертвы роли не играет, труп в студии — способ создать проблемы Ланке.

Вторая — «кого хотел, того и убил»: Света мешает — Свету ликвидировали. С Ланкиными делами это никак не связано.

Третья группа — «двух зайцев одним выстрелом» — пересекается и с первой, и со второй.

Кто мог использовать труп, чтобы насолить самой Ланке? Да кто угодно! Оленька, бухгалтерша, кто-то из конкурентов, кто-то из покинутых поклонников, кто-то из ревнивых баб, да муж, в конце концов! Хотя последняя версия — самая невероятная. Зачем бы Генке плевать в Ланкин компот? Ведь в случае успеха с заокеанскими коллегами деньги, слава и прочие блага жизни шли бы на пользу семье, так? Значит, в Генкиных интересах — чтобы у супруги все получилось. Насолить ей, если бы уж захотелось, он мог бы и другими способами.

Бухгалтерша? Как бишь ее? Ах да, Лариса Михайловна! Могла иметь на Ланку зуб? Запросто. Но как объект подозрений — неубедительна. Логика людей, занятых финансовыми манипуляциями, для меня темный лес. Но это — логика. По моему скромному разумению, бухгалтерские мозги полны холода и здравомыслия. А вот использовать труп, дабы насолить кому-то, — такое изобрести может лишь... Лишь кто? Свой брат-фотохудожник? Ревнивая женщина? Отвергнутый поклонник? Ага, точно, и непременно из чиновников — они мастера на интригу. Но — клофелин, клофелин...

Оленька вполне могла бы не любить свою работодательницу, например, по причине той же ревности. Существо она достаточно безмозглое, нормальной человеческой логике ее поведение не поддается.

Личные мотивы могли быть у миллиона человек. Но этим пусть Ильин занимается, мне известны только Лидуся с мужем.

И все-таки, отравили девушку Свету из-за Ланкиных или из-за собственных дел? Внутренний голос отвечать не пожелал, дрых, должно быть, или обиделся на что-то. Может, надо развернуться и думать в другом направлении? Но откуда куда? Хоть монетку бросай: если «решка», девушку Свету убили по ее собственным личным обстоятельствам, если «орел» — убили, чтобы Ланке нагадить. Чем не метод? Бросила. Монетка докатилась до отверстия и остановилась, вернее, встала на ребро. Заклинило.

Я с минуту тарасилась на это зрелище, монетку трогать, конечно, не стала — буду гостям демонстрировать: вот я какая необыкновенная, даже монеты у меня на ребро встают, а потом решила заняться обдумыванием обстоятельств места и времени действия. Особенно места.

Труп в студии мог оказаться по трем причинам: для запутывания следствия — если виновный практически не имеет отношения к студии, по удобству использования — в таком случае ставка на изоляцию и недоступность, и, наконец, — чисто случайно, потому что так сложилось.

Отточенные миллионом прочитанных детективов мозги отказывались верить, что студия оказалась местом нахождения трупа совершенно случайно. Не бывает таких случайностей. Связь есть, только я ее не вижу. Собственно, вариантов всего два: либо девушка Света пришла туда с кем-то, у кого был ключ, либо пришла сама по себе, а «кто-то» там уже находился.

Начнем с последнего варианта — пришла «сама по себе». Зачем? Да так же, как под Новый год, скандальчик устроить. И кто же тогда ее убил? Тот, кто занимался там своими делами? А клофелин с водкой откуда? На всякий случай принес? Потому как у девушки Светы ничего такого в сумочке не было.

А если никакого «кто-то» нет? Могла ли Света как-то завладеть ключом от студии? Ну, если бы поставила себе цель, наверное, могла бы, но сомнительно. Значит, хочешь — не хочешь, придется искать таинственного «кого-то», искать среди тех, у кого был или мог быть ключ. Ланка, ее нынешний приятель, Оленька, Лариса Михайловна и... и все. Еще, конечно, комендант, но с тем ключом вроде все ясно. Итак, четыре человека, у которых были свои ключи, плюс какое-то количество неизвестных людей, у которых была возможность сделать с упомянутых четырех ключей дубликаты.

Еще вариант — Ланка, убегая, могла попросту забыть запереть дверь. Тоже сомнительно, но надо спросить у нее, а также на всякий случай узнать, не теряла ли она когда-нибудь этих чертовых ключей? Хотя я ее так пытала насчет «у кого еще», что про потерю она наверняка вспомнила бы. Да Ланка и не из тех, кто что-то теряет.

Ну вот, четыре человека — уже не двадцать пять, все-таки попроще будет.

Теперь — что у нас со временем? Чтобы заявиться в студию, ради убийства или по своим личным делам, мало иметь ключ, нужна еще уверенность в том, что будешь один, никто не помешает. Хотя это уже менее принципиально, зависит от того, что за дела человека в это место привели. Предположим, кто-то пришел к Ланке, ключ есть, а Ланки нет. Тут случайно выясняется, что ее и не будет, и никого не будет — очень удобно. Стоп, Маргарита Львовна, ты же решила, что таких случайностей не бывает. В кои-то веки студия осталась пустая, и именно в это время... Оленьку ведь кто-то из студии удалил? Тоже случайность?

Вообще-то Оленькина история может и не относиться к делу. Например, это злая шутка одной из ее подружек.

Нет, что-то много совпадений получается. Хотя, говорят, идеальное убийство — это спонтанное использование сложившихся обстоятельств. Но если все случайно сложилось, мы точно не выясним, в чем дело, по крайней мере, до приезда американцев. Времени мало. Придется исходить из того, что в событиях есть логика.

А не могла ли Оленька все придумать? Никто ей ничего не сообщал, все — вранье. Значит, еще один вопрос для Ланки — был ли звонок непосредственно перед тем, как Оленька кинулась отпрашиваться. Но, что бы там ни было, а Оленька, как минимум, знала, что в студии никого не будет.

Или нет? Про отсутствие бухгалтерши, конечно, знала, а про Ланкины планы? Вот еще один вопрос: говорила ли Ланка Оленьке о том, что собирается уходить?

Как ни крути, Оленька — подозреваемый номер один. Кроме нее о том, что в студии пусто, железно знала только сама Ланка. Ее приятель, скорее всего, в такие мелочи не вникает. Лариса Михайловна? Могла бы знать, но вряд ли Ланка докладывала ей о своих личных планах, а уж об Оленькином «побеге» и вовсе.

Ну и, конечно, есть некоторое количество людей, которые могли, во-первых, знать график работы Ларисы Михайловны, во-вторых, догадываться о Ланкиных планах на этот вечер, в-третьих, позвонить и удалить из студии Оленьку. Но у этих «некоторых» должны быть ключи. И конечно, одним из этих некоторых — при наличии соответствующих причин — вполне могли бы оказаться и Лариса Михайловна, и Ланкин приятель, и кто-то из его окружения, и кто-то из Ланкиных заказчиков или конкурентов.

Правда, Лариса Михайловна в нужное время была на своей основной работе — интересно, а далеко ли ее «основная работа» от студии? А Максим Ильич был с Ланкой от обеда и далее, что обеспечивает ему железобетонное алиби.

А вот лично у меня никакого алиби на вечер пятницы как раз нет!

Список опять начал расползаться. Дабы поставить в размышлениях хоть какую-то точку, я позвонила Ланке. Результаты, увы, не ошеломляли. О своем намерении отдохнуть Ланка сообщила Оленьке еще в четверг — вдруг кто пожелает съемку заказать, пусть тогда сразу на выходные или на следующую неделю записываются. Причем сообщила в присутствии Ларисы Михайловны.

Звонок, после которого Оленька кинулась спасать личное счастье, действительно был, номер, к сожалению, не определился. Она сразу переменилась в лице и, едва положив трубку, кинулась отпрашиваться. А поскольку Оленька все же не Сара Бернар, видимо, все было именно так, как она рассказывает.

Значит, звонок был либо чьей-то шуточкой, либо и в самом деле инструментом. Воспользоваться «инструментом» мог кто угодно, Оленька жаловалась на свои беды всем подряд, о ее личных делах могло знать полгорода.

Максиму Ильичу бухгалтерский график работы был по некоторым причинам отлично известен, а про очередной Оленькин взбрык Ланка сказала ему непосредственно при встрече.

Ключей она никогда не теряла, и вообще нынешняя ситуация — это единственный раз, когда ключи от студии выдавались посторонним. Дверь запирала — абсолютно наверняка, да это и не имеет принципиального значения, поскольку с утра дверь была заперта. А замок старый, не ан-

глийский, без ключа не закроешь и, что еще важнее, не откроешь. То есть, при наличии определенных навыков, наверное, и откроешь, и закроешь, но эксперты ясно сказали, что пользовались не отмычками, а родным ключом.

Я вдруг вспомнила, что хотела поинтересоваться основным местом работы Ларисы Михайловны, и позвонила Ланке. Место оказалось неподалеку от ДК, но...

— Зачем тебе? — тут же спросила она. — Ее ведь все равно там в пятницу не было.

— А где же она была? — тупо удивилась я.

— Она меня в четверг предупредила, что, если вдруг что-нибудь понадобится, то до понедельника. С утра она собиралась к зубному, потом на дачу.

— На свою?

— Привет, — хмыкнула Ланка, — откуда я знаю, не настолько мы с ней близки, чтобы о личных делах докладывать. Обсуждаем только то, что имеет отношение к работе.

— А ее стоматолог имеет отношение к работе? — Это я так попыталась съязвить, но неудачно.

— Более-менее. Мне могла потребоваться очередная консультация по проекту. Кстати, я действительно собиралась поработать с документами, а когда Лариса сказала, что ее не будет, подумала — вот и повод устроить себе небольшой праздник, плюнуть на все дела и отдохнуть. Как раз Максим Ильич из командировки возвращался.

— Ну, значит, спасибо ее стоматологу за твою веселую жизнь, — констатировала я. — Ты, случайно, не знаешь, где она лечится?

— Случайно знаю, в «Улыбке».

«Улыбка» мне была известна. Еще бы, классная клиника, если и не «самая» в городе, то уж как минимум «одна из». Я делала для них кое-какие рекламные тексты и даже рисовала эскизы для логотипа, а Ланка, кажется, в то же время фотографировала директорских детишек и еще кого-то — для плакатов «Улыбайтесь с нами!»

Вообще-то при таком раскладе добавляются еще и знакомые, даже дальние, Ларисы Михайловны. Если она собиралась к зубному и даже отпросилась с работы, злодею оставалось лишь выяснить планы Ланки — что нетрудно было узнать, например, у Оленьки, — и удалить с места будущих событий саму Оленьку.

Господи, как все это сложно! Лучше уж проблемы дорожного строительства, честное слово!

**Давайте радоваться нашим
успехам так, словно они есть.**

Виктор Степанович

По прошествии трех дней ситуация продолжала «висеть» — ни туды ни сюды. То есть, события, конечно, происходили, но все какие-то не те — пользуясь шахматной терминологией, возле доски, а не на ней.

Столбик термометра понял, что ему наверху хорошо, и опускаться не собирался. Кактус согласился, что подоконник ничем не хуже родной пустыни, и родил бутончик, хотя и не рекордных размеров, но зато абсолютно потрясающего оранжево-алого цвета.

У Санечки, двуногого редакционного справочника «Кто есть Кто в Городе», по случаю жары обнаружился сдвиг крыши: информацию об окружении Большого Ланкиного приятеля он выдал мне совершенно бесплатно. Явление настолько невероятное, что один из наших репортеров даже прошелся на тему теплых чувств, якобы питаемых Санечкой к моей скромной персоне.

Особого толку из информации, правда, не вышло. Я ее, конечно, использовала, потыкала палкой в муравейник, но сколько-нибудь ощутимых результатов не наблюдалось.

Глебов объявился лишь однажды, потребовал фотографию девушки Светы и вновь исчез. Только по телефону ежедневно сообщал, что «жив-здоров, ситуация под контролем, ждите». Приходилось ждать.

Ланка перестала паниковать, сообразив, что вождеделенному контракту практически ничего не угрожает — если только кто-нибудь сдуру не брякнет про этот чертов труп, а это вряд ли. Зато роман с Большим Человеком у нее, наконец, завершился — прямо как иллюстрация к пословице про друзей в беде. На первом же свидании, случившемся после известных событий, Ланка об этих самых событиях доложила ему. Нежный возлюбленный отреагировал неожиданно и, на мой скромный взгляд, не слишком адекватно: засуетился и засобирался по делам, о которых «совсем, черт подери, забыл». Ланку странное поведение героя почему-то смертельно обидело. Вряд ли она так уж нуждалась в этот момент в «крепком мужском плече», и конечно, в таких обстоятельствах надо было вести себя поосторожнее...

Образ сильного заботливого мужчины в одно мгновение разлетелся на миллион невидимых глазу осколков. Но Ланка ни присутствия духа, ни чувства юмора не потеряла. А я, грешным делом, подумала, что оно и к лучшему — Генка, Ланкин муж, мне нравился. Вроде бы приключения жены его ни на волос не задевали, но все-таки...

Нашлись в этой драме и иные плюсы. Ланка не только с удвоенной энергией набросилась на работу, но и потратила часа полтора на общение с вахтершей. С которой, кстати, Ильин побеседовал без малейшего успеха: ничего не знаю, никого не видела, да вы представляете, сколько тут в день народу проходит, я вам не компьютер и даже не фотоаппарат. Ланке же удалось извлечь из цербера довольно ценную информацию: видела она девушку Свету, а как же, в половине седьмого она явилась, может, в семь, одна, никого с ней не было, нет, не похоже, чтобы плохо себя чувствовала, наоборот, выглядела очень довольной, ну, прямо сияла вся, как кошка после миски сметаны.

С первого взгляда казалось: фактики — пальчики оближешь, но уже со второго стало ясно, что «ценную» информацию совершенно некуда приложить. Ну, одна, ну, очень чем-то довольная, значит, нужно выяснить, где она была перед тем, как заявиться в студию. Очень просто, да? А вот где угодно! В салоне красоты, на свидании, у портнихи... Даже картинную галерею — сколь бы сомнительной такая идея не выглядела — и то нельзя было с уверенностью исключить.

Попытки вызвонить Лидусю продолжались с нудной безуспешностью: ломкий юношеский голос отвечал, что «мама в Пензе, нет, не знаю, когда вернется». Ладно хоть не в Тимбукту, зная Лидусю, можно предположить что угодно. Однако пусть Пенза и недалеко, хорошего настроения эти сообщения не добавляли.

Даже бесконечно терпеливый Ильин в один прекрасный вечер утомился моими беспрестанными информационными домогательствами и вежливо объяснил, что, кроме великолепной, без всякого сомнения, Ланы свет Витальевны, у него есть и другие дела. А следователи тоже не семижильные, и вообще, чего мы, собственно, дергаемся — никто же не собирается вызывать на допрос наших возлюбленных американцев, просто не болтайте лишнего и все.

Впрочем, грех жаловаться, результатов расследования он от меня не скрывал. И эти результаты озадачивали. Про труп, пришедший в студию своим ходом и упавший там со стула, я уже знала. С этими передвижениями удалось разобраться без особых проблем, поскольку искомая обувь не только присутствовала, но и имела весьма характерные каблуки.

Иные же «посторонние» следы практически невозможно было выявить — слишком много народу проходит ежедневно через студию, поэтому их там в изобилии. Основное внимание, естественно, уделили посуде. Стаканов, рюмок и чашек в студии не густо, отпечатки на них достаточно старые — так что вряд ли их мыли недавно, разве что так, споласкивали. Ни в одной емкости никакого намека на клофелин. Да и водкой даже не пахнет. Зато есть следы чая, кофе, сахара, пива и любимого Ланкиного мартини. Значит, более чем вероятно, что отраву девушка Света заполучила где-то в другом месте. Поскольку в студию она пришла сама по себе, я не стала предполагать, что убийца принес свой стакан и потом его унес. Хотя... Могли ведь и порознь прийти. Из предосторожности.

Кстати, о предосторожностях. Начал вырисовываться мотив или, по меньшей мере, намек на него. На вскрытии выяснилось, что Света была на втором месяце беременности. А это, знаете ли, уже не просто так. Трудно поверить, чтобы девица ее сорта забеременела случайно, может, хотела окрутить кого-то из покровителей? Он жениться не пожелал, она пригрозила скандалом. Как заткнуть рот глупой бабе? Вот вам и труп. Правда, с чего бы она тогда шла в студию с таким довольным видом? И, кстати, чего ее вообще туда понесло?

Оленьку я Ильину «отдала» без особых угрызений совести, вот только новая свидетельница в восторг его почему-то не привела. Но мужик он честный и «долг» вернул сообщением о ближайшей подруге покойницы — некоей Натали. Натали! Наташа для них уже слишком вульгарно. Еще и ухмыльнулся, изверг!

Натали выглядела если не ангелом, то, как минимум, выпускницей Смольного. Золотая коса, бледный румянец на фарфорово-прозрачной коже — неброская и, видимо, безумно дорогая косметика, тихий мелодичный голос. В общем, девятнадцатый век, тургеневская девушка, нежное, абсолютно невинное дитя, которое, правда, изъяснялось не совсем так, как учили в Смольном. За беседу «невинное дитя» потребовало сто «баксов», а когда я восхитилась таким нахальством и пообещала крупные неприятности, «дитя» скромно опустило ресницы и робко сообщило:

— А у меня память плохая!

Вот прямо так, на голубом глазу. Глаза у нее и впрямь были нежно-голубые. Небесные, прозрачные, бездонные. Чистые-пречистые!

Ну что тут будешь делать?

Я позвонила Ланке, объяснила ситуацию, Ланка мгновенно прониклась важностью момента и пригласила в студию, пообещав бесплатную фото-

сессию. Тургеневская девушка размышляла недолго. Ясно было, что сто «баксов» ей от меня вряд ли обломаются, а сессия у хорошего фотографа стоит куда больше ста баксов. На том и порешили.

8

***Куда-нибудь ты обязательно попадешь.
Если достаточно долго идти.***

Агасфер

Операцию «Лучшая подруга» пришлось проводить в три приема — дабы ни у кого не было возможности устроить «динамо». Особенно у невинного создания. Договорились так: сначала Ланка делает снимки, затем «невинное дитя» рассказывает нам про девушку Свету, только после этого Ланка печатает снимки и вручает их созданию.

Пока они там занимались художественной фотографией, я оставалась совершенно не у дел. Конечно, если бы там был приличный диван, можно было бы предаться прекрасному безделью: в потолок посмотреть или даже книжку почитать. Но книжки, как на грех, у меня с собой не случилось, да и приличного дивана в обозримом пространстве не наблюдалось. Ужасное упущение со стороны администрации.

Впрочем, нет худа без добра. Для начала я обследовала дверь черного хода — очень мне в прошлый раз не понравилось, что она вдруг была открыта. В этот раз дверь стояла запертой. Совсем нехорошо, подумала я и двинулась на поиски потенциальных свидетелей.

В первом же помещении обнаружилась группа крепких молодых людей, нещадно избивавших бедную боксерскую грушу. То есть, избивал-то один, остальные производили всякие другие, столь же осмысленные физические действия, двое, к примеру, висели вниз головой на шведской стенке. Черный ход ребятишек не интересовал: с какой стати, тут до основной лестницы два шага. Ну да, им-то, может, и два шага, а по мне, так это не коридор, а вполне марафонская трасса.

Следующую комнату загромождали кипы каких-то брошюр и листовок. Их довольно бесцветная распорядительница согласилась со мной в ту же секунду, как только поняла, о чем речь. Конечно, безобразие, что черный ход всегда закрыт, уж и с администрацией ругались, все без

толку, а если вдруг пожар, люди, может, и успеют, а это все нипочем не вытащить. Пролистав две-три брошюры, посвященные возрождению национального самосознания и тому подобным великим миссиям, я обрела непоколебимую убежденность в том, что несколько тонн бумаги загублены совершенно напрасно, и на всем земном шаре не найдется человека, который захотел бы спасти эту макулатуру от пожара. Кроме «распорядительницы», разумеется.

Хозяйка следующей комнаты, оборудованной под небольшой офис, честно призналась, что дверь черного хода она открывала лично... Три месяца назад, когда привезли кое-какое конторское оборудование. И сама же ее закрыла. Мои сомнения по поводу разумности этого поступка, с точки зрения противопожарной безопасности, в душе хозяйки отклика не нашли. Она боялась воров, вдруг придут и все вынесут. Тем более, что дверь эта со стороны коридора еще, худо-бедно, закрывается, а со стороны лестницы — может, один раз из десяти. Зато изнутри отпирается плохо, так что пусть уж лучше всегда будет закрыта. Возражать не хотелось. Закрытая или открытая дверь черного хода на сохранность имущества не влияет. По внутренним лабиринтам ДК можно без проблем вынести десяток концертных роялей, а уж оборудование небольшого офиса — даже не смешно. Вот только кому это надо? Есть более доступные и гораздо более привлекательные объекты.

Стены следующей комнаты украшали результаты творческой деятельности ее обитателей: рисунки, вышивки, аппликации и прочее в том же духе. Обитатели исподтишка косились на меня, но от создания новых художественных ценностей не отвлекались. Даже самый старший по возрасту не разменял еще второго десятка. Попечительница этого «детсада» излучала радушие, но идея открыть черный ход привела ее в ужас — а сквозняки? дети могут простудиться! а ведь мы тут еще и танцуем, и в подвижные игры играем...

Следующие три комнаты занимали какие-то мелкие фирмы с невнятными названиями, в общем, очередные офисы. Их хозяева вообще не знали о черном ходе, то есть им просто никогда не приходило в голову, что тут имеется нечто подобное.

Через полтора часа изысканий я пришла к выводу, что никто из обитателей этажа в день «Х» к злополучной двери не прикасался. Эх, надо было и с нее отпечатки снимать, а сейчас наверняка поздно. И снова все стрелки сходились к Ланкиному небольшому коллективу, или, по меньшей мере, к кому-то, в этот коллектив вхожому. С тем я и вернулась в студию.

Процесс подходил к своему завершению. Натали изображала испуганную пейзажку, пытающуюся прикрыть обнаженное тело охапками сена. Очаровательная сцена и обворожительно-соблазнительная героиня. Художник и модель были в восторге друг от друга.

— Ой, да Светка всех ненавидела! — протараторила «выпускница Смольного», натягивая платье. — Подумаешь, герцогиня! Почему это ее на главные роли не приглашают или хотя бы на Гавайи? Нужна она кому, на Гавайях!

Страшная гибель «лучшей подруги», похоже, не явилась для Натали трагедией.

— Да как ее еще раньше кто-нибудь сгоряча не пристукнул! — Она вольготно раскинулась на стуле, отхлебнула чая и поморщилась. — А покрепче ничего нет? Глотку дерет, как ежиков наглоталась.

В шкафчике нашлась бутылка настоящей «Массандры». Нежное создание махнуло стакан благородного напитка одним глотком, у Ланки только бровь слегка приподнялась от удивления.

— Почему же ее должны были пристукнуть? — вернула я беседу в нужное русло.

— Да вечные претензии ко всем, вечно какие-то невозможные требования. Идиотка! Если ей чего надо, вынь да положи сию секунду, — захихикало «невинное дитя». — Правда, говорят, все замуж стремилась, да кто на такой женится?

— Она действительно очень хотела замуж?

— Как ненормальная! Все что угодно сделала бы для этого, по трупам бы пошла.

Мне подумалось, это заявление в создавшейся ситуации звучит, по меньшей мере, некорректно, девушка Света не только не пошла по трупам, совсем наоборот, стала трупом сама. Или уж отчаялась добиться своего, отчаялась прямо до смерти?

— И что, была уже кандидатура в мужья?

— Была! Как же! Целых десять! — Натали опять фыркнула, она часто это делала, как зверек. — Смешно, да? Сто человек вокруг, а замуж выйти не за кого. Это Светка думала, что была. Ну, кандидатура.

— А на самом деле?

— А на самом деле любому нормальному мужику Светкины претензии до лампочки.

— Какие претензии?

— Не знаете, что ли? — Натали посмотрела на меня как на неразумное дитя. — Обрюхатил — женись! С чего она взяла, что он из-за этого женится? У него своих детишек не то двое, не то трое.

Стало ясно, что «неземное создание» говорит о ком-то вполне конкретном. Ну, то есть, покойница свои «претензии» предъявляла не вообще, а какому-то определенному человеку.

— А вы, Наташа, его хорошо знаете?

От обращения на «вы» она остолбенела и уставилась на меня, как на привидение. Сидела и тупо молчала, переваривая услышанное. Наконец в чистых глазах мелькнуло более-менее осмысленное выражение, и Натали пожала плечами:

— Мужик как мужик, солидный, все при нем: костюмчик «версаче», чашки «лонжин», тачка нормальная.

— Какая именно?

Она задумалась.

— Не помню... Ясно, что не наша, но какая-то такая... Не сильно крутая. Может, «тойота»? Хотя нет, не «тойота». — Очаровательные бровки нахмурились, выдавая напряженную работу мыслительного аппарата.

— Цвет, хотя бы, какой?

— Бежевый «металлик», — не задумываясь, ответило «неземное создание», — или кофе с молоком... Не помню. Да я его всего один раз видела, и то случайно. Они все такие осторожные, ужас! В баньку — милости просим, а на людях показаться — фигушки вам.

— И давно вы этого... кандидата видели?

— Еще снег кое-где оставался, кажется, в апреле.

— Как его звали, не знаете?

— Вообще-то она говорила... похвастаться хотела, какого крутого мужика зацепила. Еще бы не зацепить, на такой работе. Звали его... — Натали опять старательно задвигала бровями, изображая напряженную мыслительную деятельность. — Не, не помню, мне ж без разницы было. Что-то короткое. Ну, не Константин, не Владислав, не Александр...

— Может, Виктор?

— Может, и Виктор. Да не помню я, это сто лет назад было!

Я предприняла еще одну попытку:

— А замуж она именно за этого солидного собиралась, или у нее еще кто-то был на примете?

— Да откуда я знаю! — фыркнула Натали. — У нее их миллион был. Хвасталась, что каждый вечер с другим.

— Как же так? Собиралась замуж, и каждый вечер с другим?

— Да мне-то что! Своих забот хватает. И какая разница, за кого она собиралась, все равно он ее послал.

— Как послал? — хором спросили мы.

— Вы чего, совсем?! Как посылают? Далеко. Денег на аборт дам, и прости-прощай, чтоб я тебя больше не видел и не слышал. Я ее в кегельбане встретила, злая была, как сто чертей, шары как попало швыряла, я думала, она дорожку расшибет. Посидели, она и давай вываливать. Гад, сволочь, и все такое. — Натали опять фыркнула. — Был бы сволочь, сказал бы «я тебя вообще не знаю», а он еще и денег на аборт обещал. Ну, овца... Берет мужика за глотку и думает, что он обрадуется. После трех стаканов, правда, успокоилась и тут же стала его оправдывать, мол, молодец, что не хочет жену с детьми бросать, если бы согласился, был бы гадом, потому что потом и ее так же бросил бы, а он, наоборот, верный.

Чем-то все это напоминало Оленьку. Может, у всех двадцатилетних мозги штампованные?

— Давно? — спросила я на всякий случай.

— Чего? — Девушка явно не поняла моего вопроса.

— Давно это было?

— Неделю назад. Сейчас... В четверг, точно, после моего бассейна.

— В четверг?! — Я аж подпрыгнула на стуле. — То есть за день до ее смерти?

— А... Ну да, в самом деле, — довольно равнодушно согласилась «лучшая подруга». — А что?

Интересно, она на самом деле такая дура или прикидывается? Света «берет мужика за глотку», а через день становится трупом. Ничего себе совпаденьице!

— И больше ты с ней не виделась? — От полного обалдения я даже не заметила, как перешла на «ты».

— Нет, — после небольшой паузы ответила Натали.

— Может, по телефону говорили?

— Ну... — После долгих размышлений нежное создание, наконец, общило: — Мы не говорили, мне некогда было.

— То есть она тебе звонила? Что сказала? Когда? Почему некогда?

До «тургеневской девушки», видимо, дошло, что отвертеться не удастся, и она кратко доложила:

— У меня во вторник, пятницу и воскресенье курсы французского, с пяти до девяти. Светка позвонила как раз в пять, ну, примерно. Только я собралась телефон отключить, а то могут и с занятия выгнать, тут звонок. Она довольная была, как три танкиста. По-моему, помирилась с этим, своим. А может, еще кого доломала. Опять про замужество говорила, вроде как все у нее решилось, я ей сказала, что некогда, звони после девяти, и телефон отключила.

**Кто ищет — тот всегда найдет!
Правда, иногда совсем не то, что искал...**

Христофор Колумб

— Врет. Как пить дать, врет.

Проводив «гостью», мы попытались подвести хоть какие-то итоги.

— Конечно, врет. Знает, кто это, только говорить не хочет, — согласилась Ланка.

— Вот только почему?

— Да мало ли! Но костюмчик и часики определила, а машину — нет? «По-моему, «тойота» — фу! И сразу — «нет, не «тойота». Все она отлично помнит, а врать не умеет. Небось, на бедность попросить хочет.

— И не боится? Так ведь можно и подруге компанию составить.

— Ну... можно ведь и подстраховаться, — предположила Ланка.

Мне вспомнился миллион историй про конверты с внушительной надписью «Вскрыть после моей смерти». Может, девушка Света, невзирая на свою явную глупость, тоже такое послание оставила? Не у адвоката, конечно, а, к примеру, у Наташи. Это многое объясняло бы, в частности, ее скрытность. Не все она нам рассказала, ох, не все. Но тогда у кого должна оставить такую же «страховку» сама Натали? Очень любопытно.

— Ну, дай-то ей Бог, а то не хватало нам еще одного трупа, — подытожила я с чувством облегчения. — Знаешь, у меня получается, что Светик начала давить на «счастливого» будущего отца, права качать, а он придумал, как все проблемы одним махом решить. Наобещал ей сорок бочек арестантов, вот она, довольная, в мышеловку и кинулась.

— Да, похоже, — кивнула Ланка, — только почему в студии?

— А где? Ты сама подумай. Дома? В кафе? Везде всегда есть масса потенциальных свидетелей. В кафе посетители и, главное, обслуга, а у них взгляд острый, профессиональный. В любом жилом доме полно любознательных старушек, тоже все видят, все знают. А здесь хоть стадо слонов приведи, никто не заметит.

— А сам что, святым духом просочился? Видели-то только ее.

— А черный ход на что? Зря, что ли, он открыт был?

— Как — открыт? — изумилась Ланка.

— Так и открыт. Не знаю, как в тот самый вечер, а на следующее утро, когда я в студию приехала, — точно. К тому же никто из сотрудников его не открывал, это я уже сегодня выяснила. А одна дама к тому же сообщила любопытнейшую вещь: эта дверь с лестницы плохо запирается, а изнутри плохо отпирается. Вкупе с тем фактом, что твою дверь открывали родным ключом, наводит на нехорошие размышления.

— Мы же решили, что это должен быть Лидусин муж, — нахмурилась Ланка.

— Нет, Ланочка, этого мы как раз не решили, по крайней мере, я. Это было только предположение. Но, суди сама, все вокруг студии крутится. А чтобы у Виктора были от нее ключи, да еще и от черного хода, — это уж совсем дикое совпадение получается. Где Крым, а где Рим. Да и мозги у него по-другому устроены. И, главное, огласки он не боится. Подумаешь, скандал! Лидусю он кормит-поит-одевает, так что она никуда не денется. Для бизнеса, чем бы он там ни занимался, никакие беременные девицы не помеха, может на всех площадях орать, какая он скотина, ему от этого ни жарко ни холодно. Чужая душа, конечно, потемки, совсем его сбрасывать со счета не стоит, но по моему скромному разумению это не он.

— А... кто? — с запинкой спросила Лана. Кажется, ей пришло в голову то же, что и мне: наиболее уязвим для каких бы то ни было угроз Большой Человек. Тут и политика, и дела семейные сразу. Но я только пожалала плечами:

— Будем думать. Кстати, а у тебя-то в студии ключ от запасного выхода есть?

— Конечно. — Она вскочила, обрадовавшись возможности сделать хоть что-то.

— Покажи-ка мне его на всякий пожарный случай.

Ланка нырнула в один из ящиков Оленькиного стола, покопалась в его недрах, вытащила совсем, еще покопалась и растерянно повернулась ко мне:

— Он всегда тут лежал.

— Очень мило. — Я почему-тонисколько не удивилась. — Не могли его случайно в другое место положить?

Ланка растерянно водрузила ящик себе на колени, продолжая бессмысленно «перемешивать» его содержимое.

— Да мы им не пользуемся, кому понадобилось его перекладывать?

— Может, все-таки посмотришь?

Она решительно сунула ящик на место и обвела взглядом студию. Да, зря я попросила, «посмотреть» тут может продолжаться неделями.

— Ладно, оставь, — остановила я ее. — Пустяк, конечно, но пустяк странный. Давай дальше думать.

Мы стали «думать дальше». Молчание продолжалось минуты две.

— А... Рит, а может, это вообще не счастливый отец? Мы же не знаем, кому еще и какие претензии она могла предъявлять?

— Это мысль, и, между прочим, близкая к гениальной, — высказалась я мало-мальски честно. — Меня все смущало, что возле студии ни одной более-менее подходящей кандидатуры не наблюдается. Кроме этого твоего, уже бывшего.

— Ты с ума сошла!

— Пока нет. Да не пугайся ты так, мне и самой эта идея кажется весьма и весьма сомнительной. Не клюнул бы он на такую... м-м... дешевку. Хотя, конечно, черт их, мужиков, разберет. Тело-то у нее и в самом деле божественное было. Да не бледней ты, тебе не идет. Сама сказала, он тебя от ДК забрал сразу после трех, и дальше вы вместе были. Алиби железное! Ты чего вздрагиваешь? Он у меня так, для очистки совести, просто потому что я не люблю железных алиби.

— У меня тоже такое же, — почти прошептала Ланка.

— Ты, дорогая, исключаяешься отнюдь не из-за алиби, а по совершенно иным причинам. Кстати, его окружение, скорее всего, тоже пустой номер. Я тут, на свой страх и риск, предприняла кое-какие провокационные действия...

— Рита! — Ланка трагически всплеснула руками, даже уронила канцелярский прибор, стоявший на Оленькином столе.

— Да что ты сегодня такая нервная? — Я поставила прибор на прежнее место и собрала рассыпавшиеся скрепки, карандаши и прочие конторские причиндалы. На дне стакана для карандашей что-то звякнуло. Я автоматически заглянула туда, скрепкой извлекла звякающий предмет и продемонстрировала его Ланке:

— Этот?

— Ой, а что он там делал? — Ее изумление было неподдельным.

— Лежал. Ну, этот?

— Похож. Думаешь, я помню, как он точно выглядит? Смотри сама. — Ланка извлекла из сумки свою связку ключей и положила рядом с находкой ключ от студии. Похожи они были почти как близнецы, только зубчики на бородках разные. Я попросила у Ланки подходящую коробочку и убрала в нее драгоценный ключик. Конечно, все сегодня умные, все знают, что надо действовать в перчатках, но если ключ даже не удосужились положить на место, так, может, и следы какие найдутся?

Как ни странно, Ланку мои манипуляции не слишком заинтересовали: ну, ключ, ну, оказался не на месте, непонятно, но какая разница? Гораздо больше ее беспокоили мои провокации в окружении «бывшего».

— Брось, расслабься. Аппарат у твоего Большого Человека отнюдь не гигантский. Я всего лишь аккуратно повыясняла, кто где был в нужное время, и осторожненько намекнула, что информация не совсем соответствует действительности.

— Ну?

— Ничего. Все убеждены, что Максим Ильич из командировки вернулся в субботу утром, про пятницу знаешь только ты. Хотя на самом деле остальным вообще наплевать. Никто не пытался меня ликвидировать, никто не пытался меня купить, никто вообще ничего не пытался сделать. Даже сказочек про плохо работающие телефоны не рассказывали. В общем, никого там не беспокоит, что их собственным времяпрепровождением в ту роковую пятницу интересуются. Более того, никто, кажется, и не подозревает, что пятница была роковой. Так что остаешься ты, которая заведомо ни при чем, Казанцев, которому ты обеспечишь железное алиби, Оленька и твоя Лариса Михайловна. Или еще кто-то?

— Ну... заходят многие. — Ланка выдвинула злополучный ящик, снова задвинула его, сунула в стакан откатившийся в сторону карандаш. — Но тогда получается ужасно сложно. Слишком сложно. Добыть ключи, выяснить про пустующее помещение... Мы ведь особо не докладываем, все привыкли, что в студии всегда кто-то есть. А зачем Оленьке или Ларисе Михайловне это нужно?..

— Оленькиных резонов нам с тобой не понять, даже не пытайся. Тебе отомстить, оградить ненаглядного от посягательств очередной пиявки, да все, что угодно. Но тогда придется предположить, что она — великая актриса, переплюнувшая Сару Бернар и Комиссаржевскую, вместе взятых. Мы же обе на ее истерику любовались — невозможно так достоверно сыграть. Не верю. А вот Лариса Михайловна — это любопытно. Я тут давеча демонстрировала чудеса хитрости, врала, как целое стадо сивых мерин, и в итоге выяснила — в «Улыбку» она была записана на одиннадцать утра, я, между прочим, даже с врачом побеседовала, в кресле Лариса Михайловна сидела с одиннадцати до начала первого. Дальше — аут. Где дача, какая дача, чья дача, и, главное, когда дача? У нее случайно не было возможности за твоей спиной чего-нибудь химичить, ну там, со счетами, дебет-кредит, прибыль-убыль, не знаю, я ничего не понимаю в бухгалтерии?

— Я, к сожалению, тоже, — грустно усмехнулась Ланка. — Но при чем тогда эта девица? Она-то, наверное, в бухгалтерии понимала еще меньше?

— В бухгалтерии, может, и меньше, зато у нее обширные и разнообразные знакомства, в том числе, не исключено, что и среди финансовых работников. Могла случайно что-то узнать...

Ланка отреагировала на мое рассуждение бессмертным:

— Черт побери!

В общем, не хватало только гипса и бриллиантов.

10

Друзья мои, прекрасен наш Союз!

М.С. Горбачев

Бриллианты ждали дома. Сразу два. Точнее, двое. Право, это не частная квартира, а какой-то проходной двор! Ну ладно, Кешка, свой человек, когда он не появляется, даже скучно. И ему всегда можно сказать «Глебов, брысь, а?» — исчезнет без всяких обид. Тактичный. Вот и сейчас выродил нечто, похожее на извинения:

— Рит, ты не сердись, что мы вот так, если мы не в тему, только скажи! Но... обсудить-то надо... — И добавил совсем уж жалобно: — Я тебе еды принес, вот, — протянул он коробочку. — Рыбка... Вкусная... Еще теплая...

Можно ли на него сердиться?!

А вот наглый Ильин даже бровью не повел. Он что, думает, раз мне замок менял, теперь можно этот замок открывать, когда захочется?

— А я-то считал, здесь рады гостям... — задумчиво проговорил Никита, слегка улыбаясь.

Но Маргариту Львовну голыми руками не возьмешь!

— Гости, дорогой мой, предупреждают заранее и стучат в дверь, а незваными не приходят. Иннокентий, не слушай, к тебе это не относится, ты тут не гость, а вполне полноправная личность. В крайнем случае за хлебом отправлю или компьютер чинить посажу.

Глебовская физиономия явственно отразила стремление немедленно бежать, причем сразу в двух направлениях. Победил, конечно, компьютер.

— А... что... что-то не работает?

— Да сиди ты, все в порядке, даже хлеб есть, это я так, чтобы некоторые немного в чувство пришли...

«Некоторый» шевельнул под столом ногой, и прямо на меня выкатился... арбуз. В мае месяце?!

— Откуда? — глупо пискнула я.

— Было трудно, но мы достали, — ухмыльнулся мой наглый гость.

Если чье-то сердце способно в такой ситуации не дрогнуть, значит, его, сердца, там просто нет. Вот и весь сказ. Не устаю цитировать некоего неизвестного мне мудреца: счастье — это мягкий-мягкий диван, большой-большой арбуз и «Три мушкетера», которые никогда не кончаются. Насчет «Трех мушкетеров» — дело вкуса, а в остальном — гениальная формула. Правда, в свете последних событий я, пожалуй, добавила бы еще одно условие: никаких убийств в реальной жизни, только в книжках! Но, видно, такая уж у меня карма — на каждом шагу о трупы спотыкаться.

— И, кстати, я думал, ты новости узнать захочешь, — невозмутимо протянул Ильин.

— Ну?! — вскинулась я.

— Э, нет, ladies first!

Тьфу, даже приготовлением кофе отговориться не удалось, заботливый Глебов уже снимал с огня джезву, увенчанную шапкой вздыбившейся пенки. Ну, раньше сядешь — раньше выйдешь. Изложив высокому собранию факты, извлеченные из Натали — про Светино стремление замуж, про злость, про радость и весь прочий идиотизм, — я получила в награду почти восхищенный взгляд обожаемого майора:

— Как тебе это удалось? У нее ведь на все один ответ: да я не помню...

— Было трудно, но мы достали, — ответила я его же фразой.

Долго наслаждаться триумфом мне не пришлось.

— Ты думаешь, она на самом деле не помнит, что за машина у этого, у покровителя? — уточнил Ильин.

Хороший вопрос. На «тойотах» у нас ездит чуть не полгорода, но все больше на серебристых, да еще на синих. Прочие цвета встречаются почему-то редко, а бежевые и кофейные — тем более, а «металлик» я, кажется, и вовсе не видела. Впрочем, пусть Никита сам ищет эту бежевую «тойоту». Натали знает явно больше, чем говорит, но как это из нее вытянуть? Так что свои соображения я предпочла оставить при себе, ответив формально:

— Фрейд ее разберет. Вообще-то девушка не производит впечатления гиганта мысли.

— Слушай, Маргарита Львовна, тебе не кажется, что в этой истории слишком много дурочек? Покойница, судя по всему, особым интеллектом не отличалась, Оленька, теперь еще и эта Наташа, — не унимался майор.

Мне подумалось, что Ильина можно пожалеть — дурочек ему, видите ли, многовато, а ведь он еще с Лидусей не общался. Вслух же я попыталась его успокоить. Хотя, кажется, не слишком удачно:

— Не всем же быть умными, это ж полный кошмар был бы.

— Истину глаголешь! Тогда мужикам осталось бы только повеситься, — на удивление покладисто согласился Никита.

— Вот именно. Должны же быть на свете простые нормальные девушки, рядом с которыми мужчина может чувствовать себя великаном, который все знает, все умеет, все помнит и вообще самый крутой.

— Умеешь ты сказать человеку приятное. — вздохнул майор. — Кстати, я вчера забыл сказать: на полу в студии осколки стакана. На том самом месте, с которого тело оттащили в угол.

— Как же я не заметила?

— Да там чуть-чуть, крошки, крупные осколки, если и были, все убраны. Вот только ни Лана твоя, ни Оленька не помнят, чтобы за последнюю неделю какой-нибудь стакан разбивался.

— А раньше?

— Не думаешь же ты, что там пол никогда не моют. Скорее всего, осколки свежие.

— Клофелин? Водка? — с надеждой спросила я. С надеждой — потому что помнила, что ни на одной студийной емкости следов клофелина не обнаружилось. Так, может, это как раз тот стакан, в котором...

— Только вода, — покачал головой Ильин.

— А стакан студийный?

— Похоже, что да. Но ты же понимаешь, стакан могла разбить уборщица, кто-то из посетителей и так далее. И совсем не обязательно это имеет отношение к делу.

— Действительно. Трудно предположить, что девушка выпила из упомянутого стакана отраву и целый час сидела на стуле, дожидаясь, пока она подействует. Дождалась, потеряла сознание, уронила стакан, который, заметь, весь этот час продержала в руке, и упала со стула. По-моему, это не имеет никакого смысла. Но у меня есть кое-что поинтереснее. В ДК девушка Света пришла одна, без сопровождающих — это раз. Выглядела при этом невероятно довольной — это два. Дверь запасного выхода была открыта — это три.

— Ну и что, мы видели, — перебил меня Никита. — На то он и запасной выход, чтобы быть открытым, на всякий пожарный случай.

— А вот и нет! Он всегда закрыт — это раз. Никто из обитателей этажа его не открывал — это два. А самое главное — дверь изнутри плохо открывается, а со стороны лестницы плохо закрывается. А вот это, — тор-

жественно извлекла я из рюкзака коробочку с ключом, — тот самый ключик. Удивительный предмет, между прочим, сам передвигается. Всегда лежал в дальнем углу секретарского стола, а сегодня вдруг оказался в стакане для карандашей. Можешь обследовать, для тебя принесла, руками не хватала.

— Рита! — Ильин смотрел на меня почти с ужасом. — Ты вообще сообщаем, что творишь?

— Иногда. А в чем, собственно, дело? — удивилась я.

— Когда эти чертовы американцы приезжают?

— Через неделю. При чем тут американцы?

— При том, что твоя подруга сейчас — одна из основных подозреваемых, а ты еще и добавляешь. Все же сходится на студии.

— Ну и что? В студии бывает тысячу человек.

Кешкин взгляд источал сочувствие. Майор же тяжело вздохнул и устало прикрыл глаза:

— У этой тысячи, жемчужинка ты наша, было, во-первых, крайне мало возможностей добыть ключи, особенно ключ от черного хода, который, как ты сама сказала, валялся в дальнем ящике Оленькиного стола. Во-вторых, крайне маловероятно, чтобы кто-то из них знал о том, что студия будет пуста, и, в-третьих, эта, как ты выражаешься, тысяча в студии бывала по делам фотографическим.

— Ну и?

— Баранки гну. В основных подозреваемых — все, кто был связан и со студией, и с покойницей. Она — не пешка, которой пожертвовали, чтоб насолить твоей Ланке.

— Почему ты так решил? Ты же сам сказал, что в этой истории слишком много дурочек, так почему бы всей истории не быть глупой?

— Но не до такой же степени! Никто не сжигает курятник, чтобы отвратить яичницы. А главное, я за последние три дня поговорил как раз примерно с таким количеством человек из этих кругов. Ты не поверишь, но к Лане Витальевне все очень прилично относятся. Как всегда, кто-то лучше, кто-то хуже, но в целом на удивление хорошо. Если бы кто-то таил такую гигантскую злобу, это обязательно где-то проявилось бы. Это тебе не политики, которые хотят одного, думают другое, говорят третье, а делают четвертое, и кто как к кому относится, даже в рентгеновский аппарат не разглядишь. У этих творческих личностей все «люблю» и «ненавижу» на поверхности. Кто-нибудь да знал бы. Про ненависть забудь.

— Я что, спорю? Мне тоже кажется, что вероятнее всего дело в самой девушке Свете. Но людей, которые могли бы добыть ключи или знать, что в студии пусто, наберется человек десять. Чего ты в Ланку-то уперся?

— Да я не уперся, — поморщился он. — Со следователем вам не повезло. Я-то как раз думаю, что твоя подруга ни при чем.

— Почему? То есть, не «почему ни при чем», а почему ты так считаешь?

— Теперь еще и из-за ключа. У твоей подруги была масса возможностей положить его на законное место. А в основном из-за той одиннадцатичасовой съемки.

Подумать только! Ведь я Ланке объясняла, почему убеждена в ее непричастности почти такими же словами. Он подслушивал! Он там под стулом сидел!

Я представила сидящего под стулом Никиту с оттопыренным ухом так ясно, что не выдержала и расхохоталась. Ильин с Глебовым сунули мне одновременно по стакану с водой, отчего я развеселилась еще больше, так что стаканы пришлось наливать заново, а Кешка понесся в ванную за половой тряпкой.

Они, кажется, решили, что у меня истерика, и прыгали вокруг в полной растерянности. И напрасно. Вся эта история вдруг показалась мне таким верхом идиотизма, что поневоле расхохочешься.

— Ладно, хорошего помаленьку, — смогла я произнести через несколько минут. — У Ланки есть знакомые. В самой студии, кроме Ланки, работает еще два человека, у них тоже есть знакомые, некоторые достаточно близкие.

— В этот момент майор почему-то хмыкнул, но промолчал, и я продолжила: — Ты, кажется, хотел мне какие-то новости сообщить. Мои кончились.

— Новости не так чтобы великие, с твоими не сравнить. Но кое-что есть. Про осколки я тебе рассказал. Дальше. Ты знаешь, что Лариса Михайловна в ту пятницу отпросилась со своей основной работы?

— Знаю, — гордо доложила я. — С одиннадцати до четверти первого ей лечили зубы. Потом она собиралась на дачу. Сразу сообщаю: куда, к кому, на какую дачу — мне неизвестно. Мне даже неизвестно, отправилась ли она именно на дачу или в другое место.

— На дачу, на дачу, — подтвердил Ильин. — Но дача у Ларисы Михайловны в черте города, а видели ее там только после десяти вечера. Улавливаешь?

— Улавливаю, чего ж тут не уловить: времени у нее было достаточно, чтобы упокоить хоть десяток Свет. Только... Знаете, если бы я сама поехала куда-то на природу после визита к зубному, то для успокоения нервной системы бухнулась бы спать, а не демонстрировала бы свое присутствие соседям.

— Возможно, — вздохнул Никита, — но недоказуемо. Ни то, ни другое.

— Но зачем бы ей? Ланка сказала, что Лариса могла бы за ее спиной для собственных целей оперировать со счетами и всякой прочей мутью,

ибо в бухгалтерии Ланочка — ни ухом ни рылом. Но даже если девушка Света что-то о бухгалтерских махинациях и разузнала, проще было ее купить, чем убить. Мотивчик довольно хлипкий.

— Можно и основательнее найти, если постараться. У Ларисы Михайловны есть приятель, к которому она очень... — Ильин сделал выразительную паузу, — тепло относится. Причем взаимно, они даже собрались сочетаться законным браком. Правда, жених на двенадцать лет моложе избранницы.

— И, как на грех, познакомился с обворожительной Светой, — догадалась я.

— Кто ж его знает, — развел руками майор. — Может, познакомился, может, нет. В Светином магазине его помнят, но вот насчет самой Светы — пробел. Однако любопытно, что упомянутый жених вторую неделю безвылазно торчит в деревне у родителей, помогает дом ставить.

— На чем «жених» ездит, не скажешь?

— На серебристой «тойоте». А что, есть идеи?

— Подозрительный ты, Никита, сверх всякой меры. И вообще средневековье из тебя лезет. Дикарь. Ах, баба мужика на двенадцать лет старше, какой пассаж! Лично мне знакомы три такие пары, в одной разрыв даже больше, очень прочные, кстати, пары, по прошествии уже долгих лет по-прежнему нежно друг друга любят. Хотя, — я немного сбавила темп нападения, — всякое бывает. Можно было заранее сказать, что больше всего оснований не любить девушку Свету — у ревнивых баб.

Глебов как-то странно закашлялся, а Никита с поклоном отодвинулся от стола:

— Прошу, сударь, ваш выход.

Иннокентий посмотрел на меня взглядом виноватого кролика:

— Рит, я ему сказал про Лидусю и ее мужа.

— Да бога ради! — воскликнула я, быть может, излишне пылко, потому что Ильин покосился на меня с явным подозрением. — Чего там? У Виктора алиби нет, что ли? Где он, кстати, был в нужный нам момент?

— Виктор в нужное нам время играл в боулинг. В «Альтаире». Что подтверждается и обслугой, и игроками с соседних дорожек. Правда, если ты себе представляешь «Альтаир», то поймешь, что алиби отнюдь не железобетонное.

«Альтаир» я представляла. При тамошнем освещении — на дорожках свет, рядом мрак кромешный — слона можно не заметить. Равно как и его отсутствия. Поэтому согласилась моментально:

— Алиби, конечно,дохлое. Только я совершенно не могу представить, откуда бы у Виктора могли появиться ключи и нужная информация. Да и мотивчик, по правде сказать, так себе. Подумаешь, девушка решила

замуж за него выйти! Это ж не угроза для средней руки бизнесмена. С какой стати убивать? Но если это действительно Виктор — скатертью дорога. Он мне ни сват ни брат, даже ни приятель. Тем более за убийство, кажется, сажают без конфискации? Значит, автосервис, или что у него там еще, Лидусе останется, с голоду детишки не помрут. Ладно, Глебов, ты вроде чего-то накопал? Докладывай. А то я до Лидуси дозвониться не могу, в Пензу ей вздумалось свалить.

— В пятницу она была еще здесь, — грустно сообщил Кешка.

— Ну и что?

— Часов в пять к ней в гости заявила Света.

— Ни фиги себе! Это точно?

— Абсолютно. Правда, время плюс-минус квадратный километр, могло быть и четыре, и семь. Но сам факт — железный. Детишки, конечно, не свидетели, но Ванька, средний, из нескольких фотографий ее выбрал, и даже одежду описал более-менее.

— О-ля-ля! Вот это новости! И Лидуся ее с лестницы не спустила? Долго Света у нее была?

При более благоприятных обстоятельствах из меня мог бы высыпаться еще десяток настолько же умных вопросов. Не успела. Кешка одновременно покачал головой и пожал плечами — мол, не знаю.

— Похоже, Света явилась с официальным визитом: бутылка, конфеты, все как полагается. Конфеты Ванька тем же вечером сам доедал, так что с лестницы ее, видимо, не спустили.

11

У обыкновенной женщины ума — как у курицы.

У необыкновенной — как у двух куриц.

Конфуций

На следующий день пришлось с утра пораньше лететь в редакцию — срочно потребовалось добить каким-нибудь информационным мусором две рекламные полосы, которые, что хуже всего, еще и понадобилось править — это убрать, это добавить, это причесать, это заострить, фу!

Почему-то самые гениальные идеи по поводу собственной рекламы приходят в головы заказчиков в последний момент. Как правило. Ну а я девушка терпеливая, к подобным капризам отношусь спокойно: хотите с

бантиками, будет вам с бантиками, хотите в цветочек — да пожалуйста, сколько угодно, хоть с бубенчиками. А законы хорошего вкуса могут хоть застрелиться.

Около четырех полосы ушли, наконец, в корректуру, так что появилась возможность ненадолго прервать творческое горение, и я отправилась в ближайший магазинчик, который носит нежное имя «Елочка». Никаких елочек в радиусе как минимум трех километров не наблюдается, да и торгует магазинчик отнюдь не пиломатериалами. Обычный продуктовый набор: от хлеба и молока до консервов и алкоголя. Быть может, колбаса там и из опилок, не знаю, не пробовала. А у стойки торчит кран, из которого наливают вполне приличное пиво.

Я взяла себе «кружечку» — на самом деле дурацкий пластиковый стакан — и устроилась во дворике на останках каменной лестницы, которая никуда не вела, зато вся была залита солнцем. Хотелось погреть косточки после нашего подвала. Полуобвалившиеся ступеньки подо мной были теплыми, пиво, наоборот, холодным, аврал, в основном, завершен. Хорошо...

Мозги автоматически продолжали работать, сменился только объект «обследования». Целый день я про убийство не вспоминала, имею право развлечься?

Наиболее странно выглядел «летающий» ключ. Было бы гораздо понятнее, если бы он просто пропал. Но если тот, кто его взял, имел возможность вновь оказаться в студии, почему не положить ключ на прежнее место? Итак, ключ — это Странная Вещь Номер Один.

Странная Вещь Номер Два — открытая дверь запасного выхода. Если ею воспользовался убийца, почему сама Света шла через вахту? Или они встретились в студии случайно? Как рояль в кустах?

Тогда само появление Светы в студии придется считать Странной Вещью Номер Три. Если она с кем-то договорилась там встретиться, это еще можно как-то понять. Почему именно в студии — непонятно, но не странно, мало ли какие у людей бывают причины (например, повидаться она собиралась с Оленькой, Ларисой Михайловной или самой Ланкой). А вот если Света явилась в студию сама по себе — это уже действительно странно, особенно после того зимнего скандала.

Еще более фантастично выглядит ее визит к Лидусе. Хотела убедить ту отпустить супруга «в новую жизнь» (безотносительно к тому, что сам Виктор туда вовсе не стремился)? Вообще ни в какие ворота не лезет. Люди совершают массу идиотских поступков, но не до такой же степени!

Или, может, Лидуся сама ее пригласила? Зачем? Сообщить, что из соображений вселенского гуманизма и вообще благородства решила отпустить блудного мужа на все четыре стороны? Невероятно.

К тому же перед самой Светиной смертью. Как ни крути, а визит к Лидусе — это Странная Вещь Номер Четыре.

Звонок Оленьке вряд ли можно отнести к Станным Вещам. С ним все вполне понятно: либо звонок не имеет никакого отношения к делу, чистое совпадение, что крайне маловероятно, но возможно, либо он явился способом «очистить поле битвы». Не очень понятно, кто именно это сделал, но ничего странного в этом, тем не менее, нет.

Странная Вещь Номер Пять — стакан, который никто не разбивал. Разбили раньше и забыли? Может быть, и так. Но Ланка успела сообщить, что уборщица приходит по понедельникам, средам и пятницам. С утра. Значит, утром в пятницу пол был вымыт, и вряд ли после этого там могли оставаться какие-то осколки, ну разве что совсем микроскопические. Ильин прав, могла разбить и уборщица (но тогда она же их и ликвидировала бы), могла вообще осколки случайно занести из другого офиса. Могла, разумеется. Но чем-то мне этот стакан все же не нравился.

И, наконец, Странная Вещь Номер Шесть — невероятно довольный вид девушки Светы в тот роковой вечер. С чего бы взяться довольному виду после визита к жене своего «покровителя»? Если с Виктором Света уже рассталась, чего к Лидусе ходить? А если нет, откуда взяться «глубокому моральному удовлетворению»? Что ей такого радостного Лидуся сообщила? Единственная версия — что с Виктором разводится.

Обозрев еще раз получившийся список, я почувствовала себя Белой Королевой, которая ухитрялась до завтрака поверить как раз в шесть невероятных вещей. Все это собрание фактов было не просто Странно — странности категорически не сочетались друг с другом. Черт-те что и сбоку бантик! Причем бантик можно было видеть воочию. Почти перед самым носом. Двумя ступеньками выше меня. Что за наваждение? Потрясла головой, видение не исчезло: действительно, бантик. Небольшой, черненький, аккуратненький. Рядом еще один.

Ну, все, досиделась, напекло голову. И бантики чернявые в глазах...

Бантики вдруг шевельнулись, и оказалось, что они украшают пару босоножек. Босоножки, ясное дело, были на ногах. Ноги принадлежали — я подняла глаза...

Тьфу, пропасть, Лидуся! Легка на помине. И, что характерно, тоже со стаканом пива.

— Привет! Так и знала, что ты здесь. — Она устроилась рядом, отхлебнула изрядный глоток и сразу приступила к делу: — Чего там у Великановой стряслось?

Опаньки! Я чуть не свалилась со ступеньки. Способности Лидуси узнавать новости превосходили всякое воображение. Ей были всегда известны все мало-мальски значимые сплетни, причем она виртуозно отфильтровывала достоверную информацию от шедевров «сарафанного радио». Вот, пожалуйста! Только явилась из Пензы, и на тебе!

— А... что такое? — осторожно поинтересовалась я.

— Да брось, ты же там была. Какую-то девицу пристукнули.

— Ну...

— Ритка, не томи! Хочешь, я тебе еще пива куплю?

— Да не надо, я и сама в состоянии.

Я задумалась о причинах такой щедрости. Как правило, мы платили каждый сам за себя, разве что у кого появлялись совсем уж шальные деньги, провоцирующие на купеческое «я угощаю».

— Ритка, не спи! — Лидуся дернула меня за рукав.

— Чего ты от меня-то хочешь?

— Когда ее?.. Это?..

Невероятно! Лидуся чего-то не знает!

— В пятницу вечером. — Сообщая об этом, я не выдавала никакой тайны, так что совесть и не ворохнулась.

— Вот!..

Лидуся обильно пересыпала свою речь словами, которые, по выражению одного авторитетного источника, «мужчины используют для связи слов в предложениях». Лидуся использовала их для украшения. Придется, однако, хоть и жаль, обойтись без стилистических изысков — бумага, что бы там ни говорили, терпит не все.

— А в чем дело-то?

— Да я ж тебе говорю, это ж та девица, она с Витькой моим весь последний год путалась. Всю плешь мне проела!

— Так это ты, что ли, постаралась? — не очень тактично пошутила я.

— Не. Хотела только, — на полном серьезе ответила Лидуся. — Сколько раз руки чесались подстеречь и по темечку приласкать. Дрянь подзаборная!

— И чего же не подстерегла?

— Ты серьезно? — удивилась Лидуся.

— Сама говоришь — хотела.

— Я чего, совсем ненормальная? Убьешь мокрицу, а сядешь, как за человека. Мне это надо? Витька, кобель, все равно другую найдет. Гад, да? Меня на цепи держит, не поздоровайся ни с кем, а сам... Да ладно, все мужики одинаковые, пусть он телок каждую неделю меняет, от нас все равно никуда не денется, ты не подумай, он же пацанов как ненормальный

любит... Так я чего хотела, — продолжала Лидуся. — Она ведь у меня была как раз в пятницу.

— Да ты что?! — вполне правдоподобно удивилась я.

— И... может, ты сама там как-нибудь расскажешь, ну, этому своему, майору? А то мне неудобно, если Витьке какая вожжа заскочит, он, знаешь, как может разукрасить?

— Подожди, Лид. Что там рассказывать-то? Ну, была она у тебя и была. Вы вообще-то с ней знакомы были?

— Да нет же! В лицо я, ее, конечно, видела, а так — не знакомы. А тут заявляется. Прямо домой. Ну, не могу же я человека с лестницы спустить, если он ко мне в гости пришел, правда? И дверь захлопывать нехорошо. И вообще, надо же сначала узнать, зачем приперлась.

Вот в этом — вся Лидуся. Она действительно не способна захлопнуть дверь даже перед носом злейшего врага — если бы у нее когда-нибудь были враги. Раз пришел, значит, гость. А с другой стороны — «надо же узнать, зачем».

— И зачем?

— Я, говорит, Лида, перед тобой так виновата, так виновата. И сразу на «ты», нахалка такая! Хотя какое «вы», если мой Витька с ней... — Лидуся фыркнула так, что из стакана веером взлетели пивные брызги.

— Да что ты говоришь?! — удивилась я согласно роли сочувствующей слушательницы.

— Ну! Так виновата, говорит, ты меня прости. Представляешь?! Я прямо упала. Ты, говорит, зла на меня не держи, я замуж выхожу, не хочу, чтобы кто-то вслед плевал. Вот дура-то! — Лидуся немного помолчала и возразила сама себе: — Правда, это бывает. Иной раз так вслед проклянут, что всю жизнь посуду бить будешь. Вот и пришла мириться, значит. Бутылку принесла, конфеты. Не гнать же. Посидели, выпили.

— Как она выглядела?

— Да обыкновенно. Макияж, конечно, как из витрины. Платье, босоножки, сумочка, конфеты и бутылка в пакете, пакет, если надо, до сих пор дома валяется. Конфеты дети съели. Сперва бледная какая-то была, хоть и намазанная, после второй рюмки развеселилась, а уходила совсем уже довольная.

— Много выпили?

— Да рюмки по три, что ли. Пузырь не допили, Витька вечером приговорил. Я в парикмахерскую собиралась, некогда было расслаживаться.

Помнится, Ильин говорил что-то про содержание алкоголя в крови. Сколько-то там промилле. В переводе на русский язык — грамм сто пятьдесят водочки Света употребила, максимум двести. Сходится.

— Ну, ты им все расскажешь, да? Сама, ладно? И не говори про меня, чтобы не таскали, договорились?

Убийство или нет, но Лидуся не потеряла ни грамма своей практичности. Интересно, как она это себе представляет — расскажи все, но «про меня» не говори. Ну что ж, оставался всего один вопрос:

— Во сколько она ушла, не помнишь?

— Без пяти пять, — не задумываясь, ответила Лидуся.

— Точно? — усомнилась я. Лидуся и часы — вещи несовместные.

— Думаешь, я вообще дура? — обиделась она. — Я ж говорю, мне в пять в парикмахерскую надо было!

Да, парикмахерская — дело святое.

— ...пришлось ее дожидаться, позвонить ей приспичило!

— Кому? — довольно бессмысленно спросила я.

— Откуда я знаю? Мужикику какому-то.

— Точно мужикику? — Я вдруг вспомнила про звонок Натали, хотя тот был скорее чуть позже пяти, но мало ли.

— Наверное. — Лидуся задумчиво повесила пустой стакан на ближайшую ветку. — С бабами так не разговаривают. Она о встрече договаривалась — ну, знаешь, что-то типа «лучше сейчас» и все такое...

И тут меня позвали из редакции:

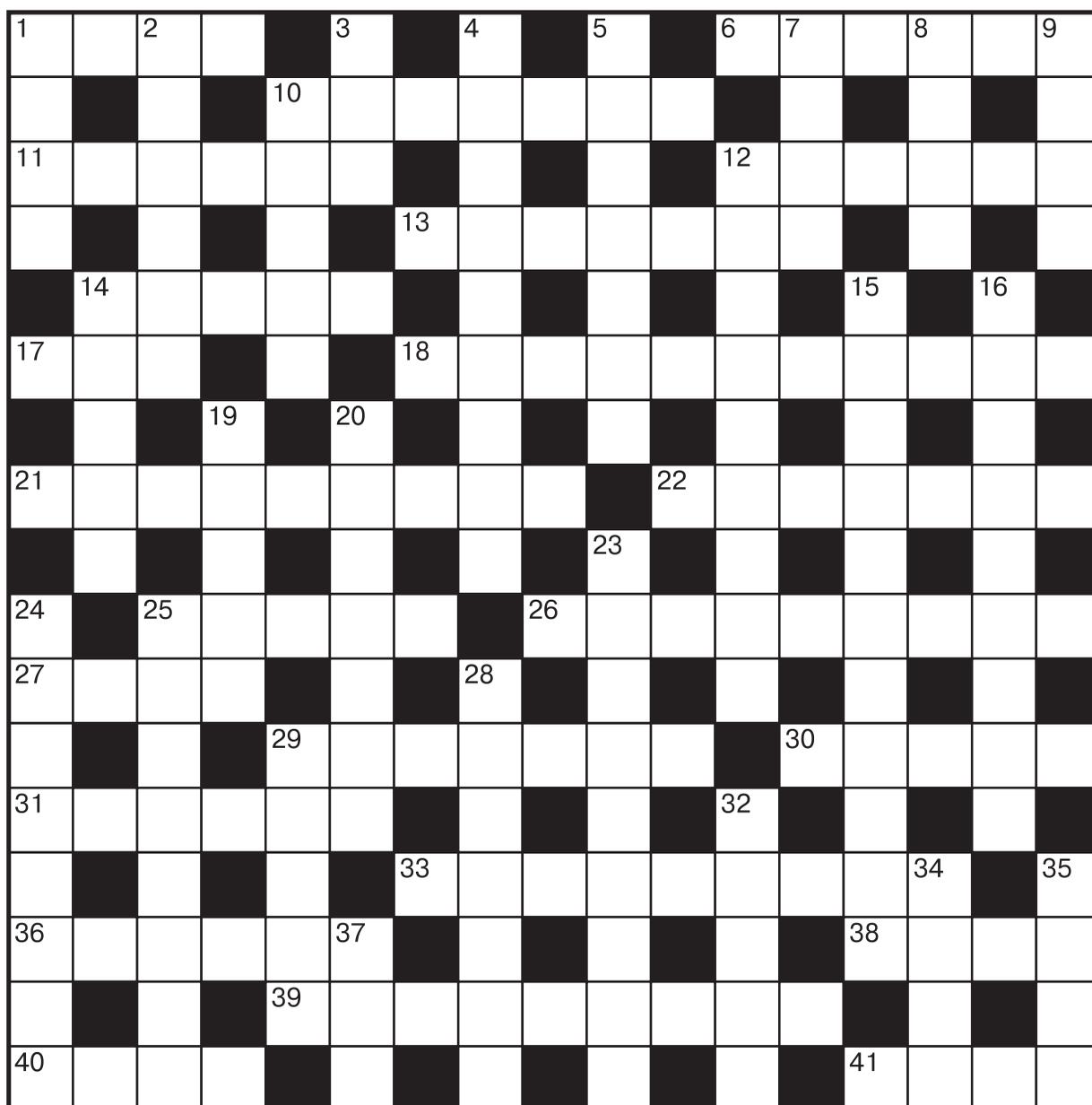
— Рита, там все вычитали. Будешь смотреть, пока пленки выводить не начали?

И я пошла смотреть.

— Ты в гости-то заходи! — прокричала мне вслед Лидуся. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Маленькая ... часто ведет к большому преступлению». **6.** Американец, придумавший электрическую лампочку в отместку компании, отключившей ему за неуплату газ. **10.** Цветок, сльвшийся в прежние времена символом трудолюбия и усердия. **11.** Официант из парижан. **12.** Как доказали ученые, ... шоколада в торговом зале за-

ставляет покупателей щедрее тратить деньги. **13.** Какое государство провозгласили в доме Библии? **14.** «Вафельный кулечек». **17.** Хищник, у которого, бывает, шакал таскает куски добычи прямо из-под носа. **18.** «Угловой делец». **21.** Главный народный хит в репертуаре великого Федора Шаляпина. **22.** Университет, чей диплом Билл Гейтс получил через 30

лет после поступления. **25.** Какое чувство заставило отца Федора из романа «Двенадцать стульев» покорить безымянную отвесную скалу в Дарьяльском ущелье близ Крестового перевала и оказаться в компании орлов и царицы Тамары? **26.** Гимн студентов. **27.** Дерево «на меду». **29.** Virtuозный «кидала». **30.** Самый близкий из чужаков. **31.** Кто «визжит, пугается, как бы у него деньги в потемках не уперли» из рассказа «Монтер» Михаила Зощенко? **33.** Игра в мяч у древних греков. **36.** Пьер Огюст среди классиков мировой живописи. **38.** Какой кельт давным-давно жил во Франции? **39.** Кошачий ученый. **40.** «Курьер» энцефалита. **41.** Глас терзаний.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Конструктор «в пупырышках». **2.** Мучной оселок. **3.** «Иероглиф судьбы». **4.** Детская эпиграмма. **5.** Что поет романсы у банкрота? **7.** Обычная изнанка блажи. **8.** В какой борьбе завтраку предшествует пятнадцатиминутная тренировка натошак? **9.** Виктор Гюго говорил, что человечество владеет тремя клю-

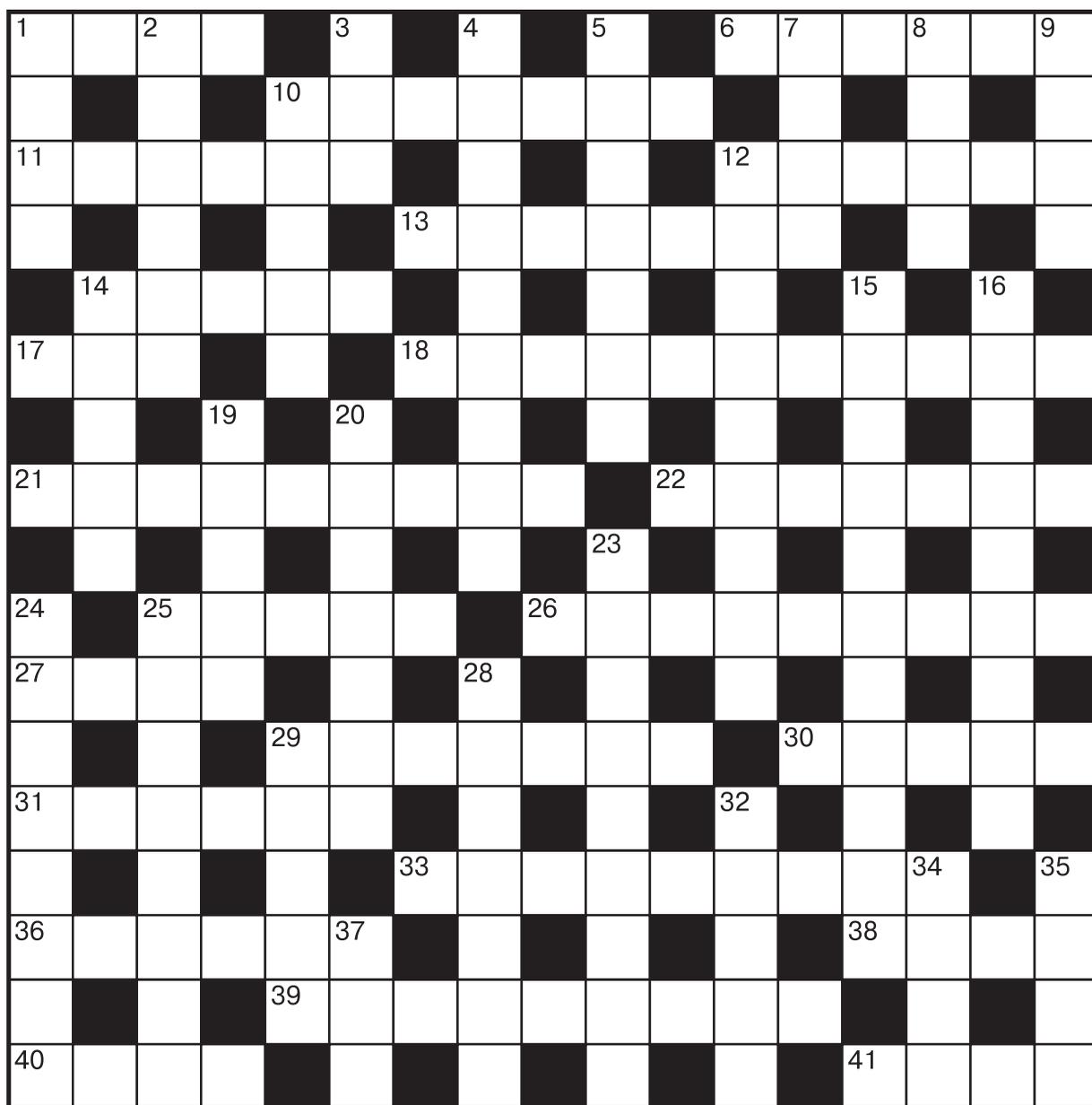
чами, открывающими все двери: первый — цифра, второй — буква, а третий — ... **10.** Апломб гордеца. **12.** Русский император из романа «Битва железных канцлеров» Валентина Пикуля. **14.** Рисунки на смекалку. **15.** Врач переломного периода. **16.** Шутник с изюминкой. **19.** «На сердце боль, взгляд смотрит в небо и ждет ответа: когда закончится ...?!» **20.** Мастер театральных муляжей. **23.** Дважды в год в Париже модельеру, создавшему самую оригинальную коллекцию, вручают приз — «Золотой ...» **24.** Рабочая профессия будущего президента Леха Валенсы. **25.** «... утопающих — дело рук самих утопающих». **28.** Кто сочинил марш «Прощание славянки»? **29.** Тропический зверь, чьи пятна на шкуре уникальны так же, как и отпечатки пальцев у человека. **32.** С кем в обнимку снялась обнаженной Настасья Кински на знаменитом постере? **34.** Первый королевский ... Елизавета II открыла 6 марта 1997 года. **35.** Какую шахматную фигуру поляки прозвали «петухом»? **37.** Питратская виселица.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Хэнкс. **9.** Оторопь. **10.** Кубок. **11.** Псарь. **12.** Гранола. **13.** Гиена. **14.** Пантеон. **16.** Virtuоз. **19.** Опыт. **21.** Удавка. **23.** Кобра. **24.** Кремль. **25.** Улитка. **26.** Драка. **27.** Идиот. **29.** Атом. **31.** Квадрат. **33.** Жженов. **34.** Дартс. **35.** Кегли. **37.** Генрих. **39.** Вантуз. **40.** Кавычки. **41.** Такт. **42.** Рапорт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шторм. **2.** Транзит. **3.** Эполеты. **5.** Экстаз. **6.** Карета. **7.** Щукин. **8.** Война. **13.** Гондола. **14.** Подозреваемый. **15.** Водка. **16.** Выпендрейник. **17.** Святотатство. **18.** Казарма. **20.** Фрикаделька. **22.** Алкоголик. **28.** Чад. **30.** Джигит. **32.** Тамада. **36.** Азот. **38.** Хаш.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Язык выяснения конфликтов» между заключенными в мексиканских тюрьмах. **6.** Что сильно изменило планы героя рассказа «Без вести пропавший» Амброза Бирса? **10.** Под каким именем Кощей Бессмертный изначально выступал в русских народных сказках? **11.** Прическа у казачек.

12. Любимая кошка финской писательницы Туве Янссон. **13.** Танец в древнегреческой трагедии. **14.** Японская колодка для преступников. **17.** Каким посохом бог Птах у древних египтян «рассеивал тьму»? **18.** Кофейная ступка на Востоке. **21.** Командующий дворцовой стражей в чертогах византийского императо-

ра. **22.** Самая популярная у французов порода лошадей для производства мулов. **25.** Классик, чья могила соседствует с «последним земным домом» Вацлава Нижинского. **26.** Овощной раздел в старинных поваренных книгах на Руси. **27.** Какой пекарь в 1616 году придумал слоеное тесто, желая побаловать своего больного отца? **29.** Какой венгерский фантаст выдвинул теорию «Шести рукопожатий»? **30.** Главная звезда Южного Треугольника. **31.** Какое палаццо Флоренции ныне служит ратушей? **33.** Самый духовный из жанров негритянской музыки. **36.** Загуститель при изготовлении тофу. **38.** Певчий воробей. **39.** Татка из сталинских писем. **40.** Пророк с голубиным именем. **41.** Случайно выигранный шар в бильярде.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Литовский хлеб с тмином. **2.** Какая дива стала прообразом Эдме Тетуа из фильма «И корабль плывет» Федерико Феллини? **3.** «Суп осиновой коры». **4.** Оплетенная лозой бутылка литров на де-

сять вина. **5.** Бразильская древесина на «гибкую фанеру». **7.** Приношение богу у синтоистов. **8.** Капуста, чье масло заменяет автомобильное топливо. **9.** Немец, стоявший у истоков экспериментальной эмбриологии. **10.** Какой пирог в Восточной Африке готовят из миллионов стертых в муку мошек? **12.** Как звали мать художника Василия Сурикова? **14.** Малайская боевая плетель. **15.** Бельгийский «фестиваль» в Средние века, во время которого сбрасывали котлов с городской колокольни. **16.** Кто стал секундантом Пьера Безухова в его дуэли с Федором Долоховым? **19.** «... начинается с удивления». **20.** Дважды лучший футболист года Бразилии по прозвищу Восьмой царь Рима. **23.** Голландский водяной спаниель. **24.** Святой покровитель той церкви, где крестили великого Данте. **25.** Гормон поджелудочной железы. **28.** Сибирский изумруд. **29.** Итальянская Светлана. **32.** Летний веер у японок. **34.** Медленная часть чардаша. **35.** Ледяной байкальский ветер. **37.** Монгольский меч.

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Омуть. **9.** Даррелл. **10.** Ламер. **11.** Эдикт. **12.** Ишигаки. **13.** Ибада. **14.** Паданго. **16.** Батидас. **19.** Атев. **21.** Танеев. **23.** Флорэ. **24.** Дискус. **25.** Миньян. **26.** Кнехт. **27.** Джига. **29.** Ирма. **31.** Агатарх. **33.** Вамана. **34.** Ларни. **35.** Чалоп. **37.** Движок. **39.** Бурлюк. **40.** Тескоко. **41.** Ирга. **42.** Докинз.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Лапша. **2.** Триглав. **3.** Алексей. **5.** Медияс. **6.** Лукиан. **7.** Дамбо. **8.** Бенди. **13.** Игнасий. **14.** Павлиноглазка. **15.** Нарды. **16.** Бейсджампинг. **17.** Фельтрелли. **18.** «Квантас». **20.** Орехотворка. **22.** Бургиньот. **28.** Ярл. **30.** Авадзи. **32.** Хабуго. **36.** Сказ. **38.** Кег.

Уважаемые читатели! Вы можете оформить подписку на любой номер 2015 года через редакцию. 1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810600000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта досрочная подписка
на журнал «Смена» на I-е полугодие 2016 года.

Каталог
«Газеты Журналы»
Спецвыпуск

Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров,
инвалидов и ветеранов

Индекс 70820 — для остальных подписчиков

Подписка на текущие месяцы проводится по следующим индексам:
71518 (льготный), 70820, 99406, 88998 (адресный).

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2015 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на вторую половину 2015 года или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2015 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

